

ПРАВО:

история и современность

научно-практический информационный журнал

Т. 8, № 1. 2024

История защиты
трудовых прав

С. 7

Права семейственные
в Российской империи

С. 19

Экологические
преступления

С. 65

Искусственный
интеллект
и преступления
несовершеннолетних

С. 81

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

Т. 8, № 1. 2024

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписку на печатную версию журнала можно оформить
по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс – 85741

Подписано в печать 19.06.2024. Дата выхода в свет 02.07.2024.
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 9,98. Уч.-изд. л. 10,26.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 016.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
Адрес типографии: 392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А,
тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2024
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2024

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Аль Махмед Гани Зтайер Атея	д-р юрид. наук	Колледж имама Кадхима (Ирак), декан <i>e-mail: Ganiatia@inbox.ru</i>
Андрияшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления <i>e-mail: andryiashkomv@mail.ru</i>
Аубакирова Индира Ураловна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая Школа Права Казахского гуманитарно-юридического университета имени М. С. Нарикбаева <i>e-mail: indastana@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права» <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок» <i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования <i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Гришина Яна Сергеевна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры гражданского права <i>e-mail: grishinel@inbox.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума <i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Гутников Олег Валентинович	д-р юрид. наук	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом гражданского законодательства и процесса <i>e-mail: oleg_gutnikov@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека» <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Зиядова Дуряя Зиядиновна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ «Дагестанский государственный университет», профессор кафедры «Уголовное право и криминология», заведующий лабораторией уголовно-правовых и криминологических исследований <i>e-mail: Zijadowa@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право» <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>

Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Крылов Константин Давыдович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», главный научный сотрудник сектора процессуального права <i>e-mail: kodakr@list.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая школа правоведения Института государственной службы и управления «РАНХиГС при Президенте РФ», профессор <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Мельников Николай Николаевич	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: rurcredit@yandex.ru</i>
Мунам Замиль Саям	канд. экон. наук, профессор	Васитский университет, г. Эль-Кут (Ирак), профессор факультета экономики и управления <i>e-mail: S_samer@mail.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминалистики факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», ведущий научный сотрудник <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», доцент кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Петров А. Я. История защиты трудовых прав: от Древней Руси до середины XIX столетия	7
Скобликов П. А. Охрана прав семейственных в Уголовном уложении и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных: сравнительный анализ установленных запретов	19
Уповов А. Г. Современные способы оказания влияния на иностранные государства	41

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Пирожкова И. Г., Бадина Е. А. Проблемы развития судебной деятельности и цифровизация государственного аппарата	52
Ростокинский А. В., Данелян С. В. О прогнозах и результатах наших юридических «побед» над фашизмом-2 или зачем все это затевалось?	57

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кузнецова Н. И. Дифференциация уголовной ответственности за совершение экологических преступлений	65
Лыков Э. Н., Бельский А. И. Жертва преступления и ее роль в механизме преступного поведения	74
Савин П. Т. Перспективы применения искусственного интеллекта для предупреждения преступлений несовершеннолетних.....	81
Таранов Г. К., Мамонтова Э. А. Условия правомерности причинения вреда в случаях задержания лица, совершившего преступление	89

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

Мельников Н. Н. Понятие, состав, назначение и правовой режим земель запаса	103
---	-----

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW

Petrov A. Ya. History of Labor Rights Protection: from Ancient Rus' to the Middle of the 19th Century	7
Skoblikov P. A. Protection of Family Rights in the Criminal Code of the Russian Empire of 1903 and the Code on Criminal and Correctional Punishments: A Comparative Analysis of the Established Prohibitions	19
Uporov A. G. Modern Ways of Influencing Foreign States	41

PUBLIC LAW

Pirozhkova I. G., Badina E. A. Problems of Development of Judicial Activity and Digitalization of the State Apparatus	52
Rostokinskiy A. V., Danelyan S. V. About the Forecasts and Results of Our Legal "Victories" over Fascism-2 or Why all this Was Started? ..	57

CRIMINAL LAW

Kuznetsova N. I. Differentiation of Criminal Liability for Committing Environmental Crimes	65
Lykov E. N., Belsky A. I. Crime Victims and their Role in the Mechanism of Criminal Behavior	74
Savin P. T. Prospects for the Use of Artificial Intelligence to Prevent Juvenile Crimes	81
Taranov G. K., Mamontova E. A. Conditions for the Lawful Infliction of Harm in Cases of Detention of a Person Committing a Crime	89

PRIVATE LAW

Melnikov N. N. Concept, Composition, Purpose and Legal Status of Reserve Lands	103
---	-----

Рассмотрены исторические предпосылки зарождения регулирования трудовых прав через призму понятия «самозащита субъективного права». Основой работы послужили правовые источники древней и средневековой Руси, документы нового времени – XVIII и XIX столетия: указное нормотворчество, Устав Третьейского совестного суда и др.

Материал представляет собой актуализацию ряда опубликованных авторских исследований по истории защиты и регулирования труда в России в различные периоды истории становления теории и практики трудовых правоотношений.

Ключевые слова: история защиты трудовых прав; Древнерусское государство; самозащита; примирительные процедуры; правовое регулирование труда.

**Алексей Яковлевич Петров, д-р юрид. наук, профессор,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
alexey.petrov@yandex.ru**

ИСТОРИЯ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Введение

Любое живое существо имеет естественное, сущностное стремление защищать себя и свои права, на которые посягают извне. Находясь в естественном состоянии, человек имеет право на самосохранение, которое также включает в себя право совершать то, что необходимо для реализации своей свободы. Природа понуждает его заботиться о собственном самосохранении. Невозможно мыслить природу, делающую неизбежной человеческую заботу о самосохранении и одновременно принципиально отказывающую в праве на самосохранение. Природа на генетическом уровне заложила основы защиты живых организмов, наделив их системой, инстинктом самосохранения. Однако, как показал исторический опыт, человеку для защиты своих прав и интересов в обществе данных качеств недостаточно. Поэтому вместе с естественно необходимой заботой человека о самосохранении должно мыслиться и неразрывно с ней связанное право на самосохранение. Это право естественное, так как оно не установлено никаким законодателем. Естественное право на самосохранение – необходимый набор правомочий, принадлежащий человеку в силу того, что он от природы есть *animal rationale* (лат. – животное разумное)¹.

¹ Гоббс Т. О гражданине // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1991. С. 270 – 506.

Права человека – неотъемлемое, естественное свойство личности, они носят всеобщий и универсальный характер и присущи каждому².

Для реализации своего естественного права на самосохранение человек нуждается в средствах. Какие средства ему для этого необходимы, может судить только он сам. Из права на самосохранение следует право каждого на все. Со временем человек приобретает опыт, который образует систему знаний и навыков по обеспечению собственной безопасности и безопасности других. Первоначально это были жесты, крики, а затем слова и письменность, обозначающие состояния опасности, защищенности, безопасности. Рождаются способы и средства защиты, формируются традиции и правила защиты.

Права и свободы человека относятся к числу «вечных тем», которые занимали мыслителей различных эпох: от древнейшего мира до настоящего времени. Каждой ступени исторического развития, правам и свободам присуща определенная концепция человека, как субъекта права, и соответствующие представления о его безопасности и защите. Так, в первобытных обществах существовала защита членов рода, общины, однако подобная защита не носила правового характера³.

Первым в истории общества является период обоснования необходимости принятия элементарных правил сохранения человеческих особей, самозащиты рода, племени. Существенно новыми и эффективными по сравнению с этими правилами стали способы и средства защиты прав, свобод и интересов человека в рабовладельческих государствах и более гуманными, значимыми они стали в эпоху феодальных отношений.

Самозащита человека выступает на нескольких уровнях: физическая (рефлекторная самооборона, защитный рефлекс), психологическая и социальная. Социальная самозащита и предопределяет право человека на самозащиту.

Самозащита является правом человека, существовавшим до возникновения государства, которое позже возложило на себя обязанность содействовать правомерным предписаниям своих граждан. Действия по самозащите есть проявление сущностных свойств личности. Возможность отстаивать права собственными силами вытекает из естественной человеческой природы (естественных прав человека, право на жизнь, личную неприкосновенность и др.)⁴[3].

Обсуждение

На протяжении столетий право на самозащиту формировалось и развивалось в законодательстве государств, в том числе и в России, через право на необходимую оборону, то есть как защита от противоправных

² Концепция неотчуждаемых прав и свобод личности, берущая свое начало в античном обществе и утвердившаяся в естественно-правовой доктрине XVII–XVIII вв.

³ Права человека – величайшее изобретение в истории, к которому оно шло тысячелетия. Впервые идея свободы и прав человека зародилась еще в V–IV вв. до н.э. в греческих полисах, в учениях таких мыслителей, как Аристотель, Сократ и др.

⁴ Конфуций в VI в. до н.э. утверждал, что конфликты будут возникать на всем протяжении человеческой жизни и, причинами их порождающими будут в первую очередь неравенство и несхожесть людей (Конфуций. Сборник изречений. М., 2008. С. 18).

действий с правом причинения вреда нападающему и через признание и закрепление в законодательстве других способов самозащиты, таких как право на жалобу, забастовку, мирные публичные выступления, стремление к самосохранению, на основе которого формируется поведение по самозащите (самообороне).

Термин «самозащита» в работах философов и правоведов употреблялся с древних времен как тождественный «необходимой обороне», «самообороне», «личной охране», «личной обороне». Под правом человека на самозащиту ими понималась естественная, неотъемлемая, основная, юридически закрепленная и гарантированная возможность каждого человека, обеспечивающая осуществление индивидуальной деятельности по обоснованному и законному предупреждению и пресечению нарушений.

Ретроспективный анализ норм о самозащите свидетельствует, что прообразом самозащиты прав в догосударственную эпоху являлись самооборона и самоуправство. По мере становления государственной власти самоуправство было дифференцировано на наказуемое и разрешенное (самопомощь).

Право на самостоятельную защиту жизни и имущества, берущее начало в родовых обычаях, встречается в самых ранних отечественных правовых памятниках – договоре князя Олега с греками (907 г.) и Русской Правде⁵. Московскому государству были уже известны способы самозащиты в договорных отношениях (присвоение залога, удержание имущества). Однако по мере перехода государственного строя к замене гражданских прав сословными привилегиями законодатель перестает уделять внимание регулированию самозащиты, «ибо несправедливо и с общим порядком не сходственно бы было, когда бы всяк в собственном деле вздумал сделаться судьей»⁶.

Само появление государства стало возможным в силу нужд граждан быть защищенными внутри и извне.

Исторически защита субъективного права берет начало в частных формах защиты (обращение к суду главы семейства, суду общины, третейскому суду, самооборона)⁷.

В эпоху обычного права были широко распространены альтернативные или договорные способы разрешения конфликтов.

Обращение к третейским судьям, пособникам основывалось на том, что подобного рода разрешение споров отвечает народным представлени-

⁵ Псковская судная грамота // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 235 – 297. Еще римское право различало самозащиту как отражение недозволенного вторжения, направленного на изменение существующих фактических отношений и самоуправство, которое было запрещено. Самоуправством может стать такая самозащита, когда действия явно выходят за пределы, которые необходимы для пресечения нарушения права.

⁶ Примечательно, что Великая хартия вольностей (*лат.* – Magna Carta) 15 – 19 июня 1215 г. защищала права и привилегии свободного населения средневековой Англии. Хартия содержала, в частности, правила, целью которых было введение в политическую систему страны особых государственных органов, обладавших полномочиями предпринимать действия по принуждению короля к восстановлению нарушенных прав. Хартия оказала заметное влияние на становление и развитие института прав человека. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.03.2024).

⁷ Из истории политико-правовой доктрины следует, что именно право составляет основу безопасности человека.

ям о справедливости. Примириительные процедуры начали формироваться в России с конца XIII в. Впервые об урегулировании споров путем мирового соглашения упомянуто в Новгородской берестяной грамоте (1281 – 1313).

Третейский суд в России – самый древний суд в отечественной истории.

Создание первого третейского суда предусматривалось в Договорной грамоте великого князя Дмитрия Донского с Серпуховским князем Владимиром Храбрым (1362 г.).

Однако есть свидетельства о том, что возникновение на Руси третейских судов было раньше. В урегулировании споров на Руси обычно являлись переговоры между боярами, и если они не приходили к единогласному мнению, то избирали третьего судью, который должен был быть «не из чужих, а из нашей Отчизны». В роли таких судей в те времена могли выступать митрополит, князь. Избирались в качестве третейских судей лица, пользующиеся уважением, а не только из-за занимаемой ими должности. На пост третейского судьи могли претендовать исключительно добрые люди как в гражданском, так и в нравственном отношении.

Упоминание о третейском суде содержится в Псковской судной грамоте (1397)⁸. Псковская судная грамота значительно сокращает права братчинного суда. По ней общий закон или общий суд только тогда не вступался в суд братчины, когда судимые братчинным судом были довольны его решением.

Разрешение спора вне суда зачастую практиковалось в деловой культуре Новгородской республики, а ее внесудебная процедура называлась «мировым рядом». Противоборствующие стороны приглашали «добрых людей», которые находились в стороне от конфликта и потому могли справедливо разрешить спор. Большая часть дел решалась внесудебной формой урегулирования. Так, форма урегулирования конфликта, которая была основана на взаимных уступках спорящих сторон, называлась «мировой» или «докончальной». Спорящие стороны обращались к услугам третьих лиц, которые назывались «рядцами» (примирителями).

Псковская судная грамота впервые в истории предусматривает нормы о защите прав работников, в частности:

– точно так же, если перехожий рабочий, нанимающийся в сельской волости пахать землю или пасти скот, возбудит иск о хранении или о хлебе, то суд, расследовав дело, должен решить его по желанию ответчика: хочет – сам примет присягу или выйдет на судебный поединок с истцом, или же положит у креста (цену иска, предоставив присягнуть истцу) (ст. 18);

– если мастер плотник или (простой) наемный работник отживет срок, на который был нанят, или окончит условленную работу, то он может требовать своей наемной платы с хозяина (который отказывается ему платить), и без представления письменного условия, путем устной публичной огласки своей претензии (ст. 39);

– если дворовый наемный работник отойдет от хозяина, не дожив до срока, то он получает наемную плату по расчету зажитого времени; а предъявить иск о следуемых ему зажитых деньгах (в случае неуплаты

⁸ Внесудебное разрешение споров издревле свойственно российскому праву больше, чем традиционное судебное.

хозяином) он имеет право в течение года со дня ухода; хотя бы работник прожил у хозяина 5 или 10 лет, раз он не получил наемной платы за работу, то он может требовать ее за все это время. По истечении же года с момента ухода наемные работники теряют право иска по отношению к хозяевам (ст. 40);

– если нанявшийся на работу плотник отойдет от хозяина, не окончив работы, и станет требовать с него наемной платы, говоря ему: «Я у тебя отработал всю положенную работу», – а хозяин (в ответ) скажет: «Ты не отработал всей следуемой с тебя работы», – то при отсутствии у них письменного условия дело решается по желанию хозяина: пусть или положит у креста искомую сумму, предоставив присягнуть истцу, или пусть сам примет присягу (ст. 41)⁹.

Сохранился памятник существования на Руси третейского суда, составленный в 1538 г. В записи указано, что стороны передали спор «третьим», которые назначили им встречу. Памятник является ценным свидетельством оформления примирения сторон мировым соглашением, достигнутым при посредничестве третейских судей.

Третейский суд является первобытной формой суда. Обычай привлекать к урегулированию спора нейтральных третьих частных лиц существовал издревле и был позже санкционирован государством. В русском государстве нормативно-правовое закрепление о третейском суде закреплено в гл. XV «О третейском суде» Соборного Уложения (1649 г.). Соборное Уложение – это бесценный памятник права, регламентирующий рассмотрение и разрешение споров в третейских судах различных категорий граждан по справедливости и принятым обычаям. Соборным Уложением предоставлялось право по обоюдному решению сторон спора сформировать третейский суд, «учреждаемых из них же». Данным нормативно-правовым актом (НПА) решение третейского суда приравнивалось к решению суда государственного. Дела в судах начинались по инициативе частных лиц. Соборное Уложение закрепляло обязанности сторон добровольно подчиниться решению третейского суда [7].

Необходимо отметить, что на Руси всегда высоко ценились государственные интересы. Они трактовались как нечто более высокое и важное, чем интересы человека. Русские люди имели по отношению к своему государству только обязанности, государство же по отношению к ним – только права. Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство.

В российской истории государства и права генезис защиты прав человека связан с трансформацией общинного правосудия в государственный орган судебной власти. Государственные формы защиты прав человека связаны с наделением суда правом осуществлять правосудие. Для становления государственной системы защиты социальных прав определенное значение имели указы Петра I «Об определении в домовыя Святейшего Патриарха богадельни нищих, больных и престарелых» (1701) и «Об учреждении во всех Губерниях гошпиталей» (1712). Однако преоб-

⁹ Псковская судная грамота // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 235 – 297.

разования Петра I не улучшили положение народа. Подлинной целью Петровской политики было не разрушение старого порядка, а его укрепление. О защите прав народа в его указах не прослеживалось.

В 1734 году Сенат приказал определить обер-комиссара и троих комиссаров, достойных и искусных людей, для смотрения над фабриками и приведения их в лучший распорядок. «Исходя из интересов государственных» и чтобы «фабрики в упадок и разорение не пришли», Анна Иоанновна 7 января 1736 г. высочайше предписала: «Всех, которые ныне при фабриках обретаются и обучились какому-нибудь мастерству, оставить в заведении навечно». Чернорабочие возвращались прежним владельцам. Люди, «родства не помнящие», а также те, владельцы которых не были известны, отдавались фабрикантам без всякой платы [2].

Указ Петра III «О непокупке деревень к фабрикам и заводам» от 29 марта 1762 г. вовсе запретил покупку к фабрикам и заводам крестьян, как с землей, так и без земли. В том же году этот запрет был подтвержден и Екатериной II, проводившей политику протекционизма дворян. Купечество, лишенное на долгое время права покупать для своих предприятий крестьян, вынужденно было вернуться к культивированию свободного труда¹⁰.

«Наказ» Екатерины II, утвержденный в 1767 г., закреплял: «А всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех ему правилу противных предприятий»; «Надлежит, чтобы законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина». В сущности, Наказ провозглашал идеи законности в постановке вопроса об обязанностях власти перед народом. Однако народ вместо справедливого порядка под прикрытием защиты сословных интересов ничего не получил.

В 1775 году Указом Екатерины Великой были учреждены «совестные» суды, задачей которых было оказание содействия сторонам в примирении. Создание таких судов учитывало особенность правосознания россиян: «улаживать споры не по праву, а по совести, с учетом преобладания в россиянах нравственного или ценностного подхода к праву» [6].

«Совестные» суды рассматривали гражданские и некоторые уголовные дела в порядке примирительной процедуры.

Прочие дела «совестный» суд рассматривал только по причине обращения сторон и по их обоюдному желанию. Судьей был «к тому способный, совестный, рассудительный, справедливый и беспорочный человек, которого всякое судебное место представляет Государеву наместнику, и сей из тех представленных определял одному быть судьей Совестного суда того наместничества».

Созданная Екатериной II система государственного призрения просуществовала с незначительными изменениями до начала XX в. Государству было необходимо создать правовой институт, регулирующий отно-

¹⁰ Важно учитывать и иную точку зрения: фабричное законодательство России начало свою историю со времен Петра I, когда появились первые законодательные нормы, направленные на правовое регулирование труда фабричных рабочих.

шения рабочих и хозяев и устраняющий возможные трудовые конфликты. Таким институтом в Российской империи стала фабричная инспекция¹¹.

Указом Екатерины Великой от 7 ноября 1775 г. был принят НПА «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», которым установлен надзор прокурора за «сохранением везде порядка, определенного законами, в том числе в производстве и отправлении дел» при участии в рассмотрении дел. Прокуроры наблюдали за порядком и правосудием, за точным исполнением законов, учреждений и указов, за сроками производства по делам, давали заключения о смысле закона (ст. 405).

Примечательно, что в ст. 407 «Учреждений» законодатель впервые незамедлительно ввел прокурора в круг участников гражданского процесса, где прокурор защищал казенный и общественный интерес путем дачи заключений по делам (ст. 409). Появились должности стряпчих – помощников прокуроров в судах. Прокуроры и стряпчие обладали схожими полномочиями, однако, как суд указал в одном из решений, стряпчий при гражданской палате по казенным делам сходен с челоубитчиком в его процессуальных правах, прокурор же таковым не являлся¹².

Полномочия прокуроров оставались неизменными до издания Свода законов Российской империи 1832 г., однако постепенно упразднялись должности стряпчих, и прокуроры в суде с уничтожением стряпчих, в силу необходимости, переняли от последних их функции представительства «казенных и общественных интересов». В дальнейшем были расширены полномочия прокуроров в судах путем наделения правом участвовать в рассмотрении дел, выступать с заключениями, опротестовывать решения суда.

Итак, в XVIII – XIX вв. участие прокурора в гражданском судопроизводстве было приоритетным видом деятельности и способствовало устранению нарушений трудовых прав работников.

В 1801 году Министр юстиции Г. Р. Державин разработал «Устав Третейского совестного суда», направленный на уменьшение гражданских дел в государственных судах¹³.

В 1803 году Г. Р. Державин подготовил проект объединения третейского и совестного суда для содействия примирительным процедурам, в котором указал: «Третейские совестные судьи, нося на себе звание и достоинство решать жребий ближних своих, не должны превозноситься

¹¹ Неведение, забвение или презрение прав человека суть единственные причины общественных бедствий и порчи правительств решили изложить естественные, неотчуждаемые и священные права человека, дабы требования граждан, основываясь отныне на простых и неоспоримых началах // Декларация прав человека и гражданина 1789 г.

¹² Благочестивейшая самодержавнейшая великая государыни имп. Екатерины Вторыя, учреждения для управления губерний Всероссийской империи. М., 1775.

¹³ Первые попытки создания специальных органов по разрешению коллективных трудовых споров были предприняты в начале XIX в. Приоритет в развитии «института» примирительного посредничества принадлежал Англии, где в 40-х годах XIX в. создаются примирительные камеры.

Первыми государствами, которые ввели принудительный трудовой арбитраж, стали Австралия (1904 г.) и Новая Зеландия (1894 г.). Положения о примирительно-третейском разбирательстве трудовых конфликтов в России до 1917 г. оставались только в законопроектах. Ситуация в России изменилась после Февральской революции 1917 г., когда данная практика внедрялась явочным порядком, а затем была легализована.

вверенною им властью, но, обходясь с возможной учтивостью с тою и другой стороной, с чистосердечием и твердостью показывать им существо дела в точном его виде, с некоторым иногда большим уважением, дабы поскорее примирить, представляя всегда, что самая надежнейшая тяжба негоднее посредственного мира, доставляю его и с некоторой чего либо уступкою душевное спокойствие; вследствие чего, при малейшем наклонении соперников на мир не отлагать окончания оно до завтра...».

В 1831 году в Российской империи была проведена реформа по законодательному упорядочению разрешения споров вне государственного правосудия. Так, 15 апреля 1831 г. утверждено Положение «О третейском суде Российской Империи», которое отменяло предыдущие нормативные правовые акты, регламентирующие создание и деятельность третейских судов.

Сторонам третейского разбирательства предоставлялось право самостоятельно выбирать процессуальные нормы, по которым осуществлялась процедура рассмотрения дела. При этом на ранних этапах Российского государства можно полагать лишь об условном разделении правовых форм защиты на частные и государственные, и формированию судебной и административной форм защиты. В России процесс оформления самостоятельных форм защиты субъективного права в основном завершился к середине XIX века.

1 марта 1834 г. Московское отделение мануфактурного совета рассматривало проект создания «мануфактурной расправы», то есть своеобразного промышленного суда, призванного разбирать жалобы рабочих и капиталистов, а также конфликты между фабрикантами.

Рассматривая отношения владельцев фабрик и рабочих в 30 – 40 гг. XIX в., промышленники предпочитали примирительное разбирательство с рабочими. Предпринимались попытки создания «мануфактурной расправы», призванные рассматривать взаимные жалобы рабочих и фабрикантов. Однако указанный проект был отклонен.

В 1843 году были учреждены должности губернских механиков для помощи фабрикантам и промышленникам в усовершенствовании их фабрик и заводов. Деятельность губернских механиков состояла в надзоре за постановлениями о мерах предосторожности при использовании паровых котлов и освидетельствовании их. Развитие мануфактурной, а позднее фабричной промышленности поставило перед государством задачу обеспечить порядок на предприятиях. Формирование капиталистического способа производства привело к возникновению объективной необходимости в организации государственной системы защиты наемных работников от социального риска утраты заработка.

Процесс создания фабричной инспекции в России начал развиваться во второй половине XIX в. вместе со становлением капиталистических экономических отношений, которые повлекли за собой формирование новых субъектов – фабричной инспекции. Нарушения фабричного законодательства явились одним из определяющих факторов появления фабричной инспекции как органа надзора за соблюдением фабричного законодательства. Первые предложения по поводу создания государственного учреждения по надзору за отношениями между фабрикантами и рабочими, в том

числе в области охраны труда поступили в 1859 г. В этом же году была образована временная комиссия при столичном генерал-губернаторе для осмотра всех фабрик и заводов Санкт-Петербурга. Комиссия обследовала значительное количество фабрик и заводов, после этого сочла необходимым разработать правила, способствующие предупреждению увечий на производстве [5, с. 18].

Несколько позднее на государственном уровне была образована комиссия А. Штакельберга. Она приступила к пересмотру Устава о промышленности. Результатом работы комиссии явился проект нового Промышленного устава. В параграфе 117 Проекта содержались нормы об учреждении *инспекции* по осуществлению административного надзора за фабриками и заводами. Данный проект был опубликован.

Вместе с тем Московские отделения мануфактурного и коммерческого советов расценили назначение инспекторов как «стеснение для хозяев», принижение их авторитета у рабочих. Проект Промышленного устава не был утвержден [2].

Вопрос создания в Российской империи специального государственного органа надзора за исполнением законодательства о труде был отражен и в проекте Правил для фабрик и заводов в Санкт-Петербурге и его уезде 1860 г. Данные Правила предусматривали, прежде всего, предупреждение несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний у рабочих.

Одним из примечательных положений явилось учреждение должности инспектора фабрик и двух помощников инспектора. Инспектору и его помощникам предоставлялось право посещать фабрики и заводы во всякое время дня и ночи, требовать «предъявления им работающих детей» и сведений о числе и возрасте рабочих, о плате, ими получаемой, об условиях найма, о распределении рабочего времени и повреждениях, полученных рабочими от машин. Кроме того, инспектор вправе был требовать от владельцев фабрик и заводов принятия мер к ограждению опасных для жизни и здоровья рабочих механизмов [5].

После 1861 года в России появились необходимые экономические предпосылки для возникновения государственного органа – фабричной инспекции, призванной осуществлять надзор за соблюдением субъективных прав и юридических обязанностей сторон трудовых отношений. Вопросы создания инспекции за исполнением фабрично-заводского законодательства были отражены в проектах Промышленного устава (в 60-х гг. XIX в.).

В 1862 году императором Александром II утверждены «Основные положения преобразования судебной части в России», что повлекло утрату прокуратурой функции общего надзора; «ее надзор ограничивался исключительно судебной сферой». К первой инстанции судов общей юстиции относились окружные суды и судебные палаты. При окружном суде состояли прокуроры с товарищами, они давали заключения в гражданских делах «обязательной категории», в которую не входили дела о защите трудовых прав. При этом заключения не являлись обязательными для суда [4, с. 297 – 306].

В период Судебной реформы 1864 г. была преобразована система судов и прокуратуры [1]. Надзорные полномочия прокуратуры были ограничены судебными делами. Участие прокурора ограничивалось устным заключением после рассмотрения дела и словесного состязания сторон. Согласно ст. ст. 343, 345, 346 Устава гражданского судопроизводства прокурорский надзор распространялся только на дела, нуждающиеся в особом правительственном попечении – только в делах казны. Прокуроры не участвовали в рассмотрении дел мировыми судьями (ст. 181.1 Устава) [8, с. 15].

Комиссией А. Штакельберга был разработан проект Устава о промышленности (в ред. 1864 г.). Данный проект впервые содержал постановление об учреждении специального фабричного надзора – фабричных инспекторов в тех местностях, где будет необходимо по усмотрению правительства назначать инспекторов и их помощников, а в тех местностях, где не будет назначено таковых, надзор за промышленными заведениями предполагалось возложить на городскую или земскую полицию.

В проекте Промышленного устава также указывалось, что инспекторы и их помощники должны были «определяться министром финансов по представлениям губернских начальств, преимущественно из лиц, получивших специальное по технической части образование, хотя они по их происхождению и не имели права вступать в гражданскую службу».

Инспектора промышленных заведений и их помощники должны были, по крайней мере, один раз в год осматривать заведения для удостоверения исполнения хозяевами этих заведений установленных законом правил. Инспекторам и их помощникам предполагалось предоставить право посещения заведений в любое время дня и ночи для проверки соответствующих положений законов. Инспектора и его помощники должны были защищать интересы малолетних, находящихся в заведениях на работе или на обучении. Если инспекторами были замечены нарушения предписанных законом правил, то они должны были составлять об этом акт и предъявлять его промышленному суду. Инспектора должны были представлять два раза краткие отчеты об осмотрах промышленных заведений со всеми замечаниями в отношении соблюдения хозяевами установленных правил.

В 1865 году был разработан проект Закона «О промышленных судах». Разбирательству промышленного суда должны были подлежать конфликты, связанные со стачками, дисциплинарными штрафами, возмещением вреда рабочим за увечье и т.п. Предусматривались две стадии: мировое разбирательство и собственно суд. Для мирового разбирательства при промышленном суде предполагалось создать особый комитет из двух членов (по одному от рабочих и хозяев).

Заключение

Итак, для разрешения трудовых споров и несогласий, возникающих между хозяевами промышленных заведений и рабочими, учреждались особые промышленные суды¹⁴. Таким образом, родоплеменное общество

¹⁴ Небезынтересно, что в Преамбуле французской Декларации прав и свобод человека и гражданина было записано: «Невежество, забвение естественных прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий».

защищало человека вне права. При этом функции рода сводились не к защите его соплеменников, а к поддержанию своей целостности. В условиях отсутствия личности невозможно трактовать о наличии его прав и, разумеется, об их защите. Защита субъективных прав человека связана с появлением государства и права как основного регулятора общественных отношений. Защита прав человека могла и может быть только в государственно организованных обществах.

Список литературы

1. **Бриль Г. Г., Корняков А. А.** Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России, вторая половина XIX века // История государства и права. 2008. № 2. С. 25 – 27.
2. **Васильев Д. А.** Фабричное законодательство России конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2001. 22 с.
3. **Конфуций.** Изречения. М.: АСТ, 2007. 506 с.
4. **Корф С. А.** Административная юстиция в России (Т. 1-2). Т. 1, кн. 1. Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России. Санкт-Петербург: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. VIII. 528 с.
5. **Литвинов-Фалинский В. П.** Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующему законодательству. Санкт-Петербург: Паровая типо-лит. И. Г. Гершуна, 1899. 284 с.
6. **История** заводско-фабричного законодательства Российской империи / Сост. Л. Н. Нисселович. Ч. I. Санкт-Петербург: М-во фин., 1883–1884 [Законодательство до Александра I], 1883. XXVI. 150 с.
7. **Томсинов В. А.** Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // Правоведение. 2007. № 1(270). С. 162 – 188.
8. **Шобухин В. Ю.** Возникновение и историческое развитие прокурорского надзора в России // История государства и права. 2007. № 14. С. 15 – 18.

References

1. **Bril' G.G., Korniyakov A.A.** [Legal regulation of prosecutorial supervision in post-reform Russia, second half of the 19th century], *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the state and law], 2008, no. 2, pp. 25-27. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Vasil'yev D.A.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Moscow, 2001, 22 p. (In Russ.)
3. **Konfutsiy.** *Izrecheniya* [Sayings], Moscow: AST, 2007, 506 p. (In Russ.)
4. **Korf S.A.** *Administrativnaya yustitsiya v Rossii* [Administrative justice in Russia], (vol. 1-2), vol. 1, book 1. *Ocherk istoricheskogo razvitiya vlasti nadzora i administrativnoy yustitsii v Rossii* [Essay on the historical development of the power of supervision and administrative justice in Russia], St. Petersburg: Tip. Trenke i Fyusno, 1910. VIII. 528 p. (In Russ.)
5. **Litvinov-Falinskiy V.P.** *Otvetstvennost' predprinimateley za uvech'ya i smert' rabochikh po deystvuyushchemu zakonodatel'stvu* [Responsibility of entrepreneurs for injuries and deaths of workers under current legislation], St. Petersburg: Parovaya tipo-lit. I. G. Gershuna, 1899, 284 p. (In Russ.)
6. **Nisselovich L.N. (Comp.)** *Istoriya zavodsko-fabrichnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii* [History of factory legislation of the Russian Empire], Part I. St. Petersburg: Ministerstvo finansov, 1883-1884 [Zakonodatel'stvo do Aleksandra I], 1883. XXVI, 150 p. (In Russ.)

7. **Tomsinov V.A.** [The Council Code of 1649 as a monument to Russian jurisprudence], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2007, no. 1(270), pp. 162-188. (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Shobukhin V.Yu.** [The emergence and historical development of prosecutorial supervision in Russia], *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2007, no. 14, pp. 15-18. (In Russ., abstract in Eng.)

History of Labor Rights Protection: from Ancient Rus' to the Middle of the 19th Century

A. Ya. Petrov, Dr. Sci. (Law), Professor,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
alexey.petrov@yandex.ru

The historical prerequisites for the emergence of the regulation of labor rights through the prism of the concept of “self-defense of subjective right” are considered. The basis of the work was the legal sources of ancient and medieval Rus', documents of modern times – the 18th and 19th centuries: decree rule-making, the Charter of the Conscientious Arbitration Court, etc. The paper is an update of a number of published author's studies on the history of labor protection and regulation in Russia during various periods in the history of the formation of the theory and practice of labor relations.

Keywords: history of labor rights protection; Old Russian state; self-defense; conciliation procedures; legal regulation of labor.

© А. Я. Петров, 2024

Статья поступила в редакцию 29.12.2023

При цитировании использовать:

Петров А. Я. История защиты трудовых прав: от Древней Руси до середины XIX столетия // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 07 – 18.
doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.007-018

Представлен обзор и показаны особенности преступных деяний против прав семейственных, предусмотренных в Уголовном уложении 1903 г. Предложена классификация данных деяний. Отмечены концептуальные отличия западноевропейских и российских подходов к определению деликтов в сфере семейных отношений в XVIII–XIX вв. Сделан вывод о значительном сужении круга преступных деяний, определенных в Уголовном уложении 1903 г., по сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции, действовавшей во время принятия Уголовного уложения. Показаны и систематизированы непосредственные причины такого сужения. Раскрыт общий объект преступного посягательства в представлении разработчиков Уголовного уложения и родовой объект при посягательствах на семейственные права. Обоснован вывод о том, что при рассматриваемых посягательствах религиозно-нравственные начала в отдельных случаях выступали как дополнительный объект защиты в Уголовном уложении и во многих случаях являлись таким объектом в предшествующем Уложении. Кроме того, указано, что в Уголовном уложении стерлись различия ответственности православных и инославных, сгладились различия ответственности христиан и лиц иной веры.

Ключевые слова: брак; дополнительный объект преступного посягательства; Уголовное уложение; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; общий объект преступного посягательства; права детей; права родителей; права супругов; преступные деяния против прав семейственных; религиозно-нравственные начала; родовой объект преступного посягательства; семья.

Скобликов Петр Александрович, д-р юрид. наук,
ведущий научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
ФГБУН «Институт государства и права РАН», Москва, Россия;
skoblikov@list.ru

ОХРАНА ПРАВ СЕМЕЙСТВЕННЫХ В УГОЛОВНОМ УЛОЖЕНИИ И УЛОЖЕНИИ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАПРЕТОВ

Уголовное уложение 1903 г. – выдающийся памятник отечественного права

В 2023 году исполнилось 120 лет с момента принятия в окончательной редакции Уголовного уложения¹. Это последний по времени принятия фундаментальный законодательный акт Российской империи в области материального уголовного права. Работа над проектом Уложения длилась более 20 лет. Формально она началась 22 сентября 1881 г., когда было из-

¹ Проект утвержден 22 марта 1903 г. Николаем II.

дано повеление императора Александра II – образовать Комитет для составления проекта нового Уголовного уложения [4, с. 4]. Вместе с тем основополагающее решение о разработке проекта нового Уложения, призванного заменить действовавшее тогда Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, было принято императором еще в декабре 1879 г., когда было сделано поручение составить план работ по пересмотру уголовного законодательства [6, с. 248]. На этапе предварительной работы были выполнены переводы на русский язык ряда европейских уголовных кодексов, а также проектов таких кодексов, которые обсуждались или рассматривались, собраны и сведены воедино замечания чинов судебного ведомства на недостатки действующего российского законодательства, подготовлены извлечения из отечественной и зарубежной литературы по уголовному праву. Все это издано министерством юстиции как «Материалы для нашего уголовного законодательства» [9, с. 56]. Пожалуй, никогда прежде в нашей стране (да и в последующие годы), проект кодифицированного законодательного акта не разрабатывался столь обстоятельно, не выверялся так тщательно.

В результате состоялся кодекс, находившийся в технико-юридическом отношении на уровне лучших зарубежных уголовных кодексов, получивший высокую оценку многих отечественных ученых и практиков, а также зарубежных криминалистов. Однако значимость осуществленной законотворческой работы этим отнюдь не исчерпывается.

В составе упомянутого выше Комитета была создана Редакционная комиссия, в состав которой вошли ведущие российские ученые. Комиссия к маю 1895 г. разработала проект Уголовного уложения и 8 томов объяснительной записки к нему. Было организовано беспрецедентное обсуждение проекта, к нему были приглашены университеты, юридические общества, подразделения и службы, имеющие непосредственное отношение к уголовному процессу, запрошены мнения ведущих зарубежных ученых; для этого проект был переведен на французский и немецкий языки [9, с. 57]. Высказанные в ходе столь широкого обсуждения соображения и доводы были учтены при доработке проекта и, что весьма важно, опубликованы вместе с объяснениями Редакционной комиссии. Также опубликованы дебаты по проекту, состоявшиеся на последующих стадиях прохождения проекта Уголовного уложения (в Министерстве юстиции, Государственном совете). Высказанные по проекту точки зрения, предложения, доводы и контрдоводы имеют не только историческую, но также теоретическую и практическую ценности. Они позволяют увидеть более точную и полную тематическую картину, проследить диалектику правовых феноменов и лучше осмыслить ту или иную обострившуюся проблему.

Третье десятилетие XXI века характеризуется тектоническими сдвигами во взглядах и представлениях о семье и браке, лежащем в основе традиционной семьи, правах и обязанностях родителей и детей по отношению друг к другу, способах и содержании воспитания и образования несовершеннолетних, границах их свободы и приоритетных направлениях развития, тех ценностях и нравственных ориентирах, которые должны прививаться в семьях, а также в рамках школьного и дошкольного образования. В связи с этим видится своевременным обращение к теме того, как

в Уголовном уложении 1903 г. регламентировались вопросы ответственности за преступления против семейственных прав, чем обусловлены занятые позиции разработчиков проекта и других субъектов, вовлеченных в законотворческий процесс. Чтобы обнаружить новизну произведенных изменений, правильно понять и оценить их, а также констатировать неизменность ряда позиций законодателя, следует также обратиться к законодательству, действовавшему в период разработки проекта.

Обзор и особенности преступных деяний против прав семейственных, предусмотренных в Уголовном уложении 1903 г.

В Уголовное уложение 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) включена глава 19, которая предусматривает ответственность за *преступные деяния против прав семейственных*. Глава по случайному совпадению охватывает также 19 статей, которые пронумерованы, но названий не имеют и не группируются в параграфы либо иные подразделения. Наряду с этим, количество конкретных составов преступных деяний, предусмотренных в главе, как это обычно бывает в кодифицированных уголовно-правых актах, превышает количество статей. Если исходить из современных представлений о составе преступления и стремиться показать все разновидности преступных деяний, то можно выделить в рассматриваемой главе следующее:

- принуждение одним из брачующихся другого брачующегося к вступлению в брак (ч. 1 ст. 408);
- принуждение третьим лицом одного брачующегося или обоих к вступлению в брак (ч. 2 ст. 408);
- вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать свойства и значение своих действий или руководить своими поступками (ст. 409);
- вступление в брак посредством обмана жениха или невесты (ст. 410);
- заведомое вступление в кровосмесительный брак (ст. 411);
- вступление в новый брак при существовании прежнего супруга в отсутствие разрешения, предусмотренного законом на такой брак (ст. 412);
- заведомое участие духовного лица христианского вероисповедания в совершении преступного брака (ст. 413);
- вступление в брак лица, достигшего брачного совершеннолетия, с лицом, такого совершеннолетия не достигшего (ст. 414);
- вступление лица христианского вероисповедания с заведомо нехристианином (ст. 415);
- вступление в брак с родственником, степень родства с которым не считается кровосмесительством, но делает брак недействительным (ст. 416);
- увоз незамужней для вступления в брак с ее согласия, но без согласия ее родителей, при условии, что эта женщина достигла брачного совершеннолетия, но при этом моложе двадцати одного года (ст. 417);
- супружеская измена (ст. 418);
- прелюбодеяние с лицом, заведомо для виновного состоящим в браке (ст. 418);

- отказ доставлять пропитание и содержание своим, заведомо в том нуждающимся, родителям, если виновный имел для этого средства (п. 1 ст. 419);
- упорное неповиновение родительской власти (п. 2 ст. 419);
- грубое обращение с матерью или законным отцом (п. 2 ст. 419)²;
- вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца, если виновный не достиг двадцати одного года (п. 3 ст. 419);
- жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны опекуна, попечителя или лица, имеющего надзор за несовершеннолетним (п. 1 ст. 420);
- обращение к нищенству или иному безнравственному занятию, либо отдача для этой цели подопечного, не достигшего возраста семнадцати лет, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним (п. 2 ст. 420);
- принуждение к вступлению в брак подопечного, не достигшего возраста двадцати одного года, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним, при условии, если брак состоялся (п. 3 ст. 420);
- отдача на промышленное предприятие для трудоустройства малолетнего, не достигшего установленного возраста, осуществленная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за малолетним (ст. 421);
- принуждение со стороны опекуна или попечителя к браку с ним лица, не достигшего возраста двадцати одного года, путем злоупотребления своей властью, если брак последовал (ст. 422);
- оставление без надлежащего надзора малолетнего или иного лица, если вследствие этого поднадзорный совершил преступление (ст. 423);
- незаявление о чьем-либо рождении или смерти уполномоченному лицу, ведущему метрические книги или записи об этом, в случае, когда виновный был обязан сделать заявление (ст. 424);
- невнесение сведений о рождении, смерти или бракосочетании в метрические книги или записи лицом, духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным их вести (ст. 425);
- невнесение по небрежности в метрические книги или записей о рождении, смерти или бракосочетании надлежащих сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 1 ст. 426);
- внесение по небрежности в метрические книги или записей о рождении, смерти или бракосочетании неверных сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 2 ст. 426);
- неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил о порядке ведения или хранения метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании, а равно о предоставлении их в места, установленные законодательством, если деяние совершено духовным лицом неправославного вероисповедания или служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 3 ст. 426).

² Ответственность за это деяние, как и за указанное выше, закреплена в одном и том же пункте ст. 419. Это можно объяснить недостатком юридической техники, которому в период разработки проекта Уложения 1903 г. его разработчики не придавали значения, отдавая предпочтение лаконичности закона.

Обращает на себя внимание то, что рассматриваемая глава не закрепляет какие-либо квалифицированные составы преступлений. Напротив, в одну из статей главы (ст. 415) включена вторая часть, описывающая основание для освобождения от наказания за предусмотренное в статье деяние (возникновение обстоятельства, нивелирующего возможный вред от преступления определенного вида). Слово «примечание» в этом месте законодательного текста отсутствует, и формально данный фрагмент является частью статьи, однако по содержанию и сути («виновный освобождается от наказания, если вступивший с ним в брак нехристианин во время существования брака принял христианство») – это примечание, то есть некое пояснение, дополнение к основному тексту статьи закона, если пользоваться терминологией современного уголовного законодательства.

Всего в Уложении 1903 г. насчитывается две такие конструкции: уже упомянутая ч. 2 ст. 415 и ч. 3 ст. 367 (в последней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности рабочих, принявших участие в стачке, если они по требованию властей или заведующего предприятием приступили к работе). Современный российский Уголовный кодекс под флагом либерализации и гуманизации уголовной ответственности регулярно дополняется все новыми примечаниями к статьям Особенной части, регламентирующими условия освобождения от ответственности (наказания). Этот инструментарий получил настолько широкое распространение (на начало 2024 г. в Особенной части УК РФ насчитывалось более 40 статей, имеющих соответствующие примечания), что появились специальные исследования, где делается попытка прояснить юридическую природу таких примечаний и разобраться с проблемами, возникающими при их применении [8].

С учетом общих положений, сформулированных в ст. 3 гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уложения 1903 г., лишь два предусмотренных в 19 главе преступления (ч. 1 и 2 ст. 408) относятся к категории тяжких (поскольку виновному грозит каторга), при этом пятнадцать деяний относятся к категории проступков ст.ст. 414 – 419, 421, 423, 424, 426 (в качестве наиболее строгого – «высшего» – наказания за их совершение предусмотрен арест или денежная пеня), ну и остальные следует причислить к категории преступлений (рядовых, заурядных). Самое распространенное наказание в гл. 19 – арест, который по свойству мягкости уступает лишь денежной пене (ст. 2 Уложения 1903 г.); он предусмотрен в семи статьях главы и мог быть назначен на срок до шести месяцев (ст. 21 Уложения 1903 г.).

Юридические конструкции и приемы, использованные при создании гл. 19, выглядят вполне современно, если заменить некоторые устаревшие или ушедшие из юридического лексикона слова на более привычные (например, заменить местоимение «оныя» на «них», «сему» на «этому» и т.д.). Причем текст написан доступным и, как правило, не допускающим разночтений языком. В то же время юридическая техника данной главы не безупречна. В одних случаях законодатель делит статьи на пронумерованные части (ст. 408), в других – статья не имеет частей, но распадется на пронумерованные пункты (ст. 419, 420 и 426), либо имеет части и при этом одна из них делится на пункты (ст. 413)³.

³ Справедливости ради отметим, что такие недостатки наблюдаются и в современных российских кодексах.

Концептуальные отличия западноевропейских и российских подходов к определению деликтов в сфере семейных отношений в XVIII–XIX вв.

Чем руководствовались разработчики Уложения 1903 г. при создании его 19 главы? Для ответа на этот вопрос целесообразно обратиться к опубликованным объяснениям. Комментарий Редакционной комиссии относительно главы проекта, предусматривающей ответственность за преступления против прав семейственных, предваряется изложением результатов сравнительно-правового анализа, фактически, – теоретического исследования промежуточного вида, произведенного на уровне нескольких правовых систем (если воспользоваться современными классификациями подобных исследований) [16]. В этом исследовании сопоставляются в их историческом развитии западноевропейские и отечественные уголовно-правовые институты, предусматривающие ответственность за деликты в области семейных отношений [15, с. 152 – 157].

Имеет смысл показать основные тезисы данного исследования, поскольку они позволяют сделать вывод о том, что *российское уголовное законодательство XVIII и XIX веков в рассматриваемой части принципиально отличалось от западноевропейского, здесь проявилась его оригинальность и основательность*. При этом разработчики Уложения 1903 г. намеревались сохранить существующий вектор развития.

Исходная точка, аксиома сравнительного анализа: *семья есть необходимое условие общежития, первичная и прочнейшая основа государства. Ограждение (охрана) ее вызывается интересами не только отдельных частных лиц, ее членов, но и общими интересами всего государства*. Сознание этой мысли было чуждо древнему праву. Переход от частного взгляда на эти посягательства сделан каноническим правом. (Современные исследователи вкладывают в этот термин широкое содержание, понимая каноническое право как разновидность социальных норм, установленных различными вероисповеданиями и имеющих ту или иную веру [7]. В объяснениях Редакционной комиссии, по всей видимости, имеются в виду лишь нормы римско-католической церкви. Либо, что менее вероятно, но возможно – нормы христианской церкви до ее разделения на православную и католическую.)

Введя в брак религиозное таинство, каноническое право расширяет по делам брачным и семейным духовную юрисдикцию, ограничившую дисциплинарную власть отца семейства и послужившую переходной ступенью от нее к режиму государственных судов. Однако и в каноническом праве постановления о посягательствах против союза семейного не объединились, и в основании многих из них лежат римские конструкции.

Явление это продолжалось на западе почти вплоть до появления Уголовного кодекса Франции 1810 г. (продолжал действовать в период подготовки объяснений Редакционной комиссии), который коренным образом изменил взгляд на брак, охраняя его как важный гражданский договор и как одно из условий гражданского состояния личности (*фран.* – *état civil*). Западноевропейское право почти всецело ограничивает посягательства против союза семейного двумя понятиями: *первое* – имеющее в основании

римское *supposition partus* (подмена ребенка), некоторыми кодексами применяется исключительно к детям, но в других получило уже более общее значение непереходящего в подлог, а иногда совпадающего с ним, сокрытия или изменения гражданского состояния личности; *второе* – дополняющее наказуемую область обмана и охватывающее вступление в брак посредством умолчания о существенном к браку препятствии или посредством обмана об обстоятельствах, ввиду которых брак может быть расторгнут; причем во всех западноевропейских законодательствах обуславливалась наказуемость последнего деяния расторжением брака по жалобе потерпевшего (если излагать в терминах современного российского законодательства, такие преступления преследовались в порядке частного обвинения). Прочие посягательства против семейного союза трактуются как особые деликты (прелюбодеяние, многобрачие, кровосмесительные браки) в других отделах уголовных кодексов, в качестве основного объекта посягательства у них выступают иные блага. Или же они охватываются общими и весьма широкими определениями о насильственных действиях и подлогах⁴.

Иными путями складывалась система русского законодательства по этому предмету, указывала Редакционная комиссия. В основание его легло не римское понятие *supposition partus*, исходившее из частного интереса отдельной личности, а *более широкая идея охранения свободы брака и прочности семейных отношений*, идея, провозглашенная как противовес устоявшемуся под влиянием крепостного права старорусскому началу. Последнее выражалось в крайнем расширении родительской власти, неслободном заключении браков и полной зависимости домочадцев от главы семьи⁵.

Со времени Петра I и Екатерины II государство берет эту прогрессивную идею под свою охрану, запрещает родителям и помещикам принуждение детей и крепостных к браку и поступлению в монашество, устанавливает более равноправные отношения между родителями и детьми, наказывает браки по насилию и обману, запрещает присвоение чужого имени и состояния «с учинением какого-либо вреда». Вместе с этой крупной реформой шла и другая. Отечественное законодательство всегда исходило и в конце XIX века *продолжало исходить из взгляда на брак как на институт, в основе своей имеющий религиозные начала*. Но в то время как законодательство древнерусское предоставляло дела брачные и семейные почти всецело духовной юрисдикции, государство в начале XVIII столетия берет решительный перевес в политическом отношении над церковью и принимает ее в свое ведомство, в свою опеку, как подчиненное учреж-

⁴ В подтверждение, в объяснениях Редакционной комиссии вкратце разбираются соответствующие разделы германского, венгерского и голландского уголовных кодексов.

⁵ В подкрепление этого вывода сделана ссылка, Соборное уложение – свод законов Русского царства, принятый Земским собором в 1649 г. и, с определенным изъятиями и изменениями, действовавший 1832 г. Из посягательств против семьи Соборное уложение предусматривает единственно преступления детей против родителей (гл. XXII ст. 3 – 5), запрещая вместе с тем детям обращаться в суд на родителей и предписывая виновных «за такое челобитье бити кнутомъ и отдати ихъ отцу и матери» (ст. 6). Из преступлений родителей против детей предусмотрено только лишение жизни.

дение⁶. С этого времени начинается решительное разграничение ведомства духовного и светской власти по делам о браках.

Итак, на рубеже XIX и XX веков Россия шла своим собственным путем в вопросах уголовно-правовой охраны семейных отношений, и этот путь исходил из прогрессивных идейных устремлений.

Классификация преступных деяний против прав семейственных, предусмотренных в Уложении 1903 г.

Для систематизации посягательств на семейные права разумно взять за основу классификацию, предложенную в объяснениях Редакционной комиссии (с поправками, обусловленными расхождением проекта и окончательной редакции рассматриваемого правового акта). Эта классификация проистекает из дифференциации родового объекта посягательства на видовые и непосредственные объекты, и помогает лучше понять замысел разработчиков Уложения 1903 г.

Разработчики указывают, что семейственный союз обуславливается браком и имеет своими последствиями *права супругов* по отношению друг к другу, а также происходящие из факта рождения *права детей*, права и обязанности *детей по отношению к родителям и наоборот*, ну и, наконец, *союз родственный*. Согласно этому, классификация рассматриваемых деяний должна начинаться посягательствами, направленными против союза семейного, которые, в свою очередь, делятся:

1) на посягательства на основание семьи – брак, предполагающий свободное соглашение лиц, способных к браку; сюда относятся деяния, состоящие во вступлении в недействительные браки, по вине ли одного из брачующихся (браки по принуждению или обману) или обоих (браки незаконные), причем преступная деятельность возможна как со стороны брачующихся, так и лиц, уполномоченных государством на заключение браков и их удостоверение (ст. 408 – 417);

2) посягательства на союз супружеский, единственным представителем которых в рассматриваемой главе является прелюбодеяние (ст. 418), так как прочие случаи преступных деяний супругов по отношению друг к другу предусмотрены в других (общих) главах Уложения 1903 г.;

3) преступные деяния детей против родителей, которые не могли быть предусмотрены в других главах Уложения 1903 г., поскольку наказуемость их обусловлена единственно долгом детского почтения; таковы (ст. 419):

а) отказ в пропитании родителям;

⁶ В объяснениях Редакционной комиссии этот тезис не раскрывается, но, по всей видимости, имелась в виду церковная реформа императора Петра I, в результате которой принципиально изменилась система управления Русской церковью – высшим органом ее управления стал Святейший правительствующий синод (Духовная коллегия). Члены этого органа назначались российским императором. В законодательстве XIX века, определяющем общие начала государственного строя Российской империи, было установлено, что «в управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного» (ст. 43 Основных Законов и Учреждений государственных). Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 томах. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Тип. Второго отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1833. Т. 1, ч. 1. С. 17.

б) грубость против родителей;
в) неповиновение законному запрету родителей на вступление в брак, если виновный не достиг возраста 21 года;

4) преступные деяния родителей против детей, наказуемость которых обусловлена единственно родительским долгом попечения о детях; причем к родителям приравнены и лица, их замещающие; сюда относятся (ст. 420 – 423):

а) жестокое обращение с ребенком;
б) принуждение несовершеннолетнего к браку;
в) обращение малолетнего к нищенству или безнравственному занятию;
г) неосуществление надлежащего надзора за малолетним со стороны лица, на которого такой надзор возложен в установленном порядке;

5) деяния, ставящие в опасность семейное и гражданское состояние лица неисполнением обязанностей, возложенных на виновного законом в целях обеспечения правильного ведения метрических записей; сюда относятся:

а) незаявление в установленном порядке о рождении или смерти (ст. 424);

б) неисполнение или небрежное исполнение обязанностей по ведению, хранению или предоставлению метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425, 426).

Круг субъектов преступных деяний, указанных в п. 1 – 4 представленной выше классификации, там же и раскрыт. Субъектами преступных деяний, указанных в пп. «а» п. 5, могли быть любые лица, на которые законом возложена обязанность заявлять о рождении или смерти, а указанных в пп. «б» п. 5 – духовные лица любого вероисповедания, за исключением православного, и служащие, на которых возложены обязанности, названные в ст. 426 и 427.

Значительное сужение круга преступных деяний против прав семейственных по сравнению с предыдущим законодательством. Непосредственные причины сужения

В период разработки и некоторое время после принятия Уложения 1903 г. на территории Российской империи действовал другой кодифицированный акт уголовного законодательства – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. (далее – Уложение 1885 г.) Поэтому, чтобы лучше понять направленность и масштаб осуществленных изменений, отметить новации в части ответственности за преступные деяния против прав семейственных, целесообразно сравнить положения этих двух нормативных актов.

Как уже сказано выше, в Уложении 1903 г. статьи об ответственности за преступления против семейственных прав сгруппированы в отдельную главу, причем не имеющую более мелких делений (параграфов и пр.). А вот в Уложение 1885 г. был включен одиннадцатый раздел с соответствующим названием – «О преступлениях против прав семейственных», который составлен из четырех глав:

1. «О преступлениях против союза брачного»;
2. «О злоупотреблении власти родительской и преступлениях детей против родителей»;

3. «О преступлениях против союза родственного»;
4. «О злоупотреблении власти опекунов и попечителей».

В свою очередь, две из представленных четырех глав составлены из нескольких отделений.

В первую главу, самую крупную, включены четыре отделения: «О противозаконном вступлении в брак», «О похищении женщин замужних», «О злоупотреблении прав и нарушении обязанностей супружества», «О нарушении постановлений о браках старообрядцев и сектантов».

Во вторую главу вошли два отделения: «О злоупотреблении власти родительской», «О преступлениях детей против родителей».

В третьей и четвертой главах отделения не используются.

Нетрудно заметить, что данный порядок размещения статей в главы и отделения в сочетании с их названиями являет собой классификацию преступлений против прав семейственных, и она не требует значительных усилий для восприятия и понимания.

Всего в раздел одиннадцатый Уложения 1885 г. вошли 52 статьи (подавляющее число которых имели по несколько частей), в то время как глава 19 Уложения 1903 г., напомним, вобрала в себя 19 статей (менее половины которых имели части или пункты). Существенная разница в объеме законодательного материала, посвященного рассматриваемой теме, и в количестве статей может быть объяснена несколькими причинами, предопределяющими не только иное количество законодательного материала, но и его другое качество в новом уголовном законе.

Первая причина – детальность изложения, продиктованная стремлением предусмотреть все случаи и возможные проблемы правоприменительной практики и определенным образом разрешить их, а, как следствие такого подхода – громоздкость законодательного материала в Уложении 1885 г., и другой (менее казуистичный и более абстрактный) подход разработчиков Уложения 1903 г., вследствие чего последнее Уложение значительно компактнее.

Видный российский правовед А. Н. Неклюдов (при этом один из членов Редакционной комиссии), обращаясь к теме громоздкости законодательного материала в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (это, напомним, ранняя редакция Уложения 1885 г.; последнее принципиально не отличается от своей основы), объяснял обилие статей в нем следующим: «имея в виду невежество и корысть судей, составители Уложения поставили себе целью подробное исчисление мельчайших оттенков преступных деяний, дабы изъять подсудимого из судейского произвола, подчинив его судьбу явному и буквальному смыслу закона» [1, с. 274]. В свою очередь, известный российский и советский правовед М. М. Исаев, отмечая положительную роль судебной реформы 1864 г. для судебной практики, тем не менее указывал, что и после реформы «невероятная казуистичность Уложения, стремление его взвесить тяжесть преступления на немецких аптекарских весах, весь его архаизм больно отзывались», если суд происходил при отсутствии присяжных [3, с. 44].

Наряду с этим, чтобы оставаться на позиции объективности, следует заметить: детальность правового регулирования имеет и некоторые положительные стороны. Имея в своем распоряжении нормативный акт такого

рода, добросовестный, но не очень хорошо образованный правоприменитель (тем более, не имеющий в своем распоряжении обширной библиотеки и достаточного времени для работы по делу) с большей вероятностью найдет законное решение, не допустив ошибки.

Для иллюстрации нашего тезиса смоделируем ситуацию, когда в деянии усматриваются признаки деяния, запрещенного ст. 425 Уложения 1903 г. Согласно данной статьи, духовное лицо инославного христианского или нехристианского вероисповедания либо служащий, обязанные вести метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании, виновные в невнесении в них сведений, которыми обуславливаются гражданские (гражданско-правовые) последствия перечисленных событий, наказываются заключением в тюрьму. Как следует из приведенного текста, духовное лицо православного вероисповедания субъектом данного преступления не является. Нет в Уложении 1903 г. и другой статьи, предусматривающей норму, специальную по отношению к рассмотренной выше, в которой субъектом преступления было бы православное духовное лицо. В связи с изложенным, правоприменитель с указанными выше характеристиками, получив соответствующий материал, мог бы отказать в возбуждении уголовного дела и этим ограничиться. Тем самым была бы совершена юридическая ошибка, поскольку православные священнослужители в таких случаях не должны оставаться безнаказанными, они подлежали ответственности по Уставу духовных консисторий⁷ [5, с. 79–80].

При этом в Уложение 1885 г. включена ст. 1442, в которой в качестве объективной стороны преступления описаны те же действия, что и в ст. 425 Уложения 1903 г., однако в Уложении 1885 г. прямо указано, что в случае их совершения духовные лица православного вероисповедания подвергаются наказаниям, определенным в Уставе духовных консисторий, а духовные лица других исповеданий – уголовному наказанию (строгому выговору или денежному взысканию не свыше двадцати рублей либо удалению от должности). Соответственно, вероятность принятия ошибочного решения резко снижается.

Редакционная комиссия видела главные проблемы применения действующего в то время Уложения 1885 г. в ином. Прежде всего, в том, что *в Уложении 1885 г. для разнородных понятий нередко используются одни и те же названия, а еще чаще одно и то же понятие в разных местах законодательного текста по-разному именуется, чем вводятся в заблуждение применители закона, включая высшие суды, призванные исправлять судебные ошибки*. Важно также, по мнению Редакционной комиссии, что теоретическое осмысление права в России находилось в худшем положении, чем на Западе, и, как следствие, «наша литература уголовного права,

⁷ Духовная консистория – коллегиальный административный и судебный орган местного епархиального управления Русской православной церкви. Устав духовных консисторий начал действовать в 1841 г. Консистория функционировала под руководством архиерея и находилась в ведении Святейшего Синода. Особое положение в этом органе занимал секретарь. Он назначался Святейшим Синодом по представлению обер-прокурора без всякого участия местного владыки. Через секретаря обер-прокурор следил за исполнением законных постановлений по духовному ведомству на местах, а заодно и за деятельностью самого архиерея.

даже по важнейшим вопросам, представляется весьма недостаточной, не может дать практике надлежащей опоры и руководства». По этим основаниям Редакционная комиссия стремилась, во-первых, ввести в проект Уголовного уложения определение наиболее важных из употребляемых в нем терминов, а, во-вторых, сохранить в уголовном законе определения некоторых условий признания деяний преступными, которые не упоминаются в новых западных кодексах, а предоставлены для истолкования науке и практике [13, с. 4].

Вторая причина – полная или частичная декриминализация многих деяний и удаление соответствующих уголовно-правовых запретов из законодательства.

В качестве примеров полной декриминализации деяния можно сослаться на следующие:

- согласно ст. 1577 Уложения 1885 г. подлежали наказанию священники и проповедники христианских вероисповеданий за совершение брака без соблюдения «предостерегательных правил», если на это не было получено специальное разрешение; в Уложении 1903 г. такого запрета нет;

- согласно ст. 1570 Уложения 1885 г. помимо церковного наказания подлежали уголовному наказанию за вступление в новый брак прежде истечения установленных в законе сроков вдовы и вдовы, исповедующие евангелическо-лютеранскую веру, а также супруги, чей брак был признан недействительным; в Уложении 1903 г. такого запрета нет;

- согласно ч. 2 ст. 1549 Уложения 1885 г. в случае похищения незамужней женщины для вступления с нею в брак по жалобе родителей или опекунов к ответственности привлекался не только похититель, но и увезенная им женщина, если похищение выполнялось с ее согласия. По Уложению 1903 г. описанное деяние незамужней женщины ненаказуемо, независимо от ее возраста⁸.

Третья причина – частичная декриминализация ряда деяний или смягчение ответственности за них (путем упразднения квалифицированных составов), при которой текст новых статей становился лаконичнее их предшественников; лаконичнее в том числе и по тому, что новые статьи, в основном, состояли не из нескольких частей, а лишь из одной.

В качестве примера частичной декриминализации можно сослаться на изменение пределов ответственности за нарушение ограничений по возрасту при вступлении в брак. Согласно ст. 1563 Уложения 1885 г. наказуемым было вступление в брак раньше или *позднее* возраста, определенного церковными либо государственными законами. При этом наказанию подлежали оба брачующихся. По Уложению 1903 г. этот запрет был сохранен лишь для лица, достигшего брачного совершеннолетия, виновного во вступлении в брак с лицом, не достигшим брачного совершеннолетия

⁸ При этом для полноты картины полезно заметить, что если женщина достигла возраста брачного совершеннолетия, но при этом ее возраст моложе двадцати одного года (возраста полного совершеннолетия), то в такой ситуации в случае последующего вступления в брак она подлежала ответственности в соответствии с п. 3 ст. 419 Уложения 1903 г. за другое преступление – вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца.

(ст. 414). Запрет для вступления в брак лицами преклонного возраста в Уложении 1903 г. не предусматривался. Таким образом, был ограничен круг уголовно-наказуемых действий и круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за эти действия.

Четвертая причина – перемещение некоторых уголовно-правовых запретов в другие главы уголовно-правового акта или упразднение специальной нормы с сохранением при этом общей нормы либо включением в уголовное законодательство новой нормы, которая является общей по отношению к упраздненной. Такие изменения обусловлены тем, что у многообъектных преступлений в качестве основного объекта посягательства законодателем в новом законе признается другое защищаемое благо.

В качестве иллюстрации изменения места уголовно-правового запрета в системе уголовного законодательства можно сослаться на ст. 1549 из раздела «О преступлениях против прав семейственных» Уложения 1885 г., предусматривавшую ответственность за похищение незамужней женщины для вступления с нею в брак против ее воли. Аналогичное преступление не описывается в 19 главе «О преступных деяниях против прав семейственных» Уложения 1903 г., вместе с тем деяние не декриминализировано, его описание присутствует в ст. 506, размещенной в главе 26 «О преступных деяниях против личной свободы».

Пятая причина – обобщение ряда уголовно-правовых запретов, включение в законодательство вместо нескольких статей, предусматривающих ответственность за преступления против семейственных прав, одной статьи, закрепляющей новую норму – общую, по отношениям к упраздненным специальным нормам.

В качестве примера последних сошлемся на включенные в Уложение 1885 г. запреты для вступления в брак в сходных случаях для представителей трех направлений христианства. Было наказуемо для православных вступление в брак с нехристианами (ст. 1564), для лиц римско-католического вероисповедания – вступление в брак с нехристианами, а для лиц евангелическо-лютеранского вероисповедания – вступление в брак с магометанами, евреями и язычниками (ст. 1568). В Уложение 1903 г. содержится одна короткая статья, в соответствии с которой любое «лицо христианского вероисповедания виновное во вступлении, вопреки закону, в брак заведомо с нехристианином» подлежало наказанию. Таким образом, в приведенном примере были не только упразднены специальные нормы, на смену которым пришла одна общая норма, но заполнены пробелы в уголовно-правовых запретах⁹ и уравнены перед законом лица разных направлений христианства¹⁰.

⁹ Как известно, протестантизм не имел (и не имеет) единой церкви. К этому направлению христианства, помимо лютеранства, относятся англиканство, кальвинизм и др., представители которых в Уложении 1885 г. не упоминаются, и можно сделать вывод, что к лицам, принадлежащим к этим конфессиям, запрет на вступление в брак с нехристианами не относился.

¹⁰ В Уложении 1885 г. за нарушение запрета, сформулированного в ст. 1564, было предусмотрено более строгое наказание, нежели за нарушение аналогичного запрета, закрепленного в ст. 1568.

Общий объект преступного посягательства в представлении разработчиков Уложения 1903 г. и родовой объект при посягательствах на семейственные права

Под объектом любого преступного деяния (то есть под общим объектом, если пользоваться современной терминологией) разработчики Уложения 1903 г. понимали «интерес или благо, охраняемое выраженной в законе нормою, на которую посягает преступник» [14, с. 7]. Такое представление сформировалось, вероятно, под влиянием идей Н. С. Таганцева (члена Редакционной комиссии), который в одной из своих работ писал: «то положительное, в чем выражается право, – есть интерес, взятый под его защиту; норма права, как реальный элемент общественной жизни, есть охраняемый интерес; на этот интерес и направляет свою деятельность лицо, переступающее веления юридических норм. Этот интерес может входить в юридическую сферу определенного субъекта, и тогда посягательство на интерес будет и посягательством на субъективное право, или же известный интерес охраняется правом, как общественное достояние, или благо, независимо от принадлежности его тому или другому субъекту» [11, с. 40].

В свою очередь, воззрения Таганцева, по всей видимости, сформировались под влиянием немецких правоведов. В частности, он признавал справедливость позиции Гельштанера, который конкретное правовое благо считал лишь непосредственным объектом посягательства и указывал, что сущность преступления не исчерпывается повреждением, причиняемым конкретному благу; его истинное значение заключается в том противодействии, которое через это оказывается господству права в государстве. Поэтому конечным юридическим объектом, на который посягает преступник, всегда является само государство [11, с. 40].

Охрана семьи, считали разработчики Уложения 1903 г., необходима во имя общественных интересов, в виду которых *посягательства на семейный союз принадлежат к группе посягательств против условий общежития*. При этом главная задача законодательства, по мысли разработчиков, состоит в ограждении не какого-либо отдельного частного блага того или иного лица, а блага общественного, сводящегося к известным *этическим началам*, подлежащим защите государства как необходимое основание прочности и непоколебимости семейного существования и семейного положения вообще [15, с. 157]. Ну а в качестве этических начал традиционно при конструировании уголовно-правовых норм выступали религиозные каноны и правила (см. ст.ст. 415, 418 Уложения 1903 г.). Соответственно, в качестве дополнительного объекта защиты в этих случаях выступали религиозные интересы.

В какой мере религиозные интересы проявили себя в конструкциях норм, закрепленных в 19 главе Уложения 1903 г.? Все познается в сравнении, поэтому полезно еще раз сопоставить Уложение 1885 г. и Уложение 1903 г., но уже под новым углом зрения.

Религиозно-нравственные начала как дополнительный объект при посягательствах на семейственные права

В ряде статей Уложения 1885 г. вопросы семейных отношений непосредственно или опосредованно увязаны с соблюдением религиозных канонов: запреты на вступление в брак лицам иных вероисповеданий, запре-

ты кровосмесительных браков, запреты на вступление в брак с неблизкими родственниками, запреты прелюбодеяний и др. Причем в отдельных случаях религиозный интерес, формально являясь дополнительным объектом защиты, фактически оказывается основным – например, при запрете православному на вступление в четвертый брак. Также надо отметить, что особое внимание в Уложении 1885 г. уделено обеспечению запретов в области семейных отношений, принятых в православии. Это проявилось в нескольких формах.

Во-первых, в том, что защищались специальные правила, установленные в православии. Так, лица православного исповедания за вступление в четвертый брак привлекались к уголовной ответственности по ст. 1564, а лица иного исповедания уголовной ответственности не подлежали, независимо от того, каким по счету был их очередной брак – при соблюдении условия, что предыдущий брак прекращен и выдержан необходимый срок после него (в противном случае могла наступать ответственность за иные преступления – см., напр., ст. 1554, 1555, 1558).

Данный уголовно-правовой запрет проистекал из православного канона. Русская православная церковь охотно благословляла первый брак. Второй – снисходительно разрешала при наличии веских причин. Третий – осуждала, но допускала «по нужде». Четвертый считала невозможным ни при каких обстоятельствах. Впервые четкое нормирование допустимого количества браков для православных христиан было зафиксировано в Стоглаве 1551 г.: «Четвертый бо бракъ законні и правила възбраняють; блудѣйбовѣ себѣдиноу неправду сіюимѣ етъ, а иже четвертаго брака яко рекшесебѣ смесиль, поругаетѣ убоимѣ, възбраняющимѣ Божественнымъ священнымъ правиломъ, онѣ убо иже разрушають Божественныхъ и священныхъ правилъ, каковое имѣють благочестіе, какова отвѣтаждеть на страшномъ Судѣ. Той убо самъ себѣ отлучай отъ славы Божіей» (гл. 23). Указанный памятник отечественного права представляет собой сборник решений Стоглавого собора 1551 г. Русской церкви; такое название («Стоглавый») данный акт получил потому, что первоначально состоял из 100 глав. Помимо прочих задач, он был направлен на унификацию церковных правил, обрядов, служб, а также разъяснял соотношение церковного и уголовного права, и др.¹¹ Здесь для полноты картины полезно упомянуть, что в католицизме существовали и существуют более строгие подходы к возможности развода и вступления в новый брак (формально, новый брак при живом супруге, с которым заключен первый брак, вообще не допускался¹² и не допускается) [8], однако католики по Уложению

¹¹ Полный текст нормативного акта см.: Стоглав // Российское законодательство X – XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юрид. лит.-ра, 1985. С. 241 – 439.

¹² Между 1545 и 1563 гг. (то есть в тот же период, когда проходил Стоглавый собор) в Тренто (ныне это север Италии) состоялся так называемый Тридентский собор – 19-й вселенский собор католической церкви. Решением данного Собора в случае развода потерпевшей стороне было отказано в праве на повторный брак, если другая сторона была жива. При этом безбрачное сожитие осуждалось. См.: Трентский совет [Электронный ресурс] // Альфапедия. URL: https://alphapedia.ru/w/Council_of_Trent (дата обращения: 09.02.2023).

1885 г. за вступление в новый брак после расторжения предыдущего не наказывались, каким бы ни был по счету очередной брак (если только речь не идет о вступлении в новый брак без расторжения предыдущего, то есть о многоженстве или многомужестве).

Во-вторых, в том, что в некоторых случаях за аналогичные нарушения для православных было установлено более строгое наказание, нежели для представителей иных религий. Так, лицам православного исповедания за вступление в брак с нехристианами грозило в качестве наказания заключение в тюрьму на четыре месяца (ст. 1564), в то время как лицам римско-католического исповедания за такое же деяние – заключение в тюрьму лишь на два месяца и двадцать дней (ст. 1568). Также лица, исповедующие православие, наказывались за кровосмешение не только с родственниками по боковой линии до четвертой степени родства, но и со свойственниками; при этом лица, принадлежащие к другим христианским исповеданиям, наказывались лишь за кровосмешение до второй степени родства (ст. 1594).

В-третьих, в том, что за некоторые преступления против семейственных прав священники православной церкви предавались церковному суду и на них налагалось наказание, предусмотренное в Уставе духовных консисторий, в то время как священники других церквей за аналогичные преступления несли ответственность перед светским судом и наказывались по Уложению 1885 г. Среди этих преступлений – совершение бракосочетания лица или лиц, уже состоящих в брачном союзе (ст. 1557), сочетание браком лиц, не достигших или превысивших установленного законом возраста, а также при недопустимой степени родства брачующихся (ст. 1574).

Такой порядок можно обосновать формально-юридически. В раздел I «О Священных правах и преимуществах Верховной Самодержавной Власти» Основных законов и учреждений государственных Российской империи была включена ст. 40 следующего содержания: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи Вера есть Православная Восточная Грекороссийская»¹³.

Наряду с этим объяснение принятому порядку можно найти в идеологической формуле, выдвинутой президентом Петербургской академии наук (с 1818 г.) и министром народного просвещения Российской империи (с 1833 г.) графом С. С. Уваровым: «Православие – Самодержавие – Народность». Эта формула предполагала особый путь России. Задача, которую выдвигал министр, заключалась в том, чтобы «...укрепить любезное Отечество на верном якорю, на твердых основаниях спасительного начала... Образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности составляет <...> одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени» [12, с. 72].

Вместе с тем следует заметить, что по Уложению 1885 г. в некоторых случаях при совершении аналогичных деяний различалась ответствен-

¹³ Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 томах. 2-е изд. Санкт-Петербург: Тип. Второго отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1833. Т. 1, ч. 1. С. 16.

ность христиан и лиц нехристианской веры. Так, христиане за вступление в новый брак при существовании прежнего привлекались к ответственности по ст. 1554, им грозила отдача в исправительные арестантские отделения (ч. 1), а при наличии квалифицирующих обстоятельств и более строгие наказания (ч. 2 и 3). Лица же иной веры при совершении такого же деяния привлекались к ответственности по ст. 1558, им грозило заключение в тюрьму, квалифицированные составы в ст. 1558 не предусматривались.

Разработчики проекта Уложения 1903 г. поясняли, что по вопросу ответственности за посягательства на религиозные ценности *стремились придерживаться воззрений действующего тогда законодательства, то есть Уложения 1885 г.* Ими указывалось, что «религия и церковь являются одним из важнейших, основных, государственных и общественных устоев, охрана которого от злоумышленных на оный посягательств должна быть признана одной из наиболее важных задач карательной деятельности. Особенно же важно в России, где начала христианской веры и православная церковь, представляясь соединительным звеном, сплачивающим воедино ее многочисленное и разнообразное население, придали нашему отечеству ту мощь, в силу которой оно занимает столь выдающееся в среде современных государств положение» [15, с. 50]. Это объяснение относилось к тем деяниям, которые в качестве основного объекта посягательства имели религию и церковь – «посягательства на ограждающие веру законы».

При всем том, если задаться вопросом, в какой мере нормы об ответственности за преступные деяния против прав семейственных основывались на религиозных ценностях и защищали православие, и под этим углом зрения сравнить два упомянутых уложения, проступит их существенное отличие.

В 19 главе Уложения 1903 г. православные верующие полностью уравниваются с христианами иных конфессий. Применительно к верующим законодатель вообще не использует термин «православные» или его синонимы. Фигурирует лишь более общее выражение – «лицо христианского вероисповедания». Причем оно используется лишь единожды, в ст. 415, где христианам запрещается вступление в брак с нехристианами. Во всех иных случаях ответственность брачующихся, членов семьи и приравненных к ним лиц не зависит от вероисповедания.

Характерно, что в Уложении 1903 г. не употребляется термин «атеист» или его синонимы («неверующий», «безбожник» и пр.). Между тем в правоприменительной практике мог бы возникнуть вопрос: атеист является нехристианином? Если да, то при вступлении с ним в брак христианин должен нести ответственность по упомянутой выше ст. 415. Если же термин «нехристианин» охватывает круг лиц иной веры, помимо христианской, то ответственность исключается. Однако законодатель в рассматриваемой главе (да и во всем правовом акте) выстраивает нормативные предписания так, словно лиц, не принимающих религию, не существует, хотя это, очевидно, не соответствовало действительности. Почему разработчики Уложения 1903 г. и законодатель заняли такую позицию? Возможно, для того, чтобы не поощрять отсутствие религиозности. А еще, вероятно, потому, что любой человек по факту рождения или в силу обря-

да, проведенного над ним родителями в младенчестве, принадлежал тогда к какой-либо конфессии. Важен был этот формальный статус, а не внутренние убеждения и представления, которые изменчивы, и которые сложно проверить. Существовала признаваемая правом процедура смены вероисповедания (принятие нового), но не было процедуры отказа от любой веры.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что описанные в Уложении 1903 г. преступные деяния против семейственных прав заметно реже имели в качестве дополнительного объекта религиозные ценности по сравнению с Уложением 1885 г. Различие ответственности при посягательствах на семейственные права в зависимости от вероисповедания в новом уложении сведено к минимуму, хотя и полностью не устранено. Корпус новых норм, в основном, приобрел светский вид. Духовные лица неоднократно указываются в качестве субъектов определенных преступлений, но это предопределено значительной ролью этой категории лиц в регистрации юридических фактов – заключения брака, рождения и смерти людей. При этом для духовных лиц предусмотрена та же ответственность, что и для служащих, выполняющих аналогичные функции (ст. 413, 425, 426). В некоторых случаях исключение, по-прежнему, сделано для духовных лиц православного вероисповедания – при нарушениях правил записи актов гражданского состояния, их хранения и т.д. они не подлежат уголовной ответственности, а предаются церковному суду [2]. Разработчики проекта Уложения 1903 г. объяснили это различие следующим. Признаваемый государством объем духовной юрисдикции не одинаков для различных исповеданий, и наличие уголовной ответственности уравнивает эти различия. В то же время в Уставе духовных консисторий для духовных лиц православного вероисповедания предусмотрен достаточный объем ответственности [15, с. 163–164].

Тем не менее, в главе 19 Уложения 1903 г. определенные религиозно-нравственные начала (как и в предшествующем законодательстве) были положены в основу уголовно-правовых запретов, и, следовательно, выступали дополнительным объектом посягательства при совершении семейственных преступлений. Это единобрачие, запрещение прелюбодения и кровосмесительных браков, недопущение браков по принуждению и обману. Причем все перечисленное относится к христианским, православным принципам, по мнению разработчиков Уложения 1903 г., «в высшей степени важным для общежития». Однако для современных читателей религиозное происхождение не столь очевидно, как для наших предков, в школьную программу которых «Закон Божий» входил в качестве обязательного предмета изучения.

Заключение

В силу ряда внешних и внутренних причин в последние годы со стороны государства и общества большое внимание уделяется сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа и, в частности, семьи, семейных ценностей. В 2020 г. в Конституцию РФ внесена поправка (одобренная на всенародном голосо-

нии), в соответствии с которой подлежит защите семья, материнство, отцовство, а также институт брака, как союз мужчины и женщины, что закрепляет традиционное представление о браке (пункт ж.1, ч. 1, ст. 72). В Стратегии национальной безопасности России ситуация в стране и мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П, указал, что по смыслу ст. 38 (ч. 1) Конституции РФ, семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа нашей страны, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства. На такую защиту направлен и Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809, которым утверждены *Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей*, а также Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». В последнем постановлено, что в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей в 2024 г. в стране будет проводиться Год семьи.

Автор надеется, что материал настоящей работы поможет всем заинтересованным лицам лучше понять, в чем состояли семейные ценности по представлению наших предков, а также будет способствовать нахождению оптимальной модели уголовно-правовой охраны семейных ценностей. При разрешении вопроса о том, каким должно быть новое законодательное регулирование, изучение прошлых эпох дает незаменимое руководство векового опыта поколений, отметил в свое время выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель Н. Д. Сергеевский. Для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания [10, с. 8].

Список литературы

1. **Бернер А. Ф.; Прим.: Неклюдов Н.** Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 940 с.
2. **Вишневский А. А.** Расторжение брака в каноническом праве: формальный запрет при сущностном допущении // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 112 – 119.
3. **Исаев М. М.** Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Ленинград: Гос. изд-во, 1925. 199 с.
4. **Колоколов Г. Е.** Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор: составлено по лекциям, читанным в 1903/04 академическом году. М.: Типо-лит. Ю. Венер преemn. О. Фальк, 1904. 44 с.
5. **Минеева Т. Г., Романовская В. Б., Савченко И. В.** Церковное судопроизводство в Российской империи: монография. Чебоксары: Среда, 2020. 104 с.
6. **Пушкаренко А. А.** Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / Российское законодательство X – XX веков. М.: Юрид. лит-ра, 1994. Т. 9. С. 240 – 271.

7. **Салманова Г. Д.** Каноническое право // Системные технологии. 2013. № 1(6). С. 113 – 117.
8. **Сверчков В. В.** Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 259 – 266.
9. **Сергеевский Н. Д.** Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям. Санкт-Петербург, 1887. 434 с.
10. **Сергеевский Н. Д.** Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. 9-е изд. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 397 с.
11. **Таганцев Н. С.** Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н. С. Таганцевым, доктором уголовного права, ординарным профессором Императорского Училища правоведения, почетным членом университетов С.-Петербургского и св. Владимира. Часть общая. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1887. 380 с.
12. **Уваров С. С.** О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Река времен. Кн. 1. М.: Река времен – Эллис Лак, 1995. С. 70 – 72.
13. **Уголовное уложение.** Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895. Т. 1, Гл. 1. 639 с.
14. **Уголовное уложение.** Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895. Т. 2, Гл. 2 – 7. 582 с.
15. **Уголовное уложение.** Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895. Т. 4, Гл. 17–18. 243 с.
16. **Юдина А. В.** Объекты, цели и уровни сравнительно-правовых исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 1. С. 129 – 134.

References

1. **Berner A.F.; Prim.: Neklyudov N.** *Uchebnik ugodovnoo prava: Chast' obshchaya. Chasti obshchaya i osobennaya: s primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu. T.1* [Textbook of Criminal law: General part. Parts general and special: With notes, appendices and additions on the history of Russian law and positive legislation. Vol. 1], Saint-Petersburg: Tip. N. Tiblena i komp, 1865, 940 p. (In Russ.)
2. **Vishnevskij A.A.** [Dissolution of marriage in Canon law: a formal prohibition with an essential assumption], *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Right. Journal of the Higher School of Economics], 2011, no. 1, pp. 112-119 (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Isaev M.M.** *Obshchaya chast' ugodovnoo prava R.S.F.S.R.* [The general part of the criminal law of the RSFSR], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, 199 p. (In Russ.)
4. **Kolokolov G.E.** *Novoe ugodovnoe ulozhenie: tolkovanie i kriticheskij razbor* [New criminal code: Interpretation and critical analysis], Moscow: Typolithography of U. Vener successor of O. Falk, 1904, 44 p. (In Russ.)
5. **Mineeva T.G., Romanovskaya V.B., Savchenko I.V.** *Cerkovnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj imperii: monografiya* [Ecclesiastical Legal Proceedings in the Russian Empire: monograph], Cheboksary: Sreda, 2020, 104 p. (In Russ.)
6. **Pushkarenko A.A.** *Ugodovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.* [Criminal Code of March 22, 1903]. In: *Russian legislation of the X – XX centuries*, vol. 9, Moscow: Yuridicheskaya literature, 1994, pp. 248-249 (In Russ.)
7. **Salmanova G.D.** [Canon Law], *Sistemnye tekhnologii* [System technologies], 2013, no. 1(6), pp. 113-117 (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Sverchkov V.V.** [Notes to articles of the Criminal Code of the Russian Federation on exemption from criminal liability (punishment): legal nature and the problem of application], *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Current problems of economics and law], 2013, no. 4, pp. 259-266. (In Russ., abstract in Eng.)

9. **Sergeevskij N.D.** *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: Posobie k lekciyam* [Russian criminal law. General part: Manual for lectures], Sankt-Peterburg, 1887, 434 p. (In Russ.)

10. **Sergeevskij N.D.** *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: Posobie k lekciyam, 9-e izdanie* [Russian criminal law. General part: Manual for lectures, 9th edition], Sankt-Peterburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1911, 397 p. (In Russ.)

11. **Tagancev N.S.** *Lekcii po russkomu ugovnomu pravu* [Lectures on Russian criminal law. The general part], Saint-Petersburg: Gos. tip., 1887, 380 p. (In Russ.)

12. **Uvarov S.S.** [About some general principles that can serve as a guide in the management of the Ministry of Public Education]. In: *Reka vremen* [The River of Times]. Book 1, Moscow: Reka vremen, 1995, p. 70-72 (In Russ.)

13. **Ugolovnoe ulozhenie.** *Ob'yasneniya k proektu Redakcionnoj komissii* [Criminal Code. Explanations to the draft of the Editorial Commission], Sankt-Peterburg: Gos. tip. 1895, vol. 1, part 1, 639 p. (In Russ.)

14. **Ugolovnoe ulozhenie.** *Ob'yasneniya k proektu Redakcionnoj komissii* [Criminal Code. Explanations to the draft of the Editorial Commission], Sankt-Petersburg: Gos. tip., 1895, vol. 2, part 2-7, 582 p. (In Russ.)

15. **Ugolovnoe ulozhenie.** *Ob'yasneniya k proektu Redakcionnoj komissii* [Criminal Code. Explanations to the draft of the Editorial Commission], Sankt-Petersburg: Gos. tip., 1895, vol. 4, part 17-18, 243 p. (In Russ.)

16. **Yudina A.V.** [Objects, goals and levels of comparative legal research], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2014, no. 1, pp. 129-134 (In Russ.)

Protection of Family Rights in the Criminal Code of the Russian Empire of 1903 and the Code on Criminal and Correctional Punishments: A Comparative Analysis of the Established Prohibitions

P. A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law),

*Leading Research Fellow of the Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminology Department, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
skoblikov@list.ru*

The paper presents an overview and features of criminal acts against family rights provided for in the Criminal Code of the Russian Empire of 1903. A classification of these acts is proposed. The conceptual differences between Western European and Russian approaches to the definition of torts in the field of family relations in the 18th and 19th centuries are noted. The conclusion is made about a significant narrowing of the range of criminal acts defined in the Criminal Code of 1903, compared with the Code on Punishments of Criminal and Correctional in the wording that was in force at the time of the adoption of the Criminal Code of 1903. The immediate causes of this narrowing are shown and systematized. The general object of criminal encroachment in the view of the developers of the Criminal Code of 1903 and the generic object in cases of encroachments on family rights are disclosed.

The conclusion is substantiated that in the considered encroachments, religious and moral principles in some cases acted as an additional object of protection in the Criminal Code of 1903 and in many cases they were such an object in the previous Code. In addition, it is indicated that the differences in the responsibility of Orthodox and non-Orthodox have been erased in this Criminal Code and the differences in the responsibility of Christians and persons of other faith have been smoothed out.

Keywords: marriage; additional object of criminal encroachment; Criminal Code of the Russian Empire of 1903; Code of Criminal and Correctional Punishments; general object of criminal encroachment; children's rights; parents' rights; spouses' rights; criminal acts against family rights; religious and moral principles; generic object of criminal encroachment; family.

© П. А. Скобликов, 2024

Статья поступила в редакцию 10.01.2024

При цитировании использовать:

Скобликов П. А. Охрана прав семейственных в Уголовном уложении и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных: сравнительный анализ установленных запретов // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 19 – 40. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.019-040

Статья содержит авторские размышления о современных способах оказания влияния на иностранные государства: официальные (законные) и неофициальные. Автор констатирует, что в современном мире, когда большинство конфликтов и вопросов международного характера все чаще стараются решаться мирным путем и за столом переговоров, то это является проявлением сдерживающих факторов для стран-гегемонов и гарантирующими факторами на существование для стран-миноров (имеют незначительное влияние на международной арене). В тот же момент страны-гегемоны или доминирующие во многих отраслях страны стараются как расширить свои сферы влияния, так и удовлетворить свои растущие аппетиты, что подталкивает данные страны искать новые способы оказания влияния как на законных основаниях, так и вопреки международным нормам и договорам.

Ключевые слова: международное право; международные организации; международные договоры; представительства и консульства; санкции; вооруженные силы; атташе; наемники; частные военные компании; шпионы и агенты.

Александр Геннадьевич Упоров, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», Новокузнецк, Россия;
uporov65@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ОКАЗАНИЯ ВЛИЯНИЯ НА ИНОСТРАННЫЕ ГОСУДАРСТВА

Введение

В современном мире многие страны стараются все чаще избегать прямых боестолкновений и как следствие большого числа потерь со стороны как вооруженных сил, так и мирного населения, которое обязательно пострадает, что в дальнейшем может привести к большому количеству проблем как на мировой арене (признание страны агрессором, наложение санкций и т.д.), так и внутри государства (массовые беспорядки, бунты, требования отставки правительства, беженцы и эмигранты и т.д.). Именно поэтому государства, которые имеют какие-либо претензии к другому государству вне зависимости от их вида (экономические, политические, территориальные, военные и т.п.), на официальном уровне стараются придерживаться договоренностей, но в большинстве случаев оба государства стараются применить какие-либо способы влияния на государство-противника в целях подрыва его стабильности и склонения другой страны к принятию новых требований, заранее не выгодных для страны-пораженца.

Исходя из всего этого, многие страны применяют всевозможные рычаги и способы оказания влияния. Ниже предлагается дать им классификацию и разобрать их поподробнее.

Описание исследования

Все современные способы оказания влияния на иностранные государства подразделяются на две группы: а) официальные (законные), б) неофициальные.

Официальные – одни из наиболее важных критериев в разграничении, критерий законности (официальности) гласит о том, что страна осуществляет какие-либо действия добровольно и с дозволения государства или же государство на законных для него основаниях дает право на совершение каких-либо действий, которые не всегда направлены на дестабилизацию деятельности государства, органов государственной власти, органов местного самоуправления либо отдельно взятого лица или организации.

Официальные (законные) способы оказания влияния на государства представлены следующим образом:

- 1) представительства и консульства;
- 2) международные организации;
- 3) международные договоры;
- 4) введение санкций;
- 5) использование вооруженных сил и(или) военного атташе [11, с. 315].

Критерий неофициальных рычагов влияния можно будет описать так: действия на территории враждебного государства лицом, находящимся на данной территории на законных (наличие гражданства или вида на жительство) или незаконных основаниях, совершающим противоправные действия в отношении враждебного государства, которые всегда имеют под собой цель – дестабилизацию деятельности государства, органов государственной власти, органов местного самоуправления либо отдельно взятого лица или организации.

Неофициальные способы оказания влияния на государства:

- 1) наемники и частные военные компании;
- 2) финансирование (экономического и политического сектора государства);
- 3) шпионы и агенты [2, с. 420].

Разберем каждый из *официальных (законных) способов* более подробно.

Представительство государства на территории другого государства в лице посольства или консульства. Данный способ применяется во всех существующих странах мира, поскольку данные представительства направлены, прежде всего, на то, чтобы установить дипломатические контакты и связи с другой страной, которая может представлять угрозу, и быть нейтральной или оказать существенную помощь в решении каких-либо вопросов. Несмотря на все это, посольство и консульство могут играть на руку той стране, чье консульство там находится. Наиболее ярким примером можно выделить укрывание создателя сайта WikiLeaks Джулиана Ассанжа на протяжении 10 лет в посольстве Эквадора на территории Великобритании, что показывало заинтересованность Эквадора в укрывании Ассанжа в своем посольстве, так как на территории посольства и консульства действует законодательство того государства, чью страну оно представляет [6, с. 718].

Международные организации являются одним из официальных способов влияния на государство или группу государств как внутри организа-

ции, так и за ее пределами. Международные организации могут быть нескольких видов: гуманитарные, военно-политические, экономические, судебные и иные. Самые яркие виды данных организаций: Организация Объединенных Наций (ООН), Европейский Союз (ЕС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), Всемирная торговая организация (ВТО), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Ярким минусом данных организаций является тот факт, что в случае, если страна не является членом международной организации, блока, альянса или содружества, то обязать выполнять какие-либо поручения либо потребовать остановку определенных действий и в дальнейшем привлечь к ответственности данную страну попросту невозможно, ввиду отсутствия рычагов давления. Пример – акты ЕСПЧ в отношении России, которая она отказывается выполнять, на что ЕСПЧ может возразить только введением санкций, которые не являются эффективным источником влияния. Другим примером может быть деятельность США на территории Восточной Украины (ДНР, ЛНР), так Комиссия ОБСЕ не единожды обращалась в ЕС и Генеральную Ассамблею ООН с докладами о нарушении основных принципов (сотрудничества стран и невмешательства во внешнюю и внутреннюю политику государства) и документов международного права и требовала провести расследование в отношении ряда стран, одной из которых оказалась США, но ввиду большого количества сторонников в лице членов ЕС и НАТО, а также экономической зависимости (предоставлен государственный кредит) большинства стран ОБСЕ от США, то расследование было прекращено, что показывает несостоятельность данной организации и несоблюдение основного принципа международного права, такого как равенства государств.

Следующий официальный способ влияния на другие страны – *участие в международных договорах*. Международный договор может регулировать абсолютно любые отрасли жизни государства и(или) ряда государств. Пример данных договоров: Устав ООН (закрепляет основные принципы международного права), который ратифицирован всеми странами мира; Устав НАТО (запрещает принимать страны, которые имеют территориальные претензии на другие страны); Устав ОПЕК (регулирует размер продаваемой нефти в отношении главных поставщиков), а также Устав ЕС (регулирует поставки товаров на внутренний рынок ЕС). Проблема данного способа влияния заключается в том, что при попытке выхода или отделения от договора, процесс будет искусственно замедляться, например «Брексит» – выход Великобритании из состава ЕС. Так, Великобритания планировала выйти из ЕС в 2016 г., но большой и обширный механизм бюрократического аппарата попросту не позволил это сделать, в результате чего из состава ЕС Великобритания вышла только в 2020 г., то есть страны ЕС понимали, что будет в случае выхода данной страны из договора, а именно, на территории Европы появится серьезный экономический и военный гегемон, который может своими экономическими и политическими рычагами влияния полностью дестабилизировать действие ЕС [1, с. 105].

Введение санкций – спорный рычаг оказания влияния на страну-агрессор или страну-виновника ввиду ряда причин:

1) страна попросту не является членом какого-либо альянса, блока или союза;

2) страна не ратифицировала и не подписывала договор, в отношении которого данную страну привлекают к ответственности;

3) страна имеет настолько большое влияние, что может не привлекаться как страна-агрессор или виновник, а все изменить в другую сторону;

4) страна хоть и является членом альянса и ратифицирует договор, но не имеет никаких экономических, политических и иных связей, на которые распространяется влияние данных стран;

5) страны в результате провокации находят лишь повод для ослабления государства-гегемона.

Ярким примером является современная Россия, в отношении которой еще с 2014 г. введен ряд санкций в связи с присоединением юго-восточных регионов и конфликтом на востоке Украины, включающих в себя масштабные ограничения финансовой системы России (включая Центробанк и крупнейшие банки), деятельности ряда российских компаний и отдельных отраслей экономики, а также закрытие воздушного пространства и морских портов, персональные санкции против руководства России, крупнейших предпринимателей [9, с. 98]. Несмотря на ряд перечисленных санкций, ЕС все чаще противоречит своим же санкциям, например, запретив поставку продовольственных и промышленных товаров, все страны Европы активно закупают у России нефть и газ, что лишь подчеркивает материальную зависимость от ресурсов.

Последний и самый жестокий способ оказания влияния – *привлечение военного атташе и ввод вооруженных сил* на территорию другого государства. ООН еще в начале своего существования активно пыталась внести требования для введения вооруженных сил и начала войны между двумя государствами. Такими требованиями являлись:

1) агрессия одного государства в отношении другого (Нагорный Карабах);

2) выдвижение требований или ультиматумов со стороны одного государства (Югославский конфликт);

3) гуманитарная катастрофа (геноцид рохинджа 2016 г.);

4) просьба государства о введении миротворческих сил ООН (миротворческая операция ООН в Сомали проводилась в 1992 – 1995 гг.);

5) просьба государства о введении спецконтингента конкретного государства (ввод войск в Афганистан СССР с 1979 по 1989 гг.).

Проблемой данного способа выступает большое число жертв со стороны военного и мирного населения, разжигание ненависти между нациями, отсутствие возможности мирного урегулирования конфликта. Военный атташе может выступать как предпосылка к одному из пяти вышеуказанных действий, поскольку он действует официально от имени другого государства и оказывает военную помощь в мирное время. Решением для минимизации применения вооруженных сил может стать стремление одной из стран решить конфликт мирным путем и привлечь третейского судью для решения спора в лице представителя какого-либо блока, альянса или организации [3, с. 185].

Исходя из всех вышеуказанных способов, можно прийти к выводу о том, что официальные способы оказания влияния направлены в основном на дипломатическое, экономическое или политическое давление и не направлены на причинение вреда всему населению, а лишь конкретной его части. Проблема применения данных способов может выражаться в следующих причинах:

- 1) сговор ведущих стран в целях оказания влияния на слабые или зависимые страны;
- 2) провокация военных действий на территории одного государства в целях извлечения как экономической выгоды (продажа оружия), так и территориальной (аннексия части страны);
- 3) ослабление ведущими странами одного гегемона в целях его подчинения;
- 4) безнаказанность страны, в случае если большая часть членов организации, которая осуществляет расследование и вынесение решения, состоит в дружеских отношениях или экономической зависимости со стороны государства-преступника.

Данные проблемы можно решить следующими способами:

- 1) объединение слабо развитых стран в определенных отраслях в один альянс в целях повышения своей весомости и значимости на мировой арене;
- 2) создание большого числа организаций наподобие ОБСЕ в целях многостороннего влияния на конфликт;
- 3) объединение независимых стран для привлечения страны-преступника к ответственности.

После рассмотрения официальных способов проанализируем *неофициальные способы оказания влияния*. Примечательно, что все указанные способы регулируются как нормами международного права, так и национального законодательства гораздо сильнее, нежели официальные способы.

В случае если государство видит в стране экономически выгодного партнера либо кладезь полезной информации, то в отношении данной страны могут применяться такие способы, как построение *агентурной сети*, *введение шпионов* в наиболее важные органы и предприятия государства в целях получения информации государственной важности, вербовки наиболее влиятельных лиц, а также установки слежки за ними. Практически каждое государство мира имеет свою агентурную сеть, несмотря на то что подписывало такой международный документ, как Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г., который запрещал использование шпионов как в мирное, так и военное время (ст. 46)¹, но на практике если взять отечественное законодательство, то в Уголовном кодексе Российской Федерации² (УК РФ) выделяются та-

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.10.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.10.2022).

кие статьи, как ст.ст. 275 и 276, где привлекаются лишь те лица, которые осуществляют шпионаж, слежку и пособничество в передаче информации, составляющую государственную тайну только в отношении иностранной разведки, что применяют и другие государства, то есть страна запрещает использовать шпионов на территории своего государства, но в тот же момент активно поощряет деятельность своих агентурных сетей и служб на территориях других государств. Наиболее яркими агентурными организациями являются: MI6 (Великобритания), FBI (США), ГРУ (Россия), СБУ (Украина) и т.д.

Также стоит отметить, что страны в случае поимки шпиона или агента на территории своего государства взаимно (на территории своего государства поймали иностранного агента, а на территории иностранного государства поймали нашего шпиона) не стремятся раскрывать его личность, а обмен данных лиц происходит анонимно и засекречено, так как в случае придачи данным действиям огласки, то личность обоих шпионов будет раскрыта, а страны, которые владели данными шпионами должны быть привлечены к ответственности, но здесь и проявляется одна из самых главных проблем. Несмотря на то что саму Женевскую Конвенцию подписали все существующие на момент ее подписания страны, то дополнения к ней подписало гораздо меньшее число стран, так как в случае подписания и ратификации дополнения к Конвенции страны, у которых имеется штат агентов и шпионов, должны быть преданы суду, но не только конкретное лицо, которое осуществляло данную деятельность, но и государство, которое осуществляло помощь [5, с. 226]. Из всего этого можно выделить следующий ряд проблем и вопросов:

- 1) нежелание ведущих стран (Россия, США, Китай, Франция) ратифицировать договор;
- 2) слабый уровень контроля со стороны стран, которые ратифицировали дополнение к Женевской Конвенции;
- 3) неспособность международных организаций оказать давление на страны, использующие агентов и шпионов.

Исходя из указанных проблем, предлагаем ряд решений:

1. Организовать единый блок среди стран, подписавших и ратифицировавших данную конвенцию и оказывать влияние на ведущие страны.
2. Сформировать новые способы оказания влияния со стороны международных организаций.

Вторым способом можно выделить наемников и частные военные компании (ЧВК). Ряд ведущих стран, такие как Россия, США, Великобритания, Франция и иные, по сей день не ратифицировали данный договор, что показывает несостоятельность данной конвенции, поскольку передовые страны своей не ратификацией признают деятельность наемников.

Статья 1 конвенции ООН о наемниках (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 г.) дает определение, что наемник – это лицо, которое завербовано за пределами своего государства и не является гражданином той страны, против которой или со стороны которой он осуществляет свою деятельность³.

³ Официальный сайт ООН. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения: 02.10.2022).

Данная трактовка ставит под незаконность часть армии Великобритании, поскольку бывшие страны-доминионы (Индия, ЮАР, Австралия, Новая Зеландия, Канада) имеют право служить без получения гражданства в армии Великобритании, что запрещено данной конвенцией, а также ставит под вопрос существование Французского Иностранного легиона, суть которого состоит в том, что эмигрант может пойти на службу сроком на 10 лет, а по истечении данного срока получить гражданство Франции, что согласно международной конвенции также является незаконным, что показывает причины не принятия данной декларации.

Другой проблемой можно выделить ЧВК, которые существуют независимо от государства и предоставляют всевозможный спектр услуг, начиная от выполнения боевых операций и заканчивая вооруженным сопровождением и подготовкой кадров. Государства, на территории которых осуществляется деятельность данных ЧВК, никак не наказывают, так в Российской Федерации имеется ст. 359 УК РФ за наемничество, которое подразумевает наказание за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях [10, с. 43]. На территории Российской Федерации находятся как минимум семь ЧВК (одна из них является полугосударственной (ЧВК Лукойл)), которые по факту осуществляют услуги наемничества, но со стороны международного сообщества и национального законодателя не получают никаких санкций.

Многие ученые сходятся во мнении о том, что деятельность наемников и ЧВК попросту выгодна ведущим странам и государствам, поскольку страна может по-прежнему отстаивать свои интересы и удовлетворять свои цели, оставшись незамеченной, страна остается миролюбивым государством по отношению ко всем другим государствам, поскольку на официальном уровне данное государство не выражает никакие угрозы или акты агрессии по отношению к заинтересованному государству, а в случае поимки наемника или служащего ЧВК, на него не распространяются общие правила по отношению к военнослужащим, что также никак не запятнает честь и достоинство государства [4, с. 45].

Также в плюс применения ЧВК и наемников можно отнести и то, что на них выделяется только денежное содержание, а также предоставляется вооружение, но нет затрат на самое главное – обучение, поскольку все наемники и члены ЧВК являются ветеранами боевых действий либо сотрудниками правоохранительных органов в отставке, что позволяет государству получать готовую боевую единицу, которой необходимо лишь вооружение.

Несмотря на такое большое число плюсов, у деятельности наемников и ЧВК есть один существенный минус – их деятельность бесконтрольна, а верность оценивается исключительно денежным эквивалентом, что попросту порождает новый фронт боевых действий помимо уже ведущей информационной войны. Страны, обладающие ЧВК, все активнее привлекают ЧВК других стран на свою сторону, увеличивая стоимость содержания. Ярким примером могут послужить действия Российской ЧВК «Вагнер», которая при выполнении операции в Сирии получала команды от командиров вооруженных сил различных стран (России и Сирии), что,

в конечном итоге, привело к трагедии в провинции Дейр-эз-Зор, во время которой большая часть ЧВК была уничтожена [7, с. 62].

Другим же минусом будет и тот факт, что у наемника отсутствует гарантия на защиту его прав и свобод в случае небрежного или неправильного выполнения поставленного задания, попадания в плен или смерти, что также никак не регламентируется.

Исходя из всего этого, деятельность наемников и ЧВК основывается исключительно на интересах тех лиц, которые готовы вкладывать существенное количество денежных и материальных средств на обеспечение наемника оружием и выполнение определенной поставленной задачи, что несмотря на кажущиеся затраты гораздо дешевле, нежели содержать вооруженные силы, которых необходимо обучить, на что уходит гораздо больше времени и денежных средств.

Подводя итоги ко всему вышесказанному, можно предложить ряд способов, которые хотя бы частично решают проблему наемников и ЧВК:

- принятие новых международно-нормативно правовых актов, которые более четко и подробно регламентировали бы такие понятие «наемник» и «частная военная компания» в целях избавления от неточностей в трактовке и избавления от юридических коллизий;
- создание единого реестра всех существующих ЧВК и обязанность государства, на территории которых находится данная компания, осуществлять контроль за их деятельностью;
- создание механизма государственной регистрации и аккредитации данных организации в целях контроля и надзора за их деятельностью;
- разделение правового статуса наемника и члена ЧВК, а также их возможных прав и обязанностей.

Последним же рычагом влияния является *иностранное финансирование политической и экономической отрасли*, поскольку именно данные отрасли оказывают существенное влияние на развитие общества и дальнейшую жизнь государства.

Вкладывая существенное количество денежных средств в политическую жизнь государства, стороннее государство, которое осуществляет финансирование, стремится протолкнуть определенные идеи, а также представителей со схожей идеологией. Данный способ частично, но все-таки нарушает принцип невмешательства во внутренние и внешние дела государства, и реализуется это в разных странах по-своему. В России, например, с 2014 г. «иностранному агенту» («физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента может быть признан гражданин, в том числе иностранец, который осуществляет на территории РФ в интересах другого государства <...> политическую деятельность <...> и(или) целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности РФ, получение которых иностранным источником может быть использовано против безопасности РФ»), а с 1993 г. и иным формам негосударственных организаций, запрещено осуществлять финансирование политических партий, что полностью убирает вероятность иностранного влияния на политическую жизнь общества⁴.

⁴ О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.10.2022).

В США же наоборот выборы конгрессменов активно финансируются за счет средств иностранных концернов, интересы которых они и представляют, что может негативно сказаться на политической жизни государства, ведь на данный момент законодательная власть в США нацелена на удовлетворение потребностей именно высшего класса, а не среднестатистического американца.

Финансирование в отрасли экономики заключается в аренде концернов, предприятий, предоставлении концессии, аренде патентов и лицензий. Государство не вкладывается в строительство предприятий и на сэкономленные деньги может себе позволить развивать другую сферу общественной жизни и государства в частности, но если разобраться более подробно в данном вопросе, то можно прийти к выводу о том, что так государство попадает чуть ли не в колониальную зависимость, поскольку не имеет своих мощностей, а в случае конфликта с государством-арендодателем, все предприятия в один миг закрываются, деньги обесцениваются [8, с. 253]. Данный способ оказания влияния также частично противоречит международному принципу невмешательства во внутренние и внешние дела государства, ведь государство само принимает решение о проведении данной политики, что в дальнейшем может привести к большому перечню проблем, а именно:

- 1) резкому спаду производства;
- 2) большому проценту безработицы;
- 3) падению уровня ВВП;
- 4) угрозе ВПК в связи с закрытием ряда иностранных предприятий;
- 5) высокому уровню инфляции.

Данную проблему можно будет избежать, если:

- 1) иметь резервные накопления (фонд национального благосостояния как в России);
- 2) ВПК должен быть полностью автономен;
- 3) иметь в запасе законсервированные предприятия.

Заключение

Таким образом, анализируя вышесказанное, приходим к выводу: в современных реалиях многие страны стараются отстаивать свои точки зрения и интересы далеко не оружием и бомбами, а тонким языком дипломатии и сотрудничества друг с другом, применяя как законные способы оказания влияния, так и противоправные. Ряд вышеуказанных проблем будет актуален и в будущем, поскольку сами страны не стремятся ратифицировать международные акты и бороться с таким явлением, как шпионаж, а также закрывать глаза на действия ЧВК и наемников вместе с террористическими организациями. Пока большая часть мировых законодателей не придет к общему мнению по поводу рычагов влияния, большинство проблем, указанных в статье, будет существовать.

Список литературы

1. **Ананьева Е. В.** Брекзит: причины, политический фон, последствия // Контур-ры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 98 – 118.

2. **Ефанова Е. В.** Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. № 3(20). С. 417 – 426.
3. **Загребальный А. В.** Не силовые способы урегулирования военно-политических конфликтов: концептуальные подходы // PolitBook. 2013. № 1. С. 182 – 191.
4. **Кокамбо Ю. Д., Скоробогатов О. В., Кузнецова К. Е.** Наемничество и частные военные компании в контексте современного международного и российского права // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 86. С. 44 – 47.
5. **Красиков Д. В.** Современные международно-правовые проблемы квалификации «кибершпионажа» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2018. № 3. С. 225 – 229.
6. **Швецов А. С.** Право убежища в международном праве // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 712 – 729.
7. **Пахроменко С. В., Литвинцев А. А.** Понятие «наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3(78). С. 60 – 64.
8. **Пожитков Д., Раздерищенко И. Н.** Инвестиционная деятельность современной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-2(56). С. 250 – 255.
9. **Степанов К. А.** Международный терроризм как социально-политическое явление // Правовая позиция. 2022. № 5(29). С. 93 – 98.
10. **Степанов К. А.** Превентивные меры по недопущению вооруженных конфликтов, их эффективность в современных условиях // Правовая позиция. 2022. № 7(31). С. 40 – 43.
11. **Шамин И. В.** Теоретическое содержание модели осуществления межгосударственного противоборства «Стратегия непрямых геополитических действий» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 2(1). С. 312 – 317.

References

1. **Ananyeva E.V.** [Brexit: causes, political background, consequences], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], 2017, no. 4, pp. 98-118. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Efanova E.V.** [Instruments of “soft power” in the foreign policy of the state], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 2018, no. 3(20), pp. 417-426. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Zagrebally A.V.** [Non-forceful ways of resolving military-political conflicts: conceptual approaches], *PolitBook*, 2013, no. 1, pp. 182-191. (In Russ., abstract in Eng.)
4. **Kokambo Yu.D., Skorobogatov O.V., Kuznetsova K.E.** [Mercenary activity and private military companies in the context of modern international and Russian law], *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities], 2019, no. 86, pp. 44-47. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Krasikov D.V.** [Modern international legal problems of qualification of “cyber espionage”], *Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Episode 4: State and Law], 2018, pp. 225-229. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Shvetsov A.S.** [The right of asylum in international law], *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian justice], 2019, no. 1, pp. 712-729. (In Russ., abstract in Eng.)

7. **Pakhromenko S.V., Litvintsev A.A.** [The concept of “Mercenary” in international and Russian criminal legislation: comparative legal aspect], *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Siberian Legal Bulletin], 2017, no. 3(78), pp. 60-64. (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Pozhitkov D., Razderishchenko I.N.** [Investment activity of modern Russia], *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2021, no. 5-2(56), pp. 250-255. (In Russ., abstract in Eng.)

9. **Stepanov K.A.** [International terrorism as a socio-political phenomenon], *Pravovaya pozitsiya* [Legal position], 2022, no. 5(29), pp. 93-98. (In Russ., abstract in Eng.)

10. **Stepanov K.A.** [Preventive measures to prevent armed conflicts, their effectiveness in modern conditions], *Pravovaya pozitsiya* [Legal position], 2022. no. 7(31), pp. 40-43. (In Russ., abstract in Eng.)

11. **Shamin I.V.** [The theoretical content of the model of the implementation of interstate confrontation “Strategy of indirect geopolitical actions”], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2011, no. 2(1), pp. 312-317. (In Russ., abstract in Eng.)

Modern Ways of Influencing Foreign States

A. G. Uporov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of the Chair of State and Legal Disciplines,
Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia;
uporov65@mail.ru

The article contains the author's reflections on modern ways of influencing foreign states: official / legal and unofficial. The author states that in the modern world, when most conflicts and issues of an international nature are increasingly trying to be resolved peacefully and at the negotiating table, this is a manifestation of constraining factors for hegemonic countries and guaranteeing factors for the existence of minor countries (have little influence on the international arena). At the same time, hegemonic countries or countries dominating in many industries are trying to both expand their spheres of influence and satisfy their growing appetite, which pushes these countries to look for new ways to exert influence, both legally and contrary to international norms and treaties.

Keywords: international law; international organizations; international treaties; missions and consulates; sanctions; armed forces; attachés; mercenaries; private military companies; spies and agents.

© А. Г. Упоров, 2024

Статья поступила в редакцию 17.10.2022

При цитировании использовать:

Упоров А. Г. Современные способы оказания влияния на иностранные государства // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 41 – 51. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.041-051

Статья посвящена систематизации проблемных моментов процессов внедрения цифровых сервисов в судебную деятельность. Актуальность исследования обусловлена наличием обширной нормативной базы, которая лежит в основе цифровизации органов судебной власти и их деятельности: ФЗ-262 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и ряд концептуальных стратегических государственных и корпоративных нормативных актов. Широкая деятельность и успехи цифровизации ряда направлений судебной деятельности в настоящий момент дают основания выделить ее издержки, которые могут привести к искажению реализации судебных прав человека.

Ключевые слова: судебные права; судопроизводство; судебная деятельность; цифровизация судов; цифровое государство.

Ирина Геннадьевна Пирожкова, канд. юрид. наук., канд. ист. наук.,
доцент, кафедра «Конституционное и административное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
0_1_23456789@list.ru

Екатерина Александровна Бадина, помощник судьи,
Октябрьский районный суд г. Тамбова, Тамбов, Россия;
badina.kat@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Введение

Цифровизация судебной деятельности порождает разнообразные социальные, правовые, технические эффекты. Появление цифровых сервисов должно встраиваться в сложившуюся модель оказания государственных услуг людям, не снижая их качества. Важнейшие конституционные принципы, лежащие в основе правосудия, не должны искажаться.

Наиболее существенными направлениями развития процессов цифровизации являются:

- формирование единого информационного пространства существующих электронных площадок внутри судебной системы, предполагающего совместимость различных баз данных;
- обеспечение доступа судов к публичным ресурсам (реестрам) в режиме онлайн на стадии подготовки к судебному разбирательству без необходимости предоставления в дальнейшем бумажных носителей участниками судебного заседания;
- определение порядка электронного взаимодействия с экспертами и специалистами в целях получения заключений в электронной форме.

Исследовательские усилия отечественных ученых-правоведов, практика судебной деятельности, освещаемая и анализируемая лицами, являющимися ее субъектами, приводят к необходимости отмечать не только безусловно положительные, но и дискуссионные, проблемные аспекты становления цифрового государства. Цифровизация судебной деятельности после снятия пандемийных ограничений продолжает расти, поэтому ее нельзя рассматривать как что-то временное, как набор экстренных механизмов.

Задача статьи – систематизация отмеченных специалистами несовершенств процесса цифровизации в сфере судебной деятельности.

Обсуждение

Противники активного внедрения технологий в правосудие обычно апеллируют к тому, что цифровизация правосудия способна негативно сказаться на непосредственности судебного разбирательства, когда судебное слушание проводится лично судьей.

На круглом столе в Совете Федерации, проведенном в 2023 г., была высказана та же мысль: «Нужно быть уверенным в способности судей принимать по-настоящему справедливые, а не просто юридически обоснованные и грамотные решения при физическом отсутствии сторон» [4].

Риски возможны и при цифровизации судебной системы – незаконное вмешательство в ее деятельность может привести к несправедливому и неправильному решению суда. Законодатели отмечают, что «...до тех пор, пока остается хотя бы один человек, не способный использовать технические возможности, а сейчас их десятки тысяч, должна сохраниться возможность подачи документов в суд в традиционной (бумажной) форме» [4].

В то же время, как отметил докладчик, пока нет ясности в вопросе, как хранить в материалах судебных дел документы, подаваемые как в бумажном, так и в цифровом виде, а также как обеспечить достоверность сканируемых документов. Да и сами суды порой не заинтересованы в таком развитии цифровых технологий.

Еще одной проблемой называется низкая осведомленность участников процесса о возможностях цифровых технологий, недостаток их компетенций в области пользования цифровыми сервисами. Так, «за 2022 г. по административным делам поступило всего 85 обращений в цифровой форме, 28 дел рассмотрены с использованием онлайн-сервисов. Немного, но дело в том, что не суды решают, как рассматривать дела. Это полностью зависит от волеизъявления граждан. Верховный Суд РФ готов к использованию электронных дел, в идеале – можно было бы исключить использование каких бы то ни было бумажных носителей. Однако, как уже отмечалось, это зависит от воли сторон. Впрочем, в Кодексе административного судопроизводства (КАС) уже внесены поправки, которые изменят эту ситуацию и обяжут в определенных случаях использовать электронный образ административного дела, особенно на стадиях апелляционного и кассационного обжалования. Материалы дела на бумаге будут храниться в судах первой инстанции, но в вышестоящие инстанции они будут на-

правляться только в электронном виде. Это в первую очередь касается дел с ускоренным порядком рассмотрения. Технические возможности для этого уже имеются» [4].

Еще одной проблемой являются организационно-технические сложности межведомственного взаимодействия, так отмечается, что «...не рекомендуется использовать КИС АР (Комплексная информационная система адвокатуры России)¹. Это создает огромные сложности. И не только для нас, адвокатов, являющихся равноправными участниками процесса, но и для самой судебной системы, которая теряет драгоценное время» [4].

Проблемой, отмечаемой в аналитических материалах, также называют пробелы в законодательстве, которые, порой, не успевают модернизироваться. Частным случаем такой проблемы является, например, отмечаемая адвокатским сообществом невозможность использовать телекоммуникацию. «Мы предоставили возможность допроса следователями по ВКС, но так и не решили вопросы проведения онлайн-свиданий с адвокатами. Эти свидания нами уже успешно опробованы, но со ссылкой на то, что это не предусмотрено законом, нам не позволяют использовать такую возможность» [4].

Значительной проблемой, отмечаемой как практиками, так и научным сообществом [1], является проблема дипфейков, издержек возможной деперсонализации, от которых при сегодняшнем уровне развития цифровизации невозможно полностью защитить судебный процесс, а значит и права граждан.

В частности, отмечается проблема термина «электронный документ», невозможность достоверно идентифицировать лицо, которое подписало такой документ. «Даже если он подписан квалифицированной электронной подписью, нельзя исключить того, что владелец этой подписи передал свою флешку другому лицу» [4].

Возможности вмешательства в судебную деятельность путем кибератак с иллюстрацией подобных посягательств на примере государств, где электронный формат уголовных дел уже введен (Казахстан, Китай), также отмечаются экспертным сообществом. Риски доступа к тайнам следствия возросли на 80 %, риски фальсификации материалов уголовного дела – на 40 %. Существует также возможность подмены изображения участника процесса с помощью компьютерных технологий.

Проблемы цифровизации также выводят экспертов по правам человека на вопрос о приемлемости и качестве доказательств по делу. «Риск ошибки со стороны искусственного интеллекта велик, между тем подать на него в суд невозможно, а значит, невозможно исправить допущенную ошибку по закону» [4].

В настоящее время уже имеется небольшой, но печальный опыт ошибок данных искусственного интеллекта, легших в основу обвинения в правонарушении, что в последствии не подтвердилось. Этому посвящена

¹ Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР). URL: <https://fparf.ru/cisar/> (дата обращения: 16.04.2023).

аналитическая статья экспертов ООН [3], где описывается, в том числе кейс с обвинением в краже человеку, который ее не совершал. Подобный случай зафиксирован и в РФ. В декабре 2023 г. отечественная пресса полна описанием кейса А. Цветкова, который к этому времени 10 месяцев находился под арестом на основании обвинений по данным искусственного интеллекта. Вмешательство Совета по правам человека при Президенте РФ «в ручном режиме» позволило пересмотреть дело [2].

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, совокупность означенных проблем, ставит дискуссионный вопрос о разграничении электронных методов, обеспечивающих не только процессуальную деятельность, но и цифровизацию правосудия [5].

С одной стороны, применение искусственного интеллекта и цифровых сервисов дает новые возможности осуществления тех же действий (идентификация лиц, применение в деле, извещения, участие в судебном заседании и др.), не меняя сущностных характеристик судопроизводства.

С другой стороны, возможности цифровизации порождают новое цифровое правосудие как самостоятельное направление трансформации общественных отношений, которое частично реализовано в практике зарубежных стран.

Научная аналитика и мнения экспертов-практиков сходятся в обозначении рисков цифровизации, к ним относятся:

- возможность утери контроля над персональными данными граждан;
- искажение принципа непосредственности судебного разбирательства;
- искажение достоверности доказательств через сбои в работе искусственного интеллекта, применение дипфейков, хакерских атак и пр., что повышает риски судебных ошибок, может вредить репутации суда и судей.

Список литературы

1. **Желудков М. А.** Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2021. – Т. 74, № 4(173). – С. 63 – 70. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.063-070
2. **Чижова Алла.** Искусственный интеллект довел до тюрьмы. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6382177> (дата обращения: 16.04.2023).
3. **Предвзятость, расизм и ложь:** как предотвратить нежелательные последствия использования искусственного интеллекта. – Текст : электронный. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1393922> (дата обращения: 16.04.2023).
4. **Катанян Константин.** Совет Федерации изучает проблемы электронного судопроизводства. 22 мая 2023 г. – Текст : электронный. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sovet-federatsii-izuchaet-problemy-elektronnogo-sudoproizvodstva/> (дата обращения: 16.04.2023).
5. **Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О.** К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 5. – С. 4 – 23.

References

1. **Zheludkov M.A.** [Justification of the need to adapt the activities of law enforcement agencies to the conditions of digital transformation of the criminal environment], *LEX RUSSICA (RUSSKIY ZAKON)*, 2021, vol. 74, no. 4(173), pp. 63-70. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.063-070 (In Russ., abstract in Eng.)
2. **available at:** <https://www.kommersant.ru/doc/6382177> (accessed 16 April 2023).
3. **available at:** <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1393922> (accessed 16 April 2023).
4. **available at:** <https://fparf.ru/news/fpa/soviet-federatsii-izuchaet-problemy-elektronnoy-sudoproizvodstva/> (accessed 16 April 2023).
5. **Stepanov O.A., Pechegin D.A., D'yakonova M.O.** [On the issue of digitalization of judicial activities], *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2021, no. 5, pp. 4-23. (In Russ., abstract in Eng.)

Problems of Development of Judicial Activity and Digitalization of the State Apparatus

I. G. Pirozhkova, *Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History)*,
Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
0_1_23456789@list.ru

E. A. Badina, *Assistant Judge,*
Oktyabrsky District Court of Tambov, Tambov, Russia;
badina.kat@yandex.ru

The article is devoted to systematization of problematic aspects of the processes of introducing digital services into judicial activities. The relevance of the study is due to the presence of an extensive regulatory framework that underlies the digitalization of the judiciary and their activities: Federal Law-262 "On ensuring access to information about the activities of courts in the Russian Federation" and a number of conceptual strategic state and corporate regulations. The widespread activity and success of digitalization of a number of areas of judicial activity at the moment give reason to highlight its costs, which can lead to a distortion of the implementation of judicial human rights.

Keywords: judicial rights; legal proceedings; judicial activity; digitalization of courts; digital state.

© И. Г. Пирожкова, Е. А. Бадина, 2024

Статья поступила в редакцию 01.03.2024

При цитировании использовать:

Пирожкова И. Г., Бадина Е. А. Проблемы развития судебной деятельности и цифровизация государственного аппарата // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 52 – 56. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.052-056

Проанализированы проблемы практики применения новой редакции статьи 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Раскрыта непосредственную связь между использованием законодателем юридически неопределенных формулировок и внутренне противоречивых конструкций с обвальным ростом практики привлечения к ответственности и наказания граждан и юридических лиц за пропаганду и публичное демонстрацию нацистской атрибутики и символики, применением закона в явном противоречии с ранее заявленными целями его принятия. На конкретных примерах дано обоснование необходимости изменения действующей редакции рассматриваемых норм и определены их возможные варианты.

Ключевые слова: административная ответственность; обратная сила; объективное вменение; нацистская символика; пропаганда; публичное демонстрация.

Александр Владимирович Ростокинский, д-р юрид. наук, профессор,
департамент права Института экономики, управления и права,
ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия;
arostokinskiy@yandex.ru

Сергей Владимирович Данелян, канд. юрид. наук, доцент,
департамент права Института экономики, управления и права,
ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия;
DanelyanSV@mgpu.ru

О ПРОГНОЗАХ И РЕЗУЛЬТАТАХ НАШИХ ЮРИДИЧЕСКИХ «ПОБЕД» НАД ФАШИЗМОМ-2 ИЛИ ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО ЗАТЕВАЛОСЬ?

Введение

Одно из достаточно спорных «достижений» российского законодательства о противодействии экстремизму – формирование во второй половине 2010-х гг. целого института уголовно и административно-правовых норм о наказании за реабилитацию, пропаганду нацизма, фашизма и подобных им идеологий и практик, а также соответствующих объединений и организаций, атрибутов и символов.

Ограничения на демонстрацию нацистской символики уходят корнями в запрет деятельности НСДАП в 1945 г., денацификацию Германии и акты Нюрнбергского трибунала. В 1995 году в России был принят закон «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», в котором впервые был закреплён запрет использования «в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечествен-

ной войне жертвах» (ст. 6)¹. Однако дальнейшая юридическая детализация этих вполне благородных целей в нашей стране вызывает все больше вопросов.

С одной стороны, не понятно, для чего – в дополнении к уже действующим положениям об ответственности за экстремистскую деятельность – потребовалось отдельно устанавливать ответственность за публичную демонстрацию (пропаганду, оправдание, реабилитацию и т.п.) всего того, что связано с нацизмом в Германии и ее странах-союзниках во Второй мировой войне. Если запрещенные действия совершены с целью оскорбить целый народ или какую-то его часть, вызвать или возбудить ненависть или вражду, спровоцировать волнения, дискриминацию и т.п. – то действия эти – по смыслу закона² – экстремистские, подлежащие осуждению и наказанию. Если что-либо увиденное, прочитанное или услышанное оскорбляет какое-то конкретное лицо, то существуют нормы об ответственности за оскорбление, дискриминацию, унижение деловой репутации и т.п. И в том и в другом случае нет никакой нужды устраивать конкуренцию целых институтов правовых норм путем нагромождения казуальными положениями как уголовного закона, так и законодательства об административных правонарушениях, например, статей 20.1 ч. 3 и 20.3 ч. 1 Кодекса об административных правонарушениях РФ³.

С другой стороны, установление дополнительной ответственности имеет какой-то смысл, если нарушения, ввиду их массового характера, причиняют существенный вред охраняемым законом базовым, то есть конституционным принципам общежития, включая права и свободы человека, организации публичной власти, мира и общественного согласия. Никакого роста пропаганды нацизма (фашизма, им подобных доктрин и идеологий) в России начала 2010-х годов не наблюдалось.

Обсуждение

Почему именно они, по мнению законодателя, представляют угрозу общественной безопасности, а не вполне современные коррупционеры, недобросовестные предприниматели, поставляющие опасные для жизни товары и оказывающие такие же услуги, разрушение инфраструктуры, систем обеспечения промышленной и транспортной безопасности, здравоохранения и образования, либо общеуголовная (не экстремистская) организованная преступность [5]? Либо законодатель не способен повлиять угрозой наказания на данные процессы и явления, оттого отыскивает от-

¹ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 годов: Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ (в ред. ФЗ от 1 июля 2021 г. № 278-ФЗ) // Справочная система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/1518946/#ixzz6zxFhOz3V> (дата обращения: 25.03.2024).

² О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. ФЗ от 8 декабря 2020 г.) // Справочная система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/11340:0> (дата обращения: 25.03.2024).

³ Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. ФЗ от 26 мая 2021 г.) // Справочная система «Гарант» URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 25.03.2024).

носителем «удобный» объект регулирования в прошлом, либо имеет место банальное введение цензуры, запрещенной Основным Законом нашего государства. Кстати, в 2016-м и последующих годах автору этих строк довелось видеть репортажи про военные действия в Сирии. Флаги террористов ИГИЛ (организация, запрещенная в России) тоже оказались «политкорректно» закрыты цензурой из квадратиков-пикселей.

Наконец, и сама формулировка ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ настолько изобилует неюридическими по своей природе терминами и определениями (атрибуты и символы, пропаганда, нацизм), фактически уравнивая любое «публичное демонстрирование» объекта регулирования с его же «пропагандой», никак не определяя «степень смещения», то есть признаки объекта регулирования, что представляет собой классический пример нормы, полностью не соответствующей принципу правовой определенности.

То есть законом четко не определены границы правомерного поведения, нарушив которые субъект правоотношения подлежит ответственности. Если этого нет, то соответствующие действия могут трактоваться и оцениваться произвольно, – а на практике – в соответствии с политической конъюнктурой и требованиями показателей. Соответственно, в случае нарушения законности, виноват окажется некий конкретный исполнитель – оперативник, прокурор, судья или еще кто-то, – если вдруг ситуация изменится, потребуются демонстративные наказания должностных лиц, допустивших «перегибы в работе».

Не случайно, с 2008 по 2017 гг. число дел о демонстрации нацистской символики в России выросло в 14 раз, решений о штрафах – в 37 раз, а об административном аресте – в 11 раз. При этом если в 2008 году к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ были привлечены 54 человека, в 2013 – 256, в 2015 – 1183, в 2018 – 1639 [2].

Показательным для характеристики складывавшейся практики является экстремум «борьбы с фашизмом» 2016 года. Тогда российские суды рассмотрели 2121 дело по ст. 20.3 КоАП РФ. При этом 174 дела были возвращены для устранения недостатков в протоколах (8,3 %), а еще по 67 делам производство прекратили (3 %). Всего были признаны виновными 1796 человек: из них 1574 получили штрафы на общую сумму более чем 1,8 млн р., а еще 221 подвергнуты административному аресту.

Для сравнения, по делам о распространении экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ в ее прежней редакции) в том же году суды рассмотрели 1880 дел в отношении 1925 человек. Из них были возвращены из-за нарушений 135 материалов (около 7 %), а прекращены 70 дел (до 4 %). Административным наказаниям подвергнуты 1679 человек, из них 1631 оштрафованы на общую сумму 4,7 млн р., арестованы – 43.

В общественной жизни под влиянием подобной практики, а в большей мере пропаганды средств массовой информации, достигаются совершенно иные цели, относительно декларируемых с парламентских трибун. Формируется определенный общественный настрой, когда под воздействием СМИ и отчетов правоохранительных органов многие граждане, неосмысленно потребляющие эмоционально окрашенный и тенденциозно

подобранный контент, начинают видеть вокруг себя именно объекты запрета. Например, некая бдительная гражданка пожаловалась на художественный музей в г. Волгограде, в котором она обнаружила портрет Гитлера. На самом деле на портрете был изображен художник Машков, у которого имелись «неподходящие» усы и прическа. Чем не «нацистские атрибуты», полный перечень которых определить в принципе невозможно [4]? Впрочем, возможность произвольного отыскания «атрибутики и символики» в самых неожиданных местах и ситуациях прогнозировалась нами еще в период разработки соответствующих законодательных новелл [6].

Не менее абсурдные результаты достигаются и когда органы власти вместе с народом пытаются цензурировать общественное пространство в меру собственного правосознания и здравого смысла. Так, в одном из поселков, входящих в состав города Самары, находятся обелиск и стела с надписью «Честь и слава воинам, сражавшимся в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годы». Стела была построена в 1975 году и изображала клинок, разрубающий на части свастику. В этом году памятник реконструировали и 8 ноября открыли заново. Но из него пропала свастика. Ее при реставрации стелы убрала администрация района. Местные чиновники испугались, что «прокуратура может признать свастику в памятнике пропагандой фашизма» [1].

Зато в других местах чиновники при освоении бюджетных средств демонстрируют «атрибутику и символику» похлеще иного неонациста. Подобные примеры, как правило, получают широкую огласку, вовсе не способствующую укреплению уважения к нормам закона и лицам, призванных его применять. Достаточно упомянуть тут штурм картонного Рейхстага под Москвой, детский концлагерь в Карелии, эпичное лазерное шоу со свастиками и фюрером третьего рейха на празднике в Челябинске, солдаты и техника вермахта на поздравительных плакатах ко Дню Победы в Алапаевске, Калуге и ряде других городов [7], – без каких-либо широко известных последствий для политической или служебной карьеры не в меру креативных или расторопных руководителей.

То же можно сказать и о сотрудниках правоохранительных органов, применяющих статью закона в противоречии с ее назначением, прежде всего против антифашистов, общественных активистов, исследователей-историков, реконструкторов, вплоть до продавцов антиквариата и т.д.

Активными модераторами роста числа правонарушений являются прокуратура, ФСБ, подразделения МВД по борьбе с экстремизмом и ФСИН.

Анализ сайтов органов прокуратуры подтверждает, что существует специальная отчетность по числу лиц, привлеченных к ответственности по этой статье. МВД ежемесячно включает в свои отчеты данные о выявлении экстремистских правонарушений. Федеральная служба безопасности выполняет роль обнаружения спорного контента, передачи в последующем заактированных материалов в прокуратуру и полицию. Затем сопровождает дело до судебного решения. Отдельным прикладным направлением применения ст. 20.3 КоАП РФ стало привлечение осужденных в коло-

нии за татуировки на теле в виде свастики. Причин такой практики две: прокуратура по надзору пополняет свою статистику по борьбе с экстремизмом, тогда как администрации учреждения имеет основания для присвоения осужденным статуса злостных нарушителей режима в целях оказания определенного давления на них.

Было бы достаточно наивно полагать, что решения парламентским большинством принимаются не по результатам какой-то информационно-аналитической работы, а после просмотра очередного истеричного шоу, которое сами же представляемые депутатами лица и определили в сетку вещания. Активность правоохранительных органов, не лишенная признаков очередной кампанейщины, определенным образом направляется в интересах обеспечения политической монополии давно оформившейся правящей коалиции по двум основным направлениям.

Во-первых, еще в 2012 году после майских протестных выступлений в столице серьезно ужесточилось законодательство о митингах. Появился запрет выступать организатором публичного мероприятия для лица, два и более раза привлекавшегося к административной ответственности, в том числе и по ст. 20.3 КоАП РФ, в течение срока, когда данное лицо считается подвергнутым административному наказанию. Эта статья в сочетании с другими ст. 19.3, 20.1, 20.2, 20.2.2, 20.18 и 20.29 КоАП позволили исключить гражданских активистов из числа организаторов публичных мероприятий.

Во-вторых, действующее законодательство допускает использование ст. 20.3 КоАП для ограничения пассивного избирательного права на выборах в Государственную Думу РФ. «Не имеет права быть избранным депутатом Государственной Думы гражданин РФ <...> 5) подвергнутый административному наказанию за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьями 20.3 и 20.29 [КоАП РФ], если голосование на выборах <...> состоится до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию» (ст. 4 ч. 8 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации»). В полной мере накануне прошедших выборов данные ограничения испытали на себе активисты вновь созданного объединения Партия Народной Свободы (ПАРНАС).

В частности, в апреле 2016 г. лидер пермского отделения М. Касимов, который собирался выдвинуть свою кандидатуру в Заксобрание края и Государственную Думу, был привлечен к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ. В его ленте в одной из соцсетей была размещена нацистская символика. С какой целью она там находилась, суд не выяснял. Тогда же в новосибирском отделении ПАРНАС были обнаружены листовки со свастикой. Руководитель отделения Е. Савин также планировал выдвинуть свою кандидатуру на думских выборах. В том же апреле 2016 г. в Краснодаре суд арестовал на десять суток активистку Н. Соловьеву, которую признали виновной за публикацию в социальной сети видеоклипа другого автора на песню Б. Севастьянова «Это, детка, рашизм». Годом раньше полицейские во время мониторинга соцсетей выявили, что на личной странице антифашистки Ю. Усач «ВКонтакте» размещены ка-

рикатуры военных лет с изображением свастики и фотография парада Победы 1945 года с брошенными к Мавзолею фашистскими знаменами и штандартами, на которых тоже присутствует данный символ [3].

Фактически же, в полном противоречии с позицией Верховного Суда, да и Президента России, по инициативе которого Федеральным законом от 1 марта 2020 г. № 31-ФЗ текст ст. 20.3 КоАП РФ дополнен Примечанием следующего содержания: «Положения <...> не распространяются на случаи использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания...», – отечественный парламент не стремится менять практику дополнения законодательных актов все новыми казусами и основные подходы к конструированию соответствующих норм.

В частности, 16 июня 2021 г. в третьем чтении 390 членов Госдумы РФ (87 % списочного состава) единогласно проголосовали за предложение депутата Е. А. Ямпольской по проекту № 1064063-7 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов” и статью 1 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” (в части установления запрета на публичное демонстрирование изображений лиц, признанных виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала))». Надо ли гадать, что применяться все это будет на практике как в случаях с портретом художника Машкова и антифашистскими карикатурами Кукрыниксов?!

Заключение

Таким образом, существует очевидная связь между использованием законодателем юридически неопределенных формулировок и внутренне противоречивых конструкций в части привлечения к ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики, с применением данного закона в явном противоречии с ранее заявленными целями его принятия и массовых нарушений прав граждан. Такая практика не только делает закон инструментом манипулирования общественным мнением, но и формирует информационные предпосылки для последующего принятия необоснованных и неэффективных решений в сфере обеспечения общественной безопасности.

Для устранения складывающегося положения необходимо не умножать казусы путем искусственного выделения объекта наци-пропаганды из экстремистской деятельности и ограничить противоправность и наказуемость публичного демонстрирования любых атрибутов и символов только целями пропаганды и оправдания деятельности любых организа-

ций, деятельность которых запрещена на территории России в соответствии с решением суда, вступившим в законную силу, призывов, побуждения кого-либо к возобновлению их деятельности в любой форме, отрицания или преуменьшения общественной опасности деятельности данных организаций.

Список литературы

1. **Артемов А.** Косметический ремонт. Районные власти в Самаре убрали из памятника воинам Великой Отечественной разрубленную свастику, испугавшись закона о пропаганде фашизма // Другой город. 2.12.2019. URL: https://drugoigorod.ru/broken_swastika/ (дата обращения: 25.03.2024).
2. **В России** стали в 30 раз чаще штрафовать за нацистскую символику // ТАСС. 5.05. 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6401711> (дата обращения: 25.03.2024).
3. **Дергачев В., Винокуров А.** Экстремизм до степени смешения // Газета.ру. 5.05.2016. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml (дата обращения: 25.03.2024).
4. **Зубова Е.** Волгоградка перепутала художника Машкова с Гитлером и написала жалобу в администрацию области. Возмутивший ее портрет она увидела в музее изобразительных искусств имени И. И. Машкова // КП-Волгоград. Архив новостей от 6.02.2016. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/26490.7/3359134/> (дата обращения: 25.03.2024).
5. **Ростокинский А. В.** Неудобные вопросы авторам Концепции общественной безопасности в Российской Федерации // Российский следователь. 2014. № 6. С. 40 – 43.
6. **Ростокинский А. В., Чурилов С. Н.** О новых юридических «победах» над фашизмом // Вестник МПГУ. Серия Юрид. науки. 2012. № 2(10). – С. 70 – 75.
7. **Хорошавин С.** Свастику «затерли». Как казаки вермахта попали на рекламу в Новочеркасске // АиФ. Архив новостей от 8.09.2020. URL: https://rostov.aif.ru/society/details/svastiku_zatyorli_kak_kazaki_vermahta_popali_na_reklamu_v_novochoerkasske (дата обращения: 25.03.2024).

References

1. **Artemov A.** [Cosmetic repairs. District authorities in Samara removed a severed swastika from a monument to soldiers of the Great Patriotic War, fearing the law on the propaganda of fascism], *Drugoy gorod* [Another city], available at: https://drugoigorod.ru/broken_swastika/ (accessed 25 March 2024).
2. **Available at:** <https://tass.ru/obschestvo/6401711> (accessed 25 March 2024).
3. **Dergachev V., Vinokurov A.** [Extremism to the point of confusion], [Gazeta.ru], available at: http://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml (accessed 25 March 2024).
4. **Available at:** <https://www.volgograd.kp.ru/daily/26490.7/3359134/> (accessed 25 March 2024).
5. **Rostokinsky A.V.** [Inconvenient questions for the authors of the Concept of Public Security in the Russian Federation], *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian Investigator], 2014, no. 6, pp. 40-43. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Rostokinsky A.V., Churilov S.N.** [On new legal “victories” over fascism], *Vestnik MGPU. Seriya Yurid. nauki* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Legal series. Sciences], 2012. no. 2(10), pp. 70-75. (In Russ., abstract in Eng.)
7. **Available at:** https://rostov.aif.ru/society/details/svastiku_zatyorli_kak_kazaki_vermahta_popali_na_reklamu_v_novochoerkasske (accessed 25 March 2024).

About the Forecasts and Results of Our Legal “Victories” over Fascism-2 or Why all this was Started?

A. V. Rostokinskiy, *Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Head of Department of Criminal Law Disciplines,
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia;
arostokinskiy@yandex.ru*

S. V. Danelyan, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines,
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia;
DanelyanSV@mgu.ru*

This article analyzes the problems of the practice of applying the new version of Article 20.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The author reveals the direct connection between the use of legally vague formulations and internally contradictory constructions by the legislator with the collapse of the practice of bringing to responsibility and punishing citizens and legal entities for propaganda and public demonstration of Nazi attributes and symbols, the application of the law in obvious contradiction with the previously stated goals of its adoption. Using concrete examples, the necessity of changing the current version of the norms under consideration is justified and their possible variants are determined.

Keywords: administrative responsibility; Nazi symbols; propaganda; reverse force; objective imputation; public demonstration.

© А. В. Ростокинский, 2024

© С. В. Данелян, 2024

Статья поступила в редакцию 15.01.2024

При цитировании использовать:

Ростокинский А. В., Данелян С. В. О прогнозах и результатах наших юридических «побед» над фашизмом-2 или зачем все это затевалось? // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 57 – 64. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.057-064

Рассмотрены проблемные вопросы дифференциации уголовной ответственности за совершение экологических преступлений. Отмечено, что дифференциация уголовной ответственности является методом уголовной политики, тесно связанным с криминализацией и пенализацией. Предложено систематизировать квалифицирующие признаки экологических преступлений по группам, характеризующим: а) предмет преступления; б) потерпевшего; в) общественно опасное деяние; г) общественно опасные последствия; д) место, время, способ, орудия, средства или обстановку совершения преступления; е) лицо, совершившее преступление; ж) субъективную сторону. Сделан вывод о том, что под дифференциацией уголовной ответственности за совершение экологических преступлений следует понимать разграничение режима правового регулирования уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, а также типовой общественной опасности личности совершившего преступление, проводимой с учетом принципов уголовного права, функций уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: экологическое преступление; дифференциация уголовной ответственности; принципы уголовного права; общественная опасность; квалифицированные составы; квалифицирующие обстоятельства.

Наталья Ивановна Кузнецова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного права,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»,
Санкт-Петербург, Россия;
natasha40480@mail.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение

В науке уголовного права на сегодняшний день выработана целая палитра определений дифференциации уголовной ответственности [19]. Она меняется в зависимости от содержания, предлагаемых критерий и признаков.

Так, Ф. И. Санжаров придерживается мнения о том, что дифференциация уголовной ответственности – это установление различного режима правового регулирования уголовной ответственности в зависимости от ряда факторов [22, с. 83]. Костарева Т. А. определяет дифференциацию уголовной ответственности как ее градацию в уголовном законе самим законодателем, в результате которой им устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общест-

венной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности совершившего преступление [9, с. 7]. Профессор Л. Л. Кругликов полагает, что «дифференциация выступает инструментом деятельности законодателя и принципом поведения последнего. В соответствии с данным принципом законодатель, криминализируя деяние и дозируя ответственность за него, обязан решить комплекс проблем, касающихся диспозиций и санкций соответствующих уголовно-правовых норм» [10, с. 12].

Кроме того, одни ученые называют дифференциацию принципом уголовно-правовой политики [8, с. 42–43]. Другие относят ее к одному из направлений российской уголовной политики [4, с. 11].

Основным средством дифференциации уголовной ответственности Особенной части УК РФ являются квалифицирующие признаки. Так, в статьях главы 26 УК РФ «Экологические преступления» предусматриваются различные квалифицирующие признаки. Вместе с тем ст.ст. 246, 257, 259, 262 УК РФ не содержат квалифицированных составов.

Обсуждение и результаты

Мы придерживаемся самого широкого понимания дифференциации уголовной ответственности и полагаем, что она относится к методам уголовной политики, которые тесно связаны с криминализацией и пенализацией, поскольку касаются уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера [18, с. 186, 189].

Профессор Л. Л. Кругликов утверждает, что критерием дифференциации уголовной ответственности служит не только типовая степень, но и характер общественной опасности деяний, определяемый законодателем [10]. Подобная точка зрения является преобладающей. Однако мы придерживаемся точки зрения, согласно которой на дифференциацию уголовной ответственности, кроме общественной опасности, влияет и типовая оценка личности виновного. В этой части мы солидарны с Р. А. Забавко и Е. В. Роговой, которые предлагают под дифференциацией уголовной ответственности за экологические преступления понимать разделение мер уголовно-правового характера, предусмотренных за совершение деяния, содержащего все признаки состава экологического преступления, на основании *характера и степени общественной опасности и личности виновного* (курсив – Н.К), осуществляемое в целях выработки и реализации эффективных механизмов привлечения к ответственности виновных в совершении экологических преступлений [6, с. 19].

Однако, на наш взгляд, можно согласиться не со всеми признаками данного определения. В частности, вызывает возражение обозначенная авторами цель дифференциации. Если не вдаваться в дискуссию по поводу необходимости применения слова «функция» вместо слова «цель», то следует подчеркнуть, что целью дифференциации является не «...выработка и реализация эффективных механизмов привлечения к ответственности виновных...», а реализация принципов уголовного права, в первую очередь принципа справедливости, предусмотренного в ст. 6 УК РФ. В этой связи совсем не случайно то, что Т. А. Лесниевски-Костарева в своей фундаментальной работе приходит к выводу о необходимости отнесения

дифференциации уголовной ответственности к числу принципов уголовного права и возможности его регламентирования в рамках именно принципа справедливости [18, с. 98]. Таким образом, дифференциацию уголовной ответственности необходимо проводить с учетом принципов уголовного права, функций уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

В основе дифференциации уголовной ответственности лежит характер общественной опасности, который позволяет «выстроить» структуру Особенной части УК РФ, а также степень общественной опасности, которая дает возможность сформулировать основные, квалифицированные и привилегированные составы [13, с. 7].

Итак, характер общественной опасности учитывается при включении тех или иных деяний в определенные разделы и главы. В свою очередь, степень общественной опасности позволяет относить деяние к основному, квалифицированному или привилегированному составу.

В настоящее время глава об экологических преступлениях расположена в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Из этого следует, что родовым объектом рассматриваемой группы преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок. На уязвимость подобного подхода не раз обращалось внимание в юридической литературе [3, с. 9–10; 17, с. 7–8;].

В своем исследовании А. Ю. Боковня, говоря о дифференциации уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, приходит к выводу о том, что составы рассматриваемых преступлений следует выделить в самостоятельный раздел Особенной части УК РФ и расположить его после раздела VIII с новым наименованием «Преступления против окружающей среды» или же отразить их в наименовании раздела IX УК РФ [2, с. 7]. Считаю необходимым возразить на данную точку зрения. Приведем свои аргументы. *Во-первых*, если раздел об экологических преступлениях расположить после раздела «Преступления в сфере экономики», то отношение к экологическим преступлениям останется прежним, как к второстепенным по отношению к экономическим интересам, что вряд ли можно признать оправданным. *Во-вторых*, между формированием отдельного раздела и употреблением словосочетания «окружающая среда» в наименовании раздела «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» существует принципиальная разница. Поскольку общепризнано, что родовый объект – это совокупность однородных по своей сути общественных отношений, которые по этому признаку сгруппированы в одном разделе УК РФ [1, с. 143]. В этой связи автору необходимо четко сформулировать свою позицию.

Профессор Э. Н. Жевлаков в своей докторской диссертации совершенно справедливо отметил то, что экологические преступления надо рассматривать как деяния, посягающие на биологическую основу существования человека, его жизни и здоровья, хозяйственной и иной деятельности. Экологические преступления следует рассматривать как преступления, против человека через природу, посредством воздействия на нее [5, с. 12–13].

Это обстоятельство свидетельствует о том, что окружающую среду на уровне уголовного законодательства необходимо признать основой жизни всего человечества, а экологические преступления следует выделить в самостоятельный раздел и расположить его после раздела «Преступления против личности». Подобное решение будет способствовать правильному пониманию объекта уголовно-правовой охраны [16, с. 58 – 73], обозначит приоритет экологических интересов над экономическими.

Отметим, что некоторыми учеными предлагается введение в уголовное законодательство привилегированных составов экологических преступлений. Так, Р. А. Забавко считает необходимым включить в УК РФ ст. 256¹ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, совершенная представителями коренных народов» и ст. 258² «Незаконная добыча диких животных, совершенная представителями коренных народов», которые будут являться привилегированными по отношению к ст.ст. 256 и 258 УК РФ. На наш взгляд, такое предложение не является однозначным. Дело в том, что деяния, предусмотренные ст. ст. 256 и 258 УК РФ, относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести, влекущим незначительные санкции [15]. В этой связи установление пониженных санкций применительно к деяниям, совершенным представителями коренных народов, будет существенно снижать эффект уголовно-правового воздействия, тем самым подрывая основы уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности.

В научной литературе предлагаются различные подходы к классификации квалифицирующих признаков [11, 14]. Нам импонирует подход, предложенный О. Г. Соловьевым и Р. Ю. Смирновым [23, с. 82 – 103]. Они разделяют квалифицирующие признаки по отношению к объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне. В настоящей работе мы взяли данный подход за основу и попытались конкретизировать и адаптировать его к рассматриваемым преступлениям.

Так, проведенный анализ экологических преступлений позволяет систематизировать квалифицирующие признаки рассматриваемых преступлений по следующим группам:

1. Признаки, характеризующие предмет преступления. Например, в ч. 2 ст. 247 УК РФ имеется указание «массовую гибель животных». В ч. 2 ст. 252 УК РФ предусмотрена ответственность за вред «водным биологическим ресурсам, окружающей среде, зонам отдыха».

2. Признаки, характеризующие потерпевшего. Например, указание на вред здоровью человека (ч. 2 ст. 252 УК РФ), смерть человека (ч. 3 ст. 254 УК РФ), массовое заболевание людей (ч. 3 ст. 247 УК РФ).

3. Признаки, характеризующие общественно опасное деяние. Например, «Исследование, поиск, разведка, а также разработка, в том числе добыча (вылов)» (ч. 2 ст. 253 УК РФ) или деяние «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)» (ч. 2 ст. 258¹ УК РФ). В части 2 ст. 260¹ УК РФ установлена ответственность за незаконные приобретение или продажу особо ценных растений и грибов.

4. Признаки, характеризующие общественно опасные последствия. Например, причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных, закрепленные в ч. 2 ст. 250 УК РФ, крупный ущерб в ч. 4 ст. 261 УК РФ.

5. Признаки, характеризующие место, время, способ, орудия, средства или обстановку совершения преступления. Например, совершение преступления в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, совершенные путем поджога, иным общеопасным способом (ч. 2. ст. 261 УК РФ).

6. Признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление. Это лицо, совершившее экологическое преступление с использованием своего служебного положения, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа (например, ч. 3 ст. 256 УК РФ).

7. Признаки, характеризующие субъективную сторону. Это указание на неосторожную форму вины (например, ч. 2 ст. 252 УК РФ). Здесь нужно отметить такое деяние, как уничтожение или повреждения лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности (ст. 261 УК РФ).

Проведенное исследование квалифицирующих обстоятельств показывает отсутствие какой-либо логики в построении основных и квалифицированных составов экологических преступлений. Зачастую в гл. 26 УК РФ нарушается базовый принцип при конструировании однородных преступлений. В этой связи прав профессор А. В. Наумов, указывающий на то, что любую норму надо конструировать во взаимосвязи с общим контекстом кодекса, с учетом всех его норм [21, с. 137].

Заметим, что дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления в России исторически связана с вопросами права собственности на природные ресурсы. Долгое время эти ресурсы признавались имуществом, их изъятие и обращение в свою пользу или в пользу других лиц приравнялось к хищениям [7, с. 111]. Санкции за совершение этих преступлений были одинаковыми. В последующем санкций за экологические преступления были снижены, что негативным образом сказалось на эффективности охраны природных ресурсов.

Полагаем, что все квалифицирующие обстоятельства должны быть криминологически обоснованными. Профессор Л. Л. Кругликов утверждает, что четкие представления о квалифицирующих составах сказываются на качестве закона [12, с. 43]. С этим мы полностью согласны. Именно криминологическая характеристика преступления должна лежать в основе конструирования состава преступления.

В науке неоднократно предпринимались попытки выработки методики назначения наказания при оценке личности. Так, профессор С. Ф. Милуков предлагал закрепить в тексте уголовного закона обстоятельства, характеризующие личность, которыми следует руководствоваться при назначении наказания, а именно: отношение виновного к труду, обучению, общественному долгу, поведение на производстве и в быту, трудоспособность, состояние здоровья, семейное и имущественное положение, сведе-

ния о судимости и совершении иных правонарушений [20, с. 18]. Полагая, что, кроме указанного, рассматривая обстоятельства, характеризующие личность экологического преступника, следует учитывать, прежде всего, его антиэкологические личностные ориентиры и установки.

Заключение

Рассмотрев признаки дифференциации уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, пришли к выводу о том, что это разграничение режима правового регулирования уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, а также типовой общественной опасности личности, совершившей преступление, проводимое с учетом принципов уголовного права, функций уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

Квалифицирующие признаки экологических преступлений можно систематизировать по таким группам, как признаки, характеризующие: предмет преступления; потерпевшего; общественно опасное деяние; общественно опасные последствия; место, время, способ, орудия, средства или обстановку совершения преступления; лицо, совершившее преступление; субъективную сторону.

Список литературы

1. **Базаров П. Р.** Спорные вопросы в определении родового объекта незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2. С. 142 – 146.
2. **Боковня А. Ю.** Ответственность за загрязнение объектов окружающей среды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2016. 27 с.
3. **Браташова Н. И.** Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере охраны животного мира: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2011. 254 с.
4. **Верина Г. В.** Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 336 с.
5. **Жевлаков Э. Н.** Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 1991. 54 с.
6. **Забавко Р. А., Рогова Е. В.** Дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления: монография. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 119 с.
7. **Забавко Р. А.** Дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления: исторический аспект // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 1(76). С. 105 – 112.
8. **Коробеев А. И.** Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 347 с.
9. **Костарева Т. А.** Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 1999. 493 с.
10. **Кругликов Л. Л.** Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 8 – 13.

11. **Кругликов Л. Л., Савинов В. Н.** Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений: учеб. пособие. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1989. 88 с.
12. **Кругликов Л. Л.** О конструировании квалифицированных составов преступлений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 2. С. 43 – 49.
13. **Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф.** Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1(21). С. 4 – 8.
14. **Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г.** Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: (Вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности) / под ред. проф. Л. Л. Кругликова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2003. 224 с.
15. **Кузнецова Н. И., Милюков С. Ф.** Уголовно-правовая политика в сфере экологии: современные тенденции // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42, № 2. С. 140 – 152.
16. **Кузнецова Н. И., Шкеле М. В.** Экологические преступления: теория и практика правоприменения: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2020. 172 с.
17. **Лавыгина И. В.** Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблема ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2002. 20 с.
18. **Лесниевски-Костарева Т. А.** Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2000. 400 с.
19. **Лопашенко Н. А.** Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 597 с.
20. **Милюков С. Ф.** Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1980. 20 с.
21. **Наумов А. В.** Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 134 – 138.
22. **Санжаров Ф. И.** Соотношение дифференциации уголовной ответственности с иными методами уголовной политики // Academy. 2018. Т. 2, № 6(33). С. 82 – 84.
23. **Соловьев О. Г., Смирнов Р. Ю.** Особенности использования средств дифференциации ответственности в конструкциях норм о преступлениях, посягающих на здоровье человека (ст. 111-125 УК РФ): учеб. пособие. Рязань: Концепция, 2016. 124 с.

References

1. **Bazarov P.R.** [Controversial issues in determining the generic object of illegal extraction and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources], *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti* [Problems of law enforcement], 2016, no. 2, pp. 142-146. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Bokovnya A.Yu.** *Extended abstract of candidate's of legal thesis*, Kazan, 2016, 27 p. (In Russ.)
3. **Bratashova N.I.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Saratov, 2011, 254 p. (In Russ.)
4. **Verina G.V.; Razgildiyev B.T. (Ed.).** *Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti: problemy teorii i praktiki* [Differentiation of criminal liability for crimes against property: problems of theory and practice], Saratov: Izdatel'stvo Sarat. universiteta, 2003, 336 p. (In Russ.)

5. **Zhevlakov E.N.** *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis*, Moscow, 1991, 54 p. (In Russ.)
6. **Zabavko R.A., Rogova E.V.** *Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti za ekologicheskiye prestupleniya: monografiya* [Differentiation of criminal liability for environmental crimes: monograph], Irkutsk: VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, 119 p. (In Russ.)
7. **Zabavko R.A.** [Differentiation of criminal liability for environmental crimes: historical aspect], *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 1(76), pp. 105-112. (In Russ., abstract in Eng.)
8. **Korobeev A.I.** *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya* [Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph], Moscow: Yurlitinform, 2019, 347 p. (In Russ.)
9. **Kostareva T.A.** *PhD of Doctor's thesis (Law)*, Moscow, 1999, 493 p. (In Russ.)
10. **Kruglikov L.L.** [Differentiation of criminal liability: correlation with related concepts], *Pravovaya paradigma* [Legal paradigm], 2017, vol. 16, no. 3, pp. 8-13 (In Russ., abstract in Eng.)
11. **Kruglikov L.L., Savinov V.N.** *Kvalifitsiruyushchiye obstoitel'stva: ponyatiye, vidy, vliyaniye na kvalifikatsiyu prestupleniy: ucheb. posobiye* [Qualifying circumstances: the concept, types, and impact on the qualification of crimes. Textbook], Yaroslavl: Publishing House of the Yaroslavl University, 1989, 88 p. (In Russ.)
12. **Kruglikov L.L.** [On the construction of qualified elements of crimes], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 1989, no. 2, pp. 43-49. (In Russ., abstract in Eng.)
13. **Kruglikov L.L., Lapshin V.F.** [Features of the legal content of the grounds for differentiation of criminal liability], *Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2013, no. 1(21), pp. 4-8. (In Russ., abstract in Eng.)
14. **Kruglikov L.L., Solovyov O.G.** *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti i nalogooblazheniya: (Voprosy konstruirovaniya sostavov i differentsiatsii otvetstvennosti)* [Crimes in the field of economic activity and taxation: (Issues of composition design and differentiation of responsibility)], Yaroslavl: Izdatel'stvo Yarosl. universiteta, 2003, 224 p. (In Russ.)
15. **Kuznetsova N.I., Milyukov S.F.** [Criminal law policy in the field of ecology: modern trends], *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Dagestan State University], 2022, vol. 42, no. 2, pp. 140-152. (In Russ., abstract in Eng.)
16. **Kuznetsova N.I., Shkele M.V.** *Ekologicheskiye prestupleniya: teoriya i praktika pravoprimeneniya: monografiya* [Environmental crimes: theory and practice of law enforcement: monograph], St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, 172 p. (In Russ.)
17. **Lavygina I.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Omsk, 2002, 20 p. (In Russ.)
18. **Lesnievsky-Kostareva T.A.** *Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatelnaya praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and Legislative Practice], Moscow: NORMA Publishing House, 2000, 400 p. (In Russ.)
19. **Lopashenko N.A.** *Ugolovnaya politika* [Criminal policy], Moscow: Wolters Kluwer Russia, 2009, 597 p. (In Russ.)
20. **Milyukov S. F.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Moscow, 1980, 20 p. (In Russ.)

21. **Naumov A.V.** [Criminal statistics: crime and its stability], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2008, no. 4, pp. 134-138. (In Russ., abstract in Eng.)
22. **Sanzharov F.I.** [Correlation of differentiation of criminal liability with other methods of criminal policy], *Academy*, 2018, vol. 2, no. 6(33), pp. 82-84. (In Russ., abstract in Eng.)
23. **Solovyov O.G., Smirnov R.Y.** *Osobennosti ispol'zovaniya sredstv differentsiatsii otvetstvennosti v konstruktivnykh normakh o prestupleniyakh, posyagayushchikh na zdorov'ye cheloveka (st. 111-125 UK RF): ucheb. posobiye* [Features of the use of means of differentiation of responsibility in the constructions of norms on crimes encroaching on human health (Articles 111-125 of the Criminal Code of the Russian Federation): textbook], Ryazan: Concept, 2016, 124 p. (In Russ.)

Differentiation of Criminal Liability for Committing Environmental Crimes

N. I. Kuznetsova, *Cand. Sci. (Law), Assistant Professor
Department of Criminal Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia;
natasha40480@mail.ru*

The article deals with problematic issues of differentiation of criminal liability for environmental crimes. It is noted that the differentiation of criminal liability is a method of criminal policy closely related to criminalization and penalization. The author proposes to systematize the qualifying signs of environmental crimes into such groups as: a) signs characterizing the subject of the crime; b) signs characterizing the victim; c) signs characterizing a socially dangerous act; d) signs characterizing socially dangerous consequences; e) signs characterizing the place, time, method, tools, means or the situation of the commission of a crime; f) signs characterizing the person who committed the crime; g) signs characterizing the subjective side. The paper concludes that the differentiation of criminal liability for environmental crimes should be understood as the differentiation of the regime of legal regulation of criminal liability depending on the nature and degree of public danger of the crime, as well as the typical public danger of the person who committed the crime, carried out taking into account the principles of criminal law, the functions of criminal punishment and other measures of criminal legal impact.

Keywords: environmental crime; differentiation of criminal liability; principles of criminal law; public danger; qualified offenses; qualifying circumstances.

© Н. И. Кузнецова, 2024

Статья поступила в редакцию 03.02.2024

При цитировании использовать:

Кузнецова Н. И. Дифференциация уголовной ответственности за совершение экологических преступлений // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 65 – 73. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.065-073

Данная работа раскрывает такое понятие, как жертва преступления и ее роль в механизме преступного поведения. Жертва – уникальное понятие, которое отражает страдания от действий преступника или же является объектом преступного посягательства. Она может выступать как физической, так и психологической стороной. Понятие жертвы выступает основополагающим элементом в правовой системе в целом, способно внести ясность в понимание последствий преступлений и определить степень его воздействия на общественные отношения. Механизм преступного поведения отражает не только сам факт совершения преступного деяния, но и множество этапов, которые имеют связь с жертвой. Поведение жертвы преступления всегда различно и непредсказуемо, на это может повлиять такие чувства, как страх, беспомощность, ощущение незащитности. Но в конечном итоге, возникает потребность в возмещении ущерба и восстановлении справедливости.

Ключевые слова: жертва; преступление; преступное посягательство; преступное поведение; преступник; виктимология; виктимизация.

Эдуард Николаевич Лыков, канд. филос. наук, доцент,
кафедра юридических дисциплин,
филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет» в г. Домодедово Московской области,
Домодедово, Россия;
likedik@mail.ru

Алексей Иванович Бельский, канд. юрид. наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина», Белгород, Россия;
sembel77@yandex.ru

ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕЕ РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Введение

Понятие жертвы преступления всегда выступало объектом для изучения. Виктимология как наука берет за основу изучение личности, ставшей жертвой преступных посягательств. Само определение «виктимология» берет свое начало от слова *victima* с латинского языка дословно переводится как «жертва» [4, с. 27; 6].

С точки зрения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в ст. 42 такое понятие как «потерпевший» трактуется как физическое лицо, которому при совершении преступления был причинен какой-либо вред. В случае если дело касается юридического лица, то учитывается еще и его репутация. Законодательная формулировка понятия жертвы преступления имеет ряд отличий от научного подхода виктимологии.

Сама наука виктимология развивается параллельно нынешнему законодательству, выступает элементом развития криминологии. Свое развитие она получает благодаря взаимосвязи между лицом, которое совершает преступление, и лицом, на которое направлено преступное посягательство. Важной частью изучения является наблюдение и изучение поведения преступника, так как именно он предпринимает активные меры для совершения уголовно наказуемого деяния.

В своих научных трудах Г. Гентиг обращал внимание именно на лица, которые страдали от преступных посягательств. Свое мнение он подчеркивал опорой на схему раскрытия преступления «от события к лицу». Обычно, преступник, совершив уголовно наказуемое деяние, предпринимает попытки сокрыть содеянное, а при допросах отрицает вину. И здесь важную роль при восстановлении объективной картины произошедшего играет жертва [3].

Обсуждение

Для того чтобы проследить связь между жертвой и преступником, необходимо выявить факторы преступности и факторы виктимности. Связь между ними зачастую помогает сотрудникам правоохранительных органов установить личность преступника. Исходя из этого, учеными, научными деятелями и исследователями разрабатываются новые подходы к выявлению причин и условий совершения преступлений. Это необходимо для эффективной профилактики предупреждения совершения новых посягательств, то есть сведение преступности к минимуму. Виктимология изучает предрасположенность человека стать объектом преступного посягательства. Независимо от территориального расположения и личностных качеств человека для всех существует риск оказаться жертвой злоумышленников, однако существуют группы людей, которые чаще других страдают от последствий преступления.

Существуют несколько видов виктимности:

1. *Индивидуальная* – представляет собой набор внутриличностных качеств, таких как легкомыслие, несдержанность, агрессивность и тому подобные. В зависимости от правомерного или асоциального образа жизни могут преобладать те или иные качества человека.

2. *Профессиональная* – основанная на социальной роли, выполняемых задачах на занимаемой должности. Существует множество различных профессий, и, занимая определенную должность, в разной степени можно подвергнуться преступным посягательствам. Например, продавец розничной продукции может столкнуться с кражей, а водитель – с угоном автомобиля.

3. *Ситуативная* – возникающая независимо от профессии или образа жизни. Стечение обстоятельств способно провоцировать преступное посягательство и дать возможность злоумышленнику воспользоваться случаем. Отсутствие свидетелей, слепые зоны камер могут спровоцировать кражи, угоны или насильственные действия [2, с. 40].

Вышеуказанные виды виктимности существуют как самостоятельно, так и в зависимости от стечения обстоятельств могут дополнять друг друга в той или иной мере.

Характер совершения преступлений, а также то, на что направлено само преступное посягательство можно классифицировать на несколько групп:

1) *корыстные* – преступником движут материальные ценности, а точнее получение их незаконным путем. Примером для наглядности служат часто встречающиеся воры – карманники, которые без причинения какого-либо физического вреда человеку, без его ведома завладевают его имуществом, при этом остаются незамеченными. Практически всегда такие лица совершают кражи неоднократно. У них разработаны определенная стратегия, манеры поведения, элементарная маскировка. Их облик довольно неприметен, поведение в обществе соответствует общепринятым нормам и правилам. Человек вежлив, не агрессивен, спокоен;

2) *насильственные* – зеркальное отражение вышеуказанному подтипу. Открытые грабежи зачастую с применением физического насилия. Агрессивное поведение в обществе, общий устрашающий вид, открытые угрозы, неповиновение сотрудникам правоохранительных органов. Именно таким поведением характеризуются преступники, деяния которых были пресечены. Главным отличием от корыстных преступников является масштаб и общественная опасность совершенных деяний. Насильственные преступники совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, оказывают сопротивление сотрудникам полиции при задержании, ведут асоциальный образ жизни, склонны к рецидиву. Однако таких преступников можно узнать по внешнему виду, ведь они редко скрывают свои намерения. Данный факт может стать спасением для потенциальной жертвы преступления. Если вовремя попросить помощи, обратить на себя внимание, то можно снизить шансы стать объектом преступного посягательства;

3) *корыстно-насильственные* – отражает смешанный тип личности преступника. Не попасть под влияние таковой преступной группы для жертвы является самым сложным. Ничем не приметный человек таит в себе мысли о совершении преступного деяния, его не выдадут никакие внешние факторы, особенности поведения. Зачастую такие преступники действуют «исподтишка». Если вышеперечисленные группы в большинстве случаев пользуются ситуацией, то данный тип подготавливает, приискивает средства и способы совершения преступления. Кроме того, для доведения до конца своих преступных намерений он готов на более тяжкие последствия, если того потребует ситуация.

Стоит подчеркнуть тот факт, что даже если нам известны все типы личности преступника, особенности виктимного поведения жертвы, мы не сможем заранее предугадать и пресечь преступную ситуацию. Изучение человеческой психики, особенностей мышления, предрасположенности к совершению того или иного преступления не позволит нам со сто процентной гарантией их пресекать. Истинные намерения человека скрыты, его внешний вид и поведение могут быть обманчивы. Поэтому заранее вешать ярлыки будет не справедливым, неправильным. И мы не добьемся объективно продуктивной работы над противостоянием преступности.

Кроме того, виктимность может различаться по преступному поведению жертвы:

– виновная – провокационные действия со стороны жертвы, подстрекательства, а также легкомыслие и рассеянность значительно облегчают преступнику задачу. Данное поведение может повлиять на квалификацию преступления;

– невиновная – в том случае, если потерпевший своим поведением умышленно не создавал условий для совершения в отношении него преступных посягательств, но по независящим от него обстоятельствам находился в беспомощном состоянии (бессознательное состояние, алкогольное опьянение) [4].

Существует понятие «коэффициент виктимизации», которое отражает степень риска в случае, когда определенное лицо является частью какой-либо социальной группы. Систематическое воспроизведение виктимной ситуации в единичном и массовых случаях послужило основой введения данного понятия. Для изучения выделяется процесс превращения лица или группы лиц в жертву преступлений. Коэффициент рассчитывается исходя из определенного вида преступных посягательств. Процесс оценивания осуществляется из соотношения количества совершенных деяний за определенный промежуток времени.

Коэффициент виктимизации позволяет наглядно отразить ситуацию с латентной преступностью. Далеко не каждая жертва предаст огласке факт совершения в отношении нее преступления и требует справедливости со стороны закона. Такое поведение играет отрицательную роль в предупреждении преступности, проведении профилактических мер, тормозит работу правоохранительных органов и снижает ее эффективность. Кроме того, латентность способствует многократному совершению подобного рода преступлений.

Для повышения эффективности противодействия на территории Российской Федерации используется программа, направленная на минимизацию возможности человека стать жертвой преступлений. Она состоит из комплекса мер, таких как:

- контроль миграционного потока граждан;
- контроль хранения, приобретения и использования различного вида оружия;
- борьба с терроризмом;
- обмен опытом на территории страны и использование зарубежной практики, комплексный анализ проведенной работы;
- жесткий контроль за деятельностью религиозных организаций, для исключений случаев вербовки населения;
- более расширенная осведомленность граждан о возможных случаях террористических актов, а также поощрения в содействии государственным органам в предотвращении готовящихся террористических актов [5].

Подробное изучение сотрудниками правоохранительных органов понятия жертвы, ее роль и место в механизме преступного поведения позволит более точно выбрать тактику предотвращения преступности, а также довести до совершенства некоторые аспекты в работе правоохранительной системы. Первоочередной и очень важной задачей стоит получение доверия населения, а не сокрытие фактов совершения преступления. Профи-

лактическое информирование, регулярные, актуальные беседы сотрут границы между гражданами и правоохранительными органами и позволят работать сообща на благо общества [1, с. 271].

Заключение

Необходимо подчеркнуть, что изучение роли жертвы в механизме преступного поведения – сложная и многогранная задача, которая требует совершенствования. В процессе изучения обращено особое внимание на группы риска и отдельных лиц, обладающих повышенной виктимностью. Главная задача состоит в активизации защитных свойств и формировании должного поведения граждан. Профилактика виктимологического поведения производится на основе уже имеющихся комплексных мер, которые не перестают совершенствоваться по сей день.

Следует сделать вывод о том, что при предупреждении запрещенного уголовным законом деяния стоит обращать внимание на факторы, порождающие преступность, но и не обделять вниманием такое понятие, как виктимность. Эти две составляющие не могут существовать отдельно друг от друга. Поиск новых решений по совершенствованию подходов к изучению роли жертвы в механизме преступного поведения должен не терять своей значимости, а привлекать еще большее внимание научных деятелей и практиков.

На мой взгляд, следует внедрить ряд новшеств, таких как:

- более узконаправленную профилактику, которая представляет собой информирование граждан в зависимости от их социального статуса и роли, занимаемой должности, принадлежности к той или иной социальной группе;
- со стороны правоохранительных органов гарантировать защиту потерпевшего от давления преступника на всех этапах следствия. Уберечь жертву от запугивания, шантажа и угроз со стороны преступника, установив санкцию за такого рода давления;
- предусмотреть программу адаптации лиц, повторно ставших жертвами преступных посягательств;
- разработать на государственном уровне программу антипреступного поведения мигрантов. Детально информировать данную группу лиц о нормах действующего уголовного и административного законодательства;
- повысить информационно-техническую базу кадров, занимающихся профилактикой предупреждения преступности, тем самым повысить вовлеченность в данную проблему.

Таким образом, в завершение следует отметить, что всестороннее изучение жертвы преступления и ее места в механизме преступного поведения играет основополагающую роль в профилактике и предотвращении преступности. Важнейшей задачей науки виктимология является помощь правоохранительным органам в осуществлении эффективной борьбы с преступностью. Действуя принципам взаимопомощи, открытости, гласности, можно значительно повысить раскрываемость преступлений. Важно помнить о том, что преступность остается на шаг впереди, и только совершенствуя механизм раскрытия преступлений, мы увидим снижение количества их жертв.

Список литературы

1. **Антонян Ю. М.** Криминология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 388 с.
2. **Варыгин А. Н., Громов В. Г., Шляпникова О. В.** Криминология и предупреждение преступлений: учеб. пособие для среднего профессионального образования / под ред. А. Н. Варыгина. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 165 с.
3. **Андронникова О. О.** Виктимология и ее основные категории и понятия в отечественной и зарубежной литературе. – Текст: электронный. URL: https://studwood.net/1502808/pravo/viktimologiya_osnovnye_kategorii_ponyatiya_otchestvennoy_zarubezhnoy_nauke (дата обращения: 21.12.2023).
4. **Криминология** и предупреждение преступлений: учебник для среднего профессионального образования / В. И. Авдийский [и др.]; под ред. В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 301 с.
5. **Об утверждении** государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 345 (ред. от 16.01.2023) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2188.
6. **Собольников В. В.** Противодействие и профилактика миграционной преступности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 420 с.

References

1. **Antonyan Yu.M.** *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov* [Criminology: a textbook for universities], Moscow: Yurayt, 2023, 388 p. (In Russ.)
2. **Varygin A.N. (Ed.), Gromov V.G., Shlyapnikova O.V.** *Kriminologiya i preduprezhdeniye prestupleniy: ucheb. posobiye dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [Criminology and crime prevention: textbook. manual for secondary vocational education], Moscow: Yurayt, 2023, 165 p. (In Russ.)
3. **available at:** https://studwood.net/1502808/pravo/viktimologiya_osnovnye_kategorii_ponyatiya_otchestvennoy_zarubezhnoy_nauke (accessed 21 December 2023).
4. **Avdiyskiy V.I. [et al.]; Avdiyskiy V.I., Bukaleroval L.A. (Eds.)** *Kriminologiya i preduprezhdeniye prestupleniy: uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [Criminology and crime prevention: a textbook for secondary vocational education], Moscow: Yurayt, 2023, 301 p. (In Russ.)
5. **[On approval of** the state program of the Russian Federation “Ensuring public order and combating crime”: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014 No. 345 (as amended on January 16, 2023)], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation Russian Federation], 2014, no. 18 (part IV), Art. 2188. (In Russ.)
6. **Sobol'nikov V.V.** *Protivodeystviye i profilaktika migratsionnoy prestupnosti: ucheb. posobiye* [Counteraction and prevention of migration crime: textbook. allowance], Moscow: Yurayt, 2023, 420 p. (In Russ.)

Crime Victims and their Role in the Mechanism of Criminal Behavior

E. N. Lykov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor,
Department of Legal Disciplines, Branch of Russian State Humanitarian
University in Domodedovo, Moscow Region, Domodedovo, Russia;
likedik@mail.ru

A. I. Belsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines, Police Colonel,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia;
sembel77@yandex.ru

This paper reveals the concept of a crime victim and its role in the mechanism of criminal behavior. Victim is a unique concept that reflects suffering from the actions of a criminal or is the object of a criminal attack. It can act as both a physical and psychological side. The concept of victim is a fundamental element in the legal system as a whole; it can clarify the understanding of the consequences of crimes and determine the degree of its impact on social relations. The mechanism of criminal behavior reflects not only the fact of committing a criminal act, but also many stages that are connected with the victim. The behavior of a crime victim is always different and unpredictable, and can be influenced by feelings such as fear, helplessness, and a sense of defenselessness. But ultimately, there is a need for reparations and justice.

Keywords: victim; crime; criminal trespass; criminal behavior; criminal; victimology; victimization.

© Э. Н. Лыков, 2024

© А. И. Бельский, 2024

Статья поступила в редакцию 26.12.2023

При цитировании использовать:

Лыков Э. Н., Бельский А. И. Жертва преступления и ее роль в механизме преступного поведения // Право: история и современность. 2024. Т. 8, № 1. С. 74 – 80. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.074-080

Рассмотрены вопросы, связанные с предупреждением преступлений несовершеннолетних. Данная проблематика крайне актуальна по причине особого значения подрастающего поколения для национальной безопасности Российской Федерации. Проанализированы отдельные примеры правоприменительной практики, выявлены причины преступности несовершеннолетних. В результате пришли к выводу о том, что многое в данном вопросе находится в прямой зависимости от непосредственного окружения юного правонарушителя. При этом речь идет не только о конкретной семье и ее ценностях, но и о существенном влиянии улицы.

Сформулированы отдельные предложения по противодействию преступности несовершеннолетних, непосредственно связанные с развитием искусственного интеллекта, который должен упростить и сделать более эффективной работу правоохранительных органов в соответствующем направлении. По мнению автора, только искусственный интеллект за счет своей работоспособности способен демонстрировать развитые навыки из различных профессиональных сфер, что в конечном итоге предопределяет объективную необходимость его дальнейшей разработки и применения в практической деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правоприменительная практика; преступность несовершеннолетних; предупреждение преступности.

Павел Тимурович Савин, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии, капитан юстиции,
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации», Москва, Россия;
paulst50@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Введение

Убийства, иные тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные несовершеннолетними, не могут не вызывать вопросов об их причинах. Государство склонно рассматривать несовершеннолетних как свое будущее, стремиться обеспечить их соответствующими социальными благами, начиная от бесплатного здравоохранения с момента рождения и заканчивая предоставлением возможности получения бесплатного высшего образования по завершении среднего. Когда же молодой человек либо девушка совершают тяжкое, либо особо тяжкое насильственное преступление, то следует заметить, что государство недополучило тот материал, в развитие которого так упорно вкладывало средства. Совершивший преступление несовершеннолетний уже никогда не будет прежним. Отбыв наказание в воспитательной колонии, в мир выйдет иная личность. Важно в этой связи понимать психологию формирующейся личности, в особенности место

будущего в ее идентификационной ориентации [15, с. 290 – 297]. Не менее важно рассматривать и анализировать разнообразные способы предупреждения преступности несовершеннолетних, в особенности, когда речь идет о тяжких и особо тяжких преступных деяниях.

Обсуждение

Представляется, что проще бороться с причиной, нежели с последствиями, часть из которых уже никак не исправить, когда речь идет об отнятой жизни или навсегда загубленном здоровье потерпевшего. Несомненно, что у каждого отдельного преступления будут свои индивидуальные причины, в то же время следует сказать, что зачастую речь идет о том или ином бытовом конфликте. Молодежь в данном вопросе не отличается от совершеннолетних преступников. При этом следует помнить, что подростковая агрессия, зачастую приводящая к конфликту, во многом обусловлена чувством личностных неудач [3, с. 61 – 64].

Пример: А. переехала к своей сводной сестре Б. и ее мужу, пасынок которого В. проживал с ними. Через социальные сети А. познакомилась с молодым человеком Г. Когда он приехал к ней на свидание, то на улице у дома встретился с В. и его другом. В. стал оскорблять Г., бросал в него камни, издевался над его внешностью. Обидевшийся Г. уехал. Тогда А. подошла на кухне к В. для выяснения отношений. Обменявшись оскорблениями с В. и получив от него пощечину, А. схватила кухонный нож и нанесла В. несколько ударов, повлекших тяжкий вред здоровью. Жизнь В. была спасена своевременным вмешательством сводной сестры А., которой удалось ее остановить и успокоить. А. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ [9].

Преступность несовершеннолетних во многом обусловлена развитием общественных отношений и технологическим прогрессом. Именно все ускоряющийся технологический прогресс в определенной мере порождает социальное неравенство [2, с. 34 – 46]. То, что приносит одним семьям благо и пользу, нередко влечет деградацию части населения, которая не может найти себя в новых условиях. Когда молодежь начинает заимствовать у своих родителей исключительно негативные привычки и особенности поведения, тогда проблемы взрослых отражаются на подрастающих поколениях [13, с. 281 – 288]. Под влиянием молодежного максимализма соответствующее «воспитание» и своеобразные «семейные ценности» приобретают гипертрофированные черты, что порождает зачастую трудно объяснимые и чудовищные поступки.

Пример: А. проживал с матерью Б. и ее сожителем В. Старшие подавали негативный пример молодому человеку, постоянно злоупотребляя алкоголем, применяя друг к другу физическое насилие. Все это происходило на глазах А. Он рано пристрастился к алкоголю, привлекался к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ, состоял на учете у инспекторов по делам несовершеннолетних. Вернувшись в один из дней в состоянии алкогольного опьянения, он обнаружил, что мать снова подраласа со своим сожителем. Когда В. увидел А., он стал оскорблять и его. Взяв кухонный нож, А. убил В., после чего испугался содеянного и ушел

из дома. Сотрудники ДПС, увидев перепачканного кровью молодого человека, незамедлительно остановили его и доставили в отдел полиции, где он во всем сознался. А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ [7].

Подобных примеров в правоприменительной практике много. Несовершеннолетние под влиянием асоциальных родителей деградируют. Копируя их поведение, они не в силах остановиться в определенный момент.

Несовершеннолетний А. некоторое время находился в интернате. Когда его отцу Б. удалось вернуть родительские права, он забрал сына домой. Пока родители распивали алкогольные напитки, А. бродил по улице в позднее время в состоянии алкогольного опьянения. За подобное поведение сына его отец был несколько раз привлечен к административной ответственности. В один из дней у себя дома А. употреблял алкогольную продукцию совместно со своей матерью и с местной уборщицей В. В определенный момент В. стала звонить по телефону и сообщать неизвестному абоненту, что к ней применяется физическое насилие, что в квартире А. и его родителей посягают на ее половую свободу. Молодой человек попросил ее прекратить эти необъяснимые звонки. Однако В. продолжала звонить вновь и вновь. А. взял молоток и убил В. Судом он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ [10].

Социальное неблагополучие в семье развивает в человеке корысть и желание обогащения любым способом, даже и противоправным. Все население страны, в том числе люди, не владеющие английским языком, знают такие слова как «кладмен» и «даркнет», «закладки» [1, с. 138 – 145]. Именно развитие телекоммуникационных технологий расширило рекрутинговые возможности наркоторговцев и сделало наркотики более доступными для населения благодаря решению преступниками ряда логистических проблем.

Так, А. нашел работу распространителя наркотических средств в Интернете. Предоставив установленный условиями денежный залог и паспортные данные своим новым «работодателям», А. прошел соответствующее обучение. Лишь выполнив все условия кураторов, он был принят в состав организованной группы. А. нашел по указанным координатам закладку в Ленинградской области, после чего перевез ее в Новгородскую область. Затем, расфасовав наркотические средства, стал размещать их по закладкам на территории Великого Новгорода. Во время данного процесса он был задержан сотрудниками полиции. А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ [11].

В приведенном примере молодой человек выполнял не только функции закладчика, но и межрегионального экспедитора, и даже фасовщика. При этом так называемые кураторы несли меньше риска потери товара, доверяя его одному лицу, а не трем разным. Торговля наркотическими и психотропными веществами не только сокращает жизни у их потребителей, но и сопряжена с риском для жизни тех, кто их сбывает. Лица, которые преступили запреты, предусмотренные одной из глав УК РФ, способны преступить и все остальные.

А. обратился к своему знакомому Б., у которого периодически приобретал наркотические вещества, чтобы тот оказал ему содействие в решении проблемы, связанной с активной деятельностью сотрудников полиции по противодействию торговле наркотическими веществами. В ходе встречи в рамках предварительной договоренности А. и Б. обменялись футболками. Последний также передал А. нож и два пневматических пистолета. Когда Б. услышал про проблемы А. с полицией, то сообщил своему «товарищу», что помогать не станет и при необходимости сам же его и выдаст. В ходе возникшего конфликта, А. преследовал Б., пытавшегося убежать от него по железнодорожным путям. Догнав Б., А. снова попросил ему помочь, но, получив твердый отказ, убил Б., используя нож и пневматические пистолеты, которые потерпевший сам принес на встречу и передал своему будущему убийце. Затем А. подошел к случайному прохожему В., сказав, что только что убил наркоторговца и попросил вызвать полицию. Судом А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ [8].

При этом не всегда воспитанием ребенка занимаются родители. Некоторые из них полагают, что маленького Маугли могут вполне воспитать джунгли, также как это имело место в книгах Р. Киплинга [14, с. 745 – 747]. Так, в некоторых случаях даже дети из достаточно образованных и обеспеченных семей предоставлены «уличному воспитанию». Но вместо добрых, отзывчивых и сказочных зверей, с которыми общался Маугли, российскую молодежь зачастую поджидает совершенно иное зверье. Так движение АУЕ (арестантский уклад един) активно вербует несовершеннолетних в свои ряды. В то время как некоторые убеждены, что молодых людей влечет так называемая «блатная» романтика, следует сказать, что скорее речь идет об исключительно организационно-коммуникативных причинах [4, с. 64 – 70], так как участие в той или иной организации позволяет так или иначе почувствовать собственную значимость, поддержку соучастников, перспективы своеобразного карьерного роста. Внушаемость формирующейся личности под влиянием авторитета «улицы» заведомо ведет к межличностным конфликтам [6, с. 69 – 79].

Для формирования преступной кассы А., как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, назначило Б. «смотрящим» за несколькими деревнями и поселками. Тот в свою очередь нашел В. и утвердил его «смотрящим за молодежью» на своей территории. В свою очередь Б. и В. совместно вовлекли в преступную деятельность представителя местной молодежи Г. Втроем они занялись вымогательством, собирая под угрозами применения насилия продукты питания либо денежные средства для их покупки, в целях дальнейшей пересылки чая, печенья, сигарет в места лишения свободы. Поводами для различных преступных эпизодов служили обвинения, выдвигаемые по отношению к потерпевшим: одному виновные вменили в вину торговлю наркотическими веществами, второму – избиение ребенка, третьему – опасное вождение автомобиля. Виновные вымогали либо деньги тысячами рублей, либо чай килограммами. Так, Г. стал соисполнителем сразу трех преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ [12].

Приведенные примеры правоприменительной практики наглядно иллюстрируют многообразие факторов, побуждающих российскую молодежь совершать преступные действия. Сама проблема предупреждения преступности несовершеннолетних носит комплексный характер. Сотрудники правоохранительных органов – не психологи, которые могут разрешать семейные проблемы, не педагоги, способные перевоспитать молодого правонарушителя, и не сотрудники социальной сферы, помогающие государству донести меры поддержки до самых бедных слоев населения. Однако как лица, являющиеся носителями юридической логики, правоохранители способны предвидеть как будущее той или иной неблагополучной семьи, так и будущее растущих в ней детей. Распространение идей движения АУЕ и иных асоциальных идеологий среди молодежи не менее очевидно для внимательного наблюдателя, который по долгу службы постоянно общается с самыми разными людьми. Также как медицинские работники способны прогнозировать развитие патологических заболеваний и предоставить соответствующие рецептурные рекомендации, правоохранители как своеобразные врачи человеческих «сознания» и «воли» предвидят преступный потенциал среди представителей подрастающего поколения. И главной проблемой по противодействию преступности среди несовершеннолетних является проблема организационного взаимодействия и выработка короткого, но эффективного алгоритма действий, не усложненного бумажной бюрократической перепиской.

Представители преступного мира научились эффективно применять цифровые технологии. Кураторам даркнета даже не надо вставать с дивана, чтобы решать логистические проблемы распространения запрещенных веществ, так как все можно делать дистанционно, оставляя итоговую черновую работу одному ответственному исполнителю. У них нет необходимости вести по данному вопросу бумажный документооборот.

Представляется, что необходимо разработать отдельную интерактивную платформу для ограниченного круга пользователей, посвященную противодействию преступности несовершеннолетних. Сотрудник правоохранительных органов, выявивший проблемного несовершеннолетнего и подозревающий наличие у него тех или иных социально-личностных проблем, должен иметь возможность: ввести его фамилию, имя и отчество в систему поиска; указать в специальном каталоге проблем все свои подозрения.

Далее программа, имеющая доступ к portalу государственных услуг Российской Федерации, должна проверить всю цепочку данных о несовершеннолетнем, в том числе изучив его активность в социальных сетях. Программа должна уметь анализировать фотографии в аккаунтах на предмет принадлежности к различным субкультурам, выявлять психологические особенности, такие как, например, склонность к насилию, суицидальные наклонности. Также программа должна анализировать цепочку данных о законных представителях, братьях и сестрах несовершеннолетнего и о лицах, зарегистрированных по тому же адресу что и он, но формально никем несовершеннолетнему не являющимися. Так, программа должна подтвердить или опровергнуть подозрения сотрудника правоохранительного органа, сопоставив его подозрения и собранную информацию.

Помимо указанного функционала, программа должна сформировать список компетентных лиц с контактными данными, которых следует подключить к профилактической работе с несовершеннолетним: соответствующего инспектора по делам несовершеннолетних, психологов, педагогов, социальных работников и т.д., от школьного директора до участкового терапевта.

Заключение

Дальнейшее совершенствование платформы будет заключаться в развитии приложения с искусственным интеллектом, который, изучая уже отработанные и вновь поступающие запросы, сможет прогнозировать те или иные преступления, в том числе осуществляя мониторинг судьбы наиболее проблемных несовершеннолетних и своевременно сообщая о необходимости принятия мер компетентному должностному лицу, например, что несовершеннолетний либо его законный представитель вновь привлечены к административной ответственности или у семьи несовершеннолетнего существенно ухудшились жилищные условия по вине его родителей и т.д. Стоит заметить, что соответствующая программа сможет взаимодействовать и с иными, более специализированными структурами. Так, в настоящее время уже проводятся эксперименты по выявлению вербальных и невербальных признаков потенциально опасных личностей с помощью нейронной сети [5, с. 99 – 102].

Только психолог сможет разобраться в личностных проблемах несовершеннолетнего и определить их решение. Только педагог, сможет внести ряд изменений в учебный процесс, чтобы несовершеннолетний был мотивирован усваивать знания и не отставать в развитии от сверстников. Ведь противодействие преступности несовершеннолетних – дело комплексное, требующее различных профессиональных навыков. Только искусственный интеллект за счет своей работоспособности способен продемонстрировать развитые навыки из различных профессиональных сфер, что в конечном итоге предопределяет объективную необходимость его дальнейшей разработки и применения в практической деятельности.

Список литературы

1. Григорян Д. К., Ищенко Д. П., Ищенко Г. К. Криминальное противостояние даркнета и правовых институтов государственной власти // *Философия права*. 2022. № 3(102). С. 138 – 145.
2. Лазарян С. С., Черноталова М. А. Глобальная угроза роста неравенства // *Финансовый журнал*. 2017. № 4(38). С. 34 – 46.
3. Матвиенко С. В. Буллинг как социально-педагогическая проблема // *Вестник науки и образования*. 2018. № 3(39). С. 61 – 64.
4. Орлов В. В. Роль ритуала в функционировании экстремистского движения АУЕ // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2022. № 3. С. 64 – 70.
5. Орлова М. С. Некоторые меры по предупреждению массовых убийств обучающимися в образовательных организациях // *Криминологический журнал*. 2023. № 1. С. 99 – 102.
6. Подлипалин А. А. Педагогические формы нейтрализации негативного проявления в неформальной субкультурной среде // *Педагогические исследования*

(сетевое издание). 2020. № 1. С. 69 – 79. URL: <http://aguped.ru/?id=21&article=8> (дата обращения: 17.08.2023)

7. **Приговор** Александровского городского суда Пермского края от 14.04.2016. Дело №1-13/2016.

8. **Приговор** Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области от 14.03.2017. Дело №1-6/2017 (1-284/2016;).

9. **Приговор** Ачхой-Мартановского районного суда Чеченской Республики от 07.08.2017. Дело № 1-54/2017.

10. **Приговор** Карагинского районного суда Камчатского края от 26.08.2016. Дело № 1- 17/2016.

11. **Приговор** Новгородского районного суда Новгородской области от 28.12.2021. Дело № 1- 1114/2021.

12. **Приговор** Тюменского районного суда Тюменской области от 30.06.2022. Дело №1-138 / 2022.

13. **Реан А. А.** Влияние семьи и социальных установок на асоциальное поведение несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 281 – 288.

14. **Штык К. С.** Необратимость сенситивного периода: дети – Маугли // Мировая наука. 2019. № 5(26). С. 745 – 747.

15. **Шулепова А. Н.** Будущее в идентификационных ориентациях молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 290 – 297.

References

1. **Grigoryan D.K., Ishchenko D.P., Ishchenko G.K.** [Criminal confrontation between the darknet and legal institutions of state power], *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2022, no. 3(102), pp. 138-145. (In Russ., abstract in Eng.)

2. **Lazaryan S.S., Chernotalova M.A.** [Global threat of growing inequality], *Finansovyy zhurnal* [Financial journal], 2017, no. 4(38), pp. 34-46. (In Russ., abstract in Eng.)

3. **Matviyenko S.V.** [Bullying as a social and pedagogical problem], *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of science and education], 2018, no. 3(39), pp. 61-64. (In Russ., abstract in Eng.)

4. **Orlov V.V.** [The role of ritual in the functioning of the extremist movement AUE], *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti* [Psychology and pedagogy of service activities], 2022, no. 3, pp. 64-70. (In Russ., abstract in Eng.)

5. **Orlova M.S.** [Some measures to prevent mass murders by students in educational organizations], *Kriminologicheskij zhurnal* [Criminological Journal], 2023, no. 1, pp. 99-102. (In Russ., abstract in Eng.)

6. **Podlipalin A.A.** [Pedagogical forms of neutralizing negative manifestations in an informal subcultural environment], *Pedagogicheskiye issledovaniya (setevoye izdaniye)* [Pedagogical research (online publication)], 2020, no. 1, pp. 69-79. available at: <http://aguped.ru/?id=21&article=8> (accessed 17 August 2023) (In Russ., abstract in Eng.)

7. **Prigovor Aleksandrovskogo gorodskogo suda Permskogo kraya ot 14.04.2016. Delo №1-13/2016** [Verdict of the Aleksandrovsky City Court of the Perm Territory dated April 14, 2016. Case No. 1-13/2016] (In Russ.)

8. **Prigovor Anzhero-Sudzhenskogo gorodskogo suda Kemerovskoy oblasti ot 14.03.2017. Delo №1-6/2017 (1-284/2016)** [Verdict of the Anzhero-Sudzhensky City Court of the Kemerovo Region dated March 14, 2017. Case No. 1-6/2017 (1-284/2016)]. (In Russ.)

9. **Prigovor Achkhoy-Martanovskogo rayonnogo suda Chechenskoy Respubliki ot 07.08.2017. Delo № 1-54/2017** [Verdict of the Achkhoy-Martanovsky District Court of the Chechen Republic dated 08/07/2017. Case No. 1-54/2017] (In Russ.)

10. **Prigovor** Karaginskogo rayonnogo suda Kamchatskogo kraia ot 26.08.2016. Delo № 1- 17/2016 [Verdict of the Karaginsky District Court of the Kamchatka Territory dated August 26, 2016. Case No. 1 - 17/2016] (In Russ.)

11. **Prigovor** Novgorodskogo rayonnogo suda Novgorodskoy oblasti ot 28.12.2021. Delo № 1- 1114/2021 [Verdict of the Novgorod District Court of the Novgorod Region dated December 28, 2021. Case No. 1- 1114/2021] (In Russ.)

12. **Prigovor** Tyumenskogo rayonnogo suda Tyumenskoy oblasti ot 30.06.2022. Delo №1-138 / 2022 [Verdict of the Tyumen District Court of the Tyumen Region dated June 30, 2022. Case No. 1-138 / 2022] (In Russ.)

13. **Rean A.A.** [The influence of family and social attitudes on the antisocial behavior of minors], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 7, pp. 281-288. (In Russ., abstract in Eng.)

14. **Shtyk K.S.** [Irreversibility of the sensitive period: children - Mowgli], *Mirovaya nauka* [World science], 2019, no. 5(26), pp. 745-747. (In Russ., abstract in Eng.)

15. **Shulepova A.N.** [The future in the identification orientations of youth], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [News of the Tula State University. Humanitarian sciences], 2010, no. 1, pp. 290-297. (In Russ., abstract in Eng.)

Prospects for the Use of Artificial Intelligence to Prevent Juvenile Crimes

P. T. Savin, Cand. Sci Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminology, Captain of Justice,
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow, Russia;
paulst50@gmail.com

The article deals with issues related to the prevention of juvenile crimes. This issue is extremely relevant due to the special importance of the younger generation for the national security of the Russian Federation. In the process of research, the author analyzes individual examples of law enforcement practice, identifying the causes of juvenile delinquency. As a result, he comes to the conclusion that much of this issue is directly dependent on the immediate environment of the young offender. This is not only about a particular family and its values, but also about the significant influence of the street.

The author of the article has formulated individual proposals for combating juvenile delinquency, directly related to the development of artificial intelligence, which should simplify and make more effective the work of law enforcement agencies in the relevant direction. According to the author, only artificial intelligence, due to its performance, is capable of demonstrating developed skills from various professional fields, which ultimately predetermines the objective need for its further development and application in practical activities.

Keywords: artificial intelligence; law enforcement practice; juvenile delinquency; crime prevention.

© П. Т. Савин, 2024

Статья поступила в редакцию 01.12.2023

При цитировании использовать:

Савин П. Т. Перспективы применения искусственного интеллекта для предупреждения преступлений несовершеннолетних // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 81 – 88. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.081-088

Реализация права на причинение вреда в условиях пресечения преступной деятельности и задержания преступника – важный элемент борьбы с преступностью, который составляет значимый аспект в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Цель работы – определение содержания нормативно установленных условий причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Результат: получение нового знания относительно определения правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Выводы: определено содержание правообразующего юридического факта возникновения уголовно-правового отношения по реализации нормы, содержащейся в статье 38 УК РФ. Право на задержание возникает лишь при совершении лицом деяния, содержащего признаки состава преступления или иного деяния, являющегося основанием наступления уголовной ответственности. Определены нормативно установленные цели задержания лица, совершившего общественно-опасное деяние: прекращение уклонения от привлечения к ответственности; доставление в органы власти, имеющие компетенцию по производству расследования и привлечению к уголовной ответственности; лишение возможности задержанным продолжать преступную деятельность. Установлены критерии превышения необходимых мер задержания.

Ключевые слова: причинение вреда; пресечение преступной деятельности; задержание преступника; борьба с преступностью; правомерное причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Герман Константинович Таранов, адъюнкт,
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», Рязань, Россия;
taranovgerman1978@gmail.com

Эльвира Александровна Мамонтова, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Безопасность и правопорядок»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
mamontova-e@rambler.ru

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА В СЛУЧАЯХ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Введение

Существующий в праве институт правомерного причинения вреда в общественно-полезных целях в отечественном уголовном праве имеет частное проявление в виде обстоятельств, исключающих преступность деяния. Правомерное причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, не является предметом пристального внимания ученых-криминалистов. Вместе с тем реализация права на причинение вреда

в условиях пресечения преступной деятельности и задержания преступника является важным элементом борьбы с преступностью и составляет значимый аспект в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, что подтверждает актуальность темы проведенного исследования.

Цель статьи – определение содержания нормативно установленных условий причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Методы исследования связаны со своеобразием его предмета, в качестве которого выступают соответствующие научные труды, нормы уголовного закона, материалы судебного правоприменения. Исследование проведено в диалектико-материалистической парадигме с использованием исторического, формально-логического, сравнительного методов.

Результатом проведенного исследования стало получение нового знания относительно определения правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно-опасное деяние, а именно:

- установлен правообразующий юридический факт возникновения уголовно-правового отношения, по реализации нормы содержащейся в ст. 38 УК РФ;
- реконструирована модель уголовно-правовой нормы, дающей право на причинение вреда в условиях задержания преступника;
- уточнены цели задержания лица, совершившего общественно-опасное деяние;
- установлены критерии превышения необходимых мер задержания;
- разработаны рекомендации по коррекции норм уголовного закона.

Обсуждение

Обстоятельства задержания лица в теории уголовного права нашли широкое освещение в многочисленных научных работах. В частности, выделены условия правомерности причинения вреда, основания и пределы его причинения.

В учебной литературе преобладание получил подход, при котором предложено выделять основания задержания и признаки правомерного причинения вреда. В. В. Меркурьев, предлагает «в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, считать не само по себе задержание преступника, а действия, связанные с причинением вреда при таком задержании, рассматривая основополагающие условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление» [5, с. 35 – 37].

Сформированные в науке подходы разнятся не в сущностном плане, а скорее, в понятийном. Ученые едины в том, что для исследуемого института характерно наличие некоторых обстоятельств, дающих право на задержание (фактических обстоятельств), и условий правомерности самих действий по задержанию, в связи с чем необходимо сделать несколько уточнений относительно возникающего правоотношения.

Юридическим фактом, дающим право на задержание, являются обстоятельства уклонения от привлечения к юридической ответственности

лица, совершившего преступление (удаляется с места совершения преступления, препятствует задержанию и т.п.). На основании анализа происшествия движимый моральными нормами субъект задержания реализует свое право на ограничение свободы задерживаемого и доставляет его в органы власти, в том числе и с причинением ему в необходимых пределах физического вреда.

Итак, приведем признаки или условия, относящиеся к юридическому факту – основанию задержания:

I. *Право на задержание* возникает только при совершении лицом деяния, содержащего признаки состава преступления или иного деяния, признаки которого являются основанием наступления уголовной ответственности (приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению, действия соучастников). Признанной проблемой в науке отмечено, что в экстремальной ситуации задержания задерживающий, сознательный гражданин или сотрудник правоохранительных органов, не может верно оценить опасность совершенного преступления, а также вменяемость и возраст правонарушителя, тем не менее эти обстоятельства являются существенными признаками фактического состава, дающего право на задержание. «Производя задержание, задерживающий должен обладать достаточной уверенностью в том, что общественно опасное деяние, во-первых, имело место в действительности, во-вторых, совершено задерживаемым лицом, в-третьих, носит преступный характер» [2, с. 56 – 64].

На основе обобщения судебной практики Верховный Суд РФ указывает, что в случаях когда:

- при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, приняв за преступление административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, либо лица в состоянии невменяемости;

- при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно того, кто именно совершил преступление, а обстановка давала ему основание полагать, что преступление было совершено задержанным им лицом;

- если, в обоих случаях обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление и именно задерживаемым лицом, и задерживающий не осознавал и не мог осознавать действительный характер совершавшегося деяния, его действия следует оценивать по правилам ст. 38 УК РФ, в том числе и о допустимых пределах причинения вреда. «Если при задержании лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать указанные обстоятельства о характере противоправного деяния и о том, кто именно совершил преступление, его действия подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности. При отсутствии указанных обстоятельств причинение вреда лицу при его задержании подлежит квалификации на общих основаниях» (п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»).

Встречающаяся в литературе позиция относительно возможности силового задержания невменяемых лиц, а также лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, не вызывает принципиальных возражений при условии соблюдения правил, установленных ст. 38 УК РФ, и разъяснений Верховного Суда. Однако, например, в упоминавшемся диссертационном исследовании А. В. Никуленко обосновывается необходимость распространения исследуемого института на случаи совершения дисциплинарных проступков некоторыми категориями рабочих и служащих. По мнению автора, повышенную опасность представляют дисциплинарные проступки военнослужащих, сотрудников МВД, ФСИН, ФСБ России ввиду их особого правового статуса, доступа к оружию и специальным средствам [10].

Другая категория особо опасных дисциплинарных проступков связана с совершением их в отраслях хозяйства с повышенной опасностью обеспечения ими сферы жизнедеятельности общества, таких как все виды транспорта, радиационно-опасные и ядерные производства и объекты, гидроэлектростанции, предприятия тепло- и электроснабжения. «Для обеспечения безопасности в этих и других сферах жизнедеятельности, одной из составляющих которой является дисциплина труда (так называемый человеческий фактор), необходимо, на наш взгляд, применение жестких, а иногда и силовых мер для наведения порядка и задержания лиц, допустивших нарушение дисциплины» [10, с. 248]. В обосновании своей позиции А. В. Никуленко приводит положения Дисциплинарного устава ВС РФ, предусматривающего применение в нарушителям дисциплины таких мер обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке, как доставление, задержание. Также он приводит в качестве примера ст. 49 Дисциплинарного устава органов внутренних дел РФ, где определен порядок привлечения сотрудника ОВД за появление на службе в состоянии опьянения.

Следует согласиться с автором, что особый правовой статус государственных служащих и необходимость защиты особо важных объектов народного хозяйства требует исключительных мер реагирования со стороны государства на возможные нарушения со стороны работников и служащих. Вместе с тем считаем привести следующие возражения:

1. Поступление на службу в вооруженные силы, правоохранительные органы предполагает профессионально-психологический отбор кандидатов на занятие должностей начальствующего состава, с личным составом проводится соответствующая профессиональная подготовка, воспитательная работа, и нарушения служебной дисциплины в разных видах государственной службы не носят массового характера.

2. Потенциальные субъекты дисциплинарных проступков в обозначенной сфере обладают специальной подготовкой, владеют навыками применения физической силы, специальных средств и оружия, зачастую функционируют в специфических условиях служебной деятельности, следовательно, обычный гражданин имеет минимальные шансы на обнаружение признаков дисциплинарного проступка в действиях служащего, на его пресечение и задержание виновных лиц.

3. Нормативное закрепление подобного права за лицами, не имеющими специального статуса, способно подорвать авторитет государственной службы, а вмешательство в сферу функционирования особо важных объектов народного хозяйства способно привести и вовсе к непредсказуемым последствиям.

4. Признаки совершенного преступления более очевидны для граждан в сравнении с дисциплинарными проступками в обозначенной сфере, в связи с чем, право на пресекательные действия и последующее задержание закреплено за обычными людьми в ст. 38 УК РФ.

5. В случаях совершения дисциплинарного проступка, общественная опасность которого очевидна для окружающих, если он содержит явные признаки преступления, каждый человек и так имеет право действовать в соответствии с полномочиями, закрепленными в ст. 38 УК РФ, и никакого дополнительного регулирования в обозначенных обстоятельствах не требуется.

6. Распространение правил задержания лица, совершившего общественно-опасное деяние, на случаи совершения названных дисциплинарных проступков вопреки ощущениям не сможет дать начало формированию сложного межотраслевого института, а приведет к «размыванию» существующего уголовно-правового института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, усугублению существующих трудностей в использовании (физическими лицами) и применении (правоприменителями) уголовного закона.

Поддержки заслуживает рекомендованная А. В. Никуленко замена в ч. 1 ст. 38 УК РФ термина «преступление» на «общественно-опасное деяние», поскольку само преступление, причиняющее вред объекту уголовно-правовой охраны действия невменяемых и малолетних, обладает бесспорной общественной опасностью, и его совершение при прочих условиях дает право на задержание.

II. *Отсутствие наличности посягательства.* Данное условие состоит в том, что общественно опасное посягательство, составляющее основание для задержания, является завершенным, то есть совершены:

- действия (для формальных составов) и наступили необходимые последствия (для материальных составов), образующие объективную сторону какого-либо преступления;

- действия, составляющие оконченное покушение, приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению;

- действия соучастников, предусмотренные ст. 33 УК РФ. Подобную позицию в своих работах поддерживают В. И. Ткаченко и А. В. Наумов [8, с. 67; 9; 15, с. 12], кроме того она отражена в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – Постановление № 19).

Момент окончания возможности реализации права на задержание лица, совершившего общественно-опасное деяние, А. В. Никуленко связывает:

- с уже совершенным фактическим задержанием;

- истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности;
- декриминализацией деяния;
- смертью лица;
- изменением обстановки (например, задерживаемый сломал ногу, тяжело заболел, а также сам прекратил попытки уклониться от доставления в органы власти) [10, с. 250].

В работах С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко содержится спорное положение, согласно которому причинение вреда при задержании лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 – 3 ст. 222 УК РФ, должно оцениваться по правилам о необходимой обороне, так как это является более льготным для задерживающего [6, 11]. Подобное правило, по мнению авторов, распространяется и на случаи, если приобретение оружия и его последующее хранение является приготовлением к другому преступлению. «Даже когда приготовление к преступлению образует самостоятельный состав преступления, например, приобретение оружие для убийства, налицо необходимая оборона, так как основной состав преступления посягающим не выполнен до конца и *наличность посягательства отнюдь не исчерпана*» [10, с. 255].

Мы соглашаемся с утверждениями о повышенной общественной опасности преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, и что для пресечения подобных деяний для задерживающего необходим более льготный режим необходимой обороны. Вместе с тем авторы, отстаивая свою позицию, не приняли во внимание положения ч. 1 ст. 29 УК РФ, согласно которой «*преступление признается оконченным*, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом». Таким образом, лицо, приобретая пистолет для совершения в дальнейшем убийства, совершило деяние, содержащее все признаки предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ состава преступления, то есть оконченное преступление, и таким образом, его «наличность вполне исчерпана», что дает право на задержание по правилам ст. 38 УК РФ. В случае задержания преступника на этом этапе и доказанности его умысла на убийство в дальнейшем, его действия необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 222 УК РФ и ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 105 УК РФ.

Планируемое в дальнейшем совершение с помощью пистолета убийство, выполнение необходимых действий, составляющих его объективную сторону, порождают наличность нового преступления и вновь право на пресекательные действия со стороны задерживающих. При таком развитии событий лишение жизни человека следует квалифицировать по правилам, установленным в ст. 17 УК РФ «Совокупность преступлений» – ч. 1 ст. 222 УК РФ и соответствующей части ст. 105 УК РФ.

Недоумение вызывает утверждение А. В. Никуленко, что в случаях совершения длящихся преступлений, таких как побег из-под стражи, уклонение от отбывания наказания, совершения преступлений, связанных с незаконным владением предметами, изъятыми из гражданского оборота, бандитизма, функционирования преступного сообщества должны действовать правила необходимой обороны, поскольку в этом случае «юриди-

чески обосновано применение в отношении указанных категорий лиц более жестких мер, которые обусловлены состоянием необходимой обороны, а не задержания» [10, с. 255]. Автор пытается юридическую обоснованность применения мер задержания заменить целесообразностью, что с позиций действующего законодательства недопустимо.

В Постановлении № 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 г. (ред. от 14.03.1963 г.) «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» сказано, что делящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти), то есть, очевидно, что длительность преступления во времени прекращается мерами задержания виновного, следовательно, в этот момент прекращается и *наличность посягательства*.

Кроме этого, автором не учтены фактические основания применения правил необходимой обороны, а именно действия, направленные на насильственное противодействие задерживаемому, а они могут быть не во всех случаях задержания такого лица.

На наш взгляд, все спорные моменты при разграничении необходимой обороны и причинения вреда при задержании разрешены в Постановлении № 19, где сказано: «Задержание лица, совершившего преступление, может производиться и при отсутствии непосредственной опасности совершения задерживаемым лицом общественно опасного посягательства. При этом задержание такого лица осуществляется с целью доставить его в органы власти и тем самым пресечь возможность совершения им новых преступлений».

Если в процессе задержания задерживаемое лицо совершает общественно опасное посягательство, в том числе сопряженное с насилием, опасным для жизни задерживаемого его лица или иных лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, причинение вреда в отношении задерживаемого лица следует рассматривать по правилам о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ)» (п. 18 Постановления № 19).

III. Следующее условие правомерности причинения вреда при задержании связано с *целями задержания и его вынужденным характером*.

В качестве целей обычно называют прекращение уклонения от ответственности за совершенное общественно-опасное деяние, доставление в органы власти, имеющие компетенцию по производству расследования и привлечению к уголовной ответственности, а также лишение возможности задержанного продолжать преступную деятельность. Данные цели определяют *правомерность причинения вреда, то есть его возможность как такового, и пределы*.

Физический вред здоровью задерживаемого лица может быть причинен лишь для лишения его возможности избежать ограничения свободы и последующего доставления в орган власти. Существенным является и то, что он может быть причинен при наличии уверенности в том, что именно это лицо подлежит задержанию вследствие своего предшествующего поведения. А. Б. Сахаров, поясняя данный момент, обращается

к уголовно-процессуальным основаниям задержания лица по подозрению в совершении преступления, предусмотренным ст. 91 УПК РФ, о чем мы уже упоминали выше. И далее он называет дополнительные условия правомерности причинения вреда: «если оно было вызвано противодействием задержанию со стороны преступника и задерживающий не мог осуществить задержание, не прибегая к насильственным мерам» [13, с. 128].

Н. Н. Турецкий и А. В. Наумов указывают на недопустимость причинения физического вреда задерживаемому, даже если он и совершил тяжкое преступление, но при задержании не оказывает сопротивления [8; 16, с. 171].

На основании анализа научной литературы выделяем следующие ситуации задержания по степени интенсивности противодействия задерживаемого лица:

- неповиновение, представляющее собой пассивную форму поведения, состоящую в отказе следовать в органы власти;
- ненасильственное сопротивление, проявляющееся в отказе подчиняться правомочным требованиям задерживающего, удержании, хватании за неподвижные предметы и т.п. В обоих случаях такие действия порождают право на применение насильственных мер задержания [14, с. 464].

И в третьем случае, задерживаемый оказывает насильственное сопротивление, выражая активное противодействие правомочным действиям задерживающего. «Когда виновный размахивает руками, стремясь ударить задерживающего, с силой вырывается из захвата или идет еще дальше – нападает на задерживающего, угрожая причинением вреда здоровью любой тяжести – налицо ситуация, порождающая право на необходимую оборону» [7, с. 310 – 319]. Отмеченная позиция нашла отражение и в судебной практике Верховного Суда РФ: «Если в процессе задержания задерживаемое лицо совершает общественно опасное посягательство, в том числе сопряженное с насилием, опасным для жизни задерживающего его лица или иных лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, причинение вреда в отношении задерживаемого лица следует рассматривать по правилам о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ)» (п. 18 Постановления № 19).

Как уже было сказано выше, *условием правомерности насильственных мер задержания являются исключение из их целей мести за совершенное преступление либо оказанное сопротивление в процессе задержания*, а также внесудебная расправа над задерживаемым.

Вынужденный характер причинения вреда также относится к действиям задерживающего. Данное обстоятельство состоит в том, что субъект задержания при его осуществлении в конкретных обстоятельствах осознает, что без причинения физического вреда лицу, совершившему общественно-опасное деяние, задержать его не удастся. При этом значение имеет добросовестная убежденность задерживающего в неизбежности применения насильственных мер задержания. Это относится к случаям, когда на пути убегающего преступника находятся непреодолимые для него препятствия, его физиологическое состояние, делающее противодействие непродолжительным и т.п., о чем не знал задерживающий.

IV. *Отсутствие превышения мер необходимых для задержания.* Законодатель в ч. 2 ст. 38 УК РФ установил несколько критериев превышения необходимых мер задержания.

В литературе отмечается, что при определении пределов причиненного вреда при задержании следует обращать внимание на возраст, физические данные субъекта, наличие у него оружия и т.п. К обстановке задержания относят время суток, когда проводилось задержание, его место (людное, безлюдное), возможность обратиться за помощью к органам власти [1, с. 311]. Также обстановку характеризует решимость неповиновения или сопротивления задерживаемого, опасность его поведения для окружающих [3, с. 60].

О. В. Кондрашовой предложено определять превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, при несоблюдении условий вынужденности или необходимости причинения вреда и при его несоразмерности. При этом вред, причиняемый задерживаемому *обычным лицом, должен быть необходимым*, когда без его причинения задержание становится невозможным. «Вред, причиняемый специально уполномоченными должностными лицами, является вынужденным, связан с их обязанностью задержать лицо, совершившее общественно опасное посягательство, и невозможностью избежать этого вреда вследствие противодействия задерживаемого» [4, с. 16–17].

А. В. Савинов превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, связывает с их явным (очевидным) несоответствием характеру и степени общественной опасности совершенного лицом преступления (категории, к которой оно относится) и обстоятельствам задержания. «Если категория, к которой можно условно отнести деяние, причинившее определенный вред лицу, совершившему преступление, по своей тяжести выше категории совершенного задерживаемым лицом преступления и обстановка задержания позволяла избежать причинения вреда, можно говорить о превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» [12, с. 18].

Н. Н. Утепова, анализируя пределы причинения вреда при задержании на основании системного толкования уголовного закона, справедливо отмечает, что не влечет уголовной ответственности умышленное причинение легкого вреда здоровью задержанного, ударов, побоев других насильственных действий, причинивших физическую боль и не повлекших телесных повреждений, лишение лица свободы, имущественный вред и любой неосторожный вред (в том числе и причинение смерти человеку или тяжких телесных повреждений) [17].

Заключение

Сложным или составным правообразующим юридическим фактом возникновения уголовно-правового отношения по реализации нормы, содержащейся в ст. 38 УК РФ, являются обстоятельства уклонения от привлечения к юридической ответственности лица, совершившего преступление (удаляется с места совершения преступления, препятствует задержа-

нию и т.п.). Движимый моральными нормами субъект задержания реализует свое право на ограничение свободы задерживаемого и доставляет его в органы власти, в том числе и с причинением ему в необходимых пределах физического вреда.

Положения ст. 38 УК РФ могут быть реконструированы в классическую модель уголовно-правовой нормы следующим образом.

Если лицо совершило общественно-опасное деяние, содержащее признаки уголовно-правового состава, способного стать основанием для уголовной ответственности, после этого уклоняется от привлечения к уголовной ответственности (гипотеза), *то* любое лицо, осознав вышеназванные обстоятельства, имеет право задержать преступника для доставления его в органы власти, в том числе с причинением ему необходимого для задержания и обусловленного обстановкой задержания физического вреда (диспозиция). *(Иначе)* При умышленном причинении без необходимости средней тяжести, тяжкого вреда здоровью или смерти задерживаемому, если меры задержания явно не соответствовали характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, наступает уголовная ответственность (санкция).

Право на задержание возникает только при совершении лицом деяния, содержащего признаки состава преступления, или иного деяния, признаки которого являются основанием наступления уголовной ответственности (приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению, действия соучастников). При этом не имеет значение категория совершенного преступления, его относимость к длящимся продолжаемым и т.п. Категория преступления, его характер и степень общественной опасности определяет интенсивность возможных мер задержания и пределы допустимого физического вреда задерживаемому.

Распространения исследуемого института на случаи совершения дисциплинарных проступков, административных правонарушений и иных деликтов недопустимо.

В части 1 ст. 38 УК РФ термин «преступление» следует заменить на понятие «общественно-опасное деяние», поскольку задержанию подлежит лицо, совершившее преступление, причиняющие вред объекту уголовно-правовой охраны, действия невменяемых и малолетних, которые обладают бесспорной общественной опасностью.

Общественно опасное посягательство, составляющее основание для задержания, завершено – это является основанием для привлечения к уголовной ответственности, то есть фактически совершены:

- действия (для формальных составов), и наступили необходимые последствия (для материальных составов), образующие объективную сторону какого-либо преступления;
- действия, составляющие оконченное покушение, приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению;
- действия соучастников, предусмотренные ст. 33 УК РФ. Отсутствие наличности посягательства дает право на применение мер задержания.

Цели задержания лица, совершившего общественно-опасное деяние, состоят в прекращении уклонения от привлечения к ответственности, доставление в органы власти, имеющие компетенцию по производству расследования и привлечению к уголовной ответственности, а также лишение возможности задержанного продолжать преступную деятельность.

Правомерным не может быть признано причинение вреда при задержании с такими целями, как *месть за совершенное преступление либо оказанное сопротивление в процессе задержания*, внесудебная расправа с задерживаемым, ложно-понятые интересы службы.

Правомерность причинения вреда при задержании определяется его вынужденным характером, который обуславливается следующими ситуациями задержания по степени интенсивности противодействия задерживаемого лица:

- неповиновение, представляющее собой пассивную форму поведения, состоящую в отказе следовать в органы власти;
- ненасильственное сопротивление, проявляющееся в отказе подчиняться правомерным требованиям задерживающего, удержании, хватании за неподвижные предметы и т.п. Оба случая порождают право на применение насильственных мер задержания, направленных на устранение препятствий задержания и реализацию его целей.

Если задерживаемый оказывает насильственное сопротивление, выражая активное противодействие правомерным действиям задерживающего (размахивает руками, стремится нанести удары частями тела или предметами, с силой вырывается из захвата, высказывает угрозы), то такие действия порождают право на необходимую оборону.

Критериями превышения необходимых мер задержания являются:

- явное несоответствие применяемых мер характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления;
- их явное несоответствие обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред;
- умышленное причинение средней тяжести, тяжкого вреда здоровью задерживаемого либо смерти (см. ч. 2, ст.ст. 108, 114 УК РФ).

Вынужденный характер причинения вреда обусловлен осознанием субъекта задержания фактических обстоятельств, при которых очевидно, что без причинения физического вреда лицу, совершившему общественно-опасное деяние, задержать его не удастся. При этом значение имеет добросовестная убежденность задерживающего в неизбежности применения насильственных мер задержания.

Список литературы

1. **Келина С. Г.** Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3.
2. **Кобзева Е. В.** Законодательная формула задержания лица, совершившего преступление // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологико-социологических исследований: сборник / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2010. Вып. 5. С. 56 – 64.

3. **Комментарий** к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. П. Ветрин и др.; отв. ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. М.: Проспект, 2008. 699 с. (автор комментария к ст. 38 В. А. Казакова).
4. **Кондрашова О. В.** Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2004. 22 с.
5. **Меркурьев В. В.** Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2006. 54 с.
6. **Милюков С. Ф.** Обстоятельства, исключающие преступность деяния // В кн.: Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие / Г. А. Агаев, Е. Н. Алешина-Алексеева, С. Н. Бычков и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2017. С. 181 – 203.
7. **Милюков С. Ф., Никуленко А. В.** Новейшие подходы к изучению проблем правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 310 – 319.
8. **Наумов А. В.** Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. СПб., 2008.
9. **Наумов А. В.** Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Бек, 1996. 550 с.
10. **Никуленко А. В.** Обстоятельства, исключающие преступность деяния : концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2019. 512 с.
11. **Никуленко А. В.** Отдельные вопросы необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние // Уголовно-правовая защита конституционных прав человека (к 15-летию Конституции России): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 мая 2009 г.). СПб., 2009. С. 575 – 579.
12. **Савинов А. В.** Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002. 25 с.
13. **Сахаров А. Б.** Задержание преступника // Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / Под ред. В. Н. Кудряцева, С. Г. Келиной. М.: Наука, 1987. 278 с.
14. **Ткачевский Ю. М.** Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Курс уголовного права. М., 1999. Том 1. С. 464.
15. **Ткаченко В. И.** Право на задержание преступника // Советская юстиция. 1982. № 4. С. 12.
16. **Турецкий Н. Н.** Обстоятельства, исключающие преступность деяния по уголовному законодательству Казахстана: монография. 2-е изд., доп. и перераб. Алматы: Норма-К, 2005. 328 с.
17. **Утепова Н. Н.** Особенность ответственности при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление // Вестник Науки: Международный научный журнал. 2019. Т. 2, № 1(10). С. 98 – 101.

References

1. **Kelina S.G.** [Circumstances excluding criminality of an act: concept and types], *Ugolovnoe pravo*, [Criminal law], 1999, no. 3. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Kobzeva E.V.; Lopashenko N.A.** *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya: rezul'taty kriminologo-sotsiologicheskikh issledovaniy: Sbornik* [Organized crime and corruption: results of criminological-sociological research], Saratov, 2010, vol. 5, pp. 56-64. (In Russ.)

3. **Verin V.P. et al.; Radchenko V.I. (Ed.), Mikhlin A.S., Kazakova V.A. (Eds.).** [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow: Prospekt, 2008. 699 p. (In Russ.)
4. **Kondrashova O.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Omsk, 2004, 22 p. (In Russ.)
5. **Merkuryev V.V.** *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis*. Ryazan, 2006, 54 p. (In Russ.)
6. **Milyukov S.F.** *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances excluding criminality of an act], In the book: Criminal law of Russia. General part: textbook. allowance, G.A. Agaev, E.N. Aleshina-Alekseeva, S.N. Bychkov and others, St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, pp. 181-203. (In Russ.)
7. **Milyukov S.F., Nikulenko A.V.** [New approaches to the study of problems of legal regulation of circumstances that exclude criminality], *Rossiiskij kriminologicheskij vzglyad* [Russian criminological view], 2008, no. 3, pp. 310-319. (In Russ., abstract in Eng.)
8. **Naumov A.V.; Radchenko V.I., Mikhlin A.S. (Eds.)** [Circumstances excluding criminality of an act]: *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], St. Petersburg, 2008. (In Russ.)
9. **Naumov A.V.** *Rossiiskoe ugodovnoe pravo* [Russian criminal law], General part: course of lectures. Moscow: Beck, 1996, 550 p. (In Russ.)
10. **Nikulenko A.V.** *PhD of Doctor's thesis (Law)*, St. Petersburg, 2019, 512 p. (In Russ.)
11. **Nikulenko A.V.** *Ugodovno-pravovaya zashchita konstitucionnykh prav cheloveka (k 15-letiyu Konstitucii Rossii): sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal legal protection of constitutional human rights (to the 15th anniversary of the Russian Constitution): collection. materials International scientific-practical conf.] (St. Petersburg, 26-27 May 2009), St. Petersburg, 2009, pp. 575-579. (In Russ.)
12. **Savinov A.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Moscow, 2002, 25 p. (In Russ.)
13. **Sakharov A.B.; Kudryatsev V.N., Kelina S.G. (Eds.)** [Detention of a criminal], *Ugodovnyy zakon: Opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal law: Experience in theoretical modeling], Moscow: Nauka, 1987, 278 p. (In Russ.)
14. **Tkachevsky Yu.M.** [Circumstances excluding criminality of an act], *Kurs ugodovnogo prava* [Course of criminal law], Moscow, 1999, vol. 1, p. 464. (In Russ., abstract in Eng.)
15. **Tkachenko V.I.** [The right to detain a criminal], *Sovetskaya yusticiya* [Soviet justice], 1982, no. 4, p. 12. (In Russ., abstract in Eng.)
16. **Turetsky N.N.** *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya po ugodovnomu zakonodatel'stvu Kazakhstana* [Circumstances excluding the criminality of an act under the criminal legislation of Kazakhstan]: monograph. Almaty: Norma-K, 2005, 328 p. (In Russ.)
17. **Utepova N.N.** [Features of liability when exceeding the measures necessary to detain a person who has committed a crime], *Vestnik Nauki: Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [Bulletin of Science: International scientific journal], 2019. vol. 2, no. 1(10), pp. 98-101. (In Russ., abstract in Eng.)

Conditions for the Lawful Infliction of Harm in Cases of Detention of a Person Committing a Crime

G. K. Taranov, adjunct
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia;
taranovgerman1978@gmail.com

E. A. Mamontova, Cand. Sci. (History), Associate Professor,
Department of Security and Law and Order,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
mamontova-e@rambler.ru

The exercise of the right to cause harm in the context of suppressing criminal activity and detaining a criminal is an important element of the fight against crime and constitutes a significant aspect in the professional activities of law enforcement officers. The purpose of the article is to determine the content of the normatively established conditions for causing harm during the detention of a person who has committed a socially dangerous act. The research uses a historical, formal-logical, comparative method based on the dialectical-materialistic paradigm. The study resulted in obtaining new knowledge regarding the determination of the legality of causing harm during the detention of a person who committed a socially dangerous act. The following conclusions have been drawn. The content of the law-forming legal fact of the emergence of a criminal law relationship, on the implementation of the norm contained in Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation, is determined. The right to detention arises only when a person commits an act containing elements of a crime or another act that is the basis for criminal liability. The normatively established goals of detaining a person who has committed a socially dangerous act are determined: stopping evasion of prosecution; delivery to authorities competent to conduct investigations and bring criminal charges; depriving detainees of the opportunity to continue criminal activities. Criteria for exceeding the necessary detention measures have been established.

Keywords: infliction of harm; suppression of criminal activity; detention of a criminal; fight against crime; lawful infliction of harm during the detention of a person who committed a socially dangerous act.

© Г. К. Таранов, Э. А. Мамонтова, 2024

Статья поступила в редакцию 23.10.2023

При цитировании использовать:

Таранов Г. К., Мамонтова Э. А. Условия правомерности причинения вреда в случаях задержания лица, совершившего преступление // Право: история и современность. 2024. Т. 8, № 1. С. 89 – 102. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.089-102

Исследованы проблемы, связанные с понятием, составом, назначением и правовым режимом земель запаса. Акцентируется внимание на ряде дискуссионных вопросов, в том числе проанализированы основания и условия перевода в земли запаса земель и земельных участков различных категорий. Показаны проблемы, связанные с определением местоположения границ земель запаса и необходимостью внесения данных сведений в ЕГРН. Рассмотрены вопросы о целесообразности отнесения к землям запаса участков, находящихся в частной собственности. Приведен анализ условий использования земельных участков запаса без перевода в другую категорию земель.

Ключевые слова: земли запаса; категория земель; земельный участок; единый государственный реестр недвижимости; перевод земель и земельных участков из одной категории в другую; консервация земель.

Николай Николаевич Мельников, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс», ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», Орел, Россия; ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Института государства и права Российской академии наук», Москва, Россия; rurcredit@yandex.ru

ПОНЯТИЕ, СОСТАВ, НАЗНАЧЕНИЕ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЕЛЬ ЗАПАСА

Введение

Нормативно-правовые положения о землях запаса имеют свою историю и предусматривались в ст. 117 Земельного кодекса (далее – ЗК) РСФСР 1970 г., а впоследствии в ст. 96 ЗК РСФСР 1991 г., который определял, что к данной категории относились все земли, находящиеся в ведении государства и не предоставленные во временное пользование (в том числе аренду) или собственность. Иными словами, главную роль в распространении на участок режима земель запаса играл критерий незакрепленности за каким-либо субъектом на вещном или обязательственном праве. Такой же подход сохранен и в действующем законодательстве, предусматривающем, что к исследуемой категории относятся земли и земельные участки, принадлежащие публичным образованиям и не находящиеся во владении граждан или юридических лиц (ст. 103 ЗК РФ). В качестве критического замечания можно отметить, что под такое же определение подпадают все относящиеся к публичной собственности земельные участки иных категорий, не предоставленные частным субъектам, и чем отличаются данные участки (иных категорий) от земель запаса в ЗК РФ четко не определено.

Обсуждение

Актуальным представляется вопрос о составе земель запаса и источнике его формирования? В первую группу земель запаса входят земли, изначально входившие в данную категорию и не предоставлявшиеся на иные цели. В литературе отмечалось, что такие земли в основном расположены в Сибири, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке [3]. Можно выделить еще одну группу участков, относящихся к землям запаса, – это участки, ранее относящиеся к иным категориям земель, но выбывшие из них и включенные в земли запаса до принятия Федерального закона от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее – ФЗ № 172) на основании решения уполномоченного органа [8]. До момента введения в действие ФЗ № 172 органы местного самоуправления активно использовали категорию земель запаса для их перераспределения и на основании собственного административного акта изымали участки из состава определенной категории и включали в земли запаса, а также выделяли участки земель запаса на различные нужды [14]. В правоприменительной практике такие действия приводили к спорам о принадлежности участка к определенной категории земель, в связи с тем, что в документах о предоставлении участка фигурировала исходная категория (земли запаса). Так, при рассмотрении судебного дела об отказе в государственной регистрации права постоянного бессрочного пользования на участок, изначально относившийся к землям запаса и предоставленный для нужд земель лесного фонда, возник вопрос о категории земель. Кадастровая палата субъекта РФ в ответ на запрос регистратора о категории земель сообщила, что применительно к спорному участку в кадастр не вносились сведения об изменении категории земель. Выявив противоречие в отношении принадлежности участка к определенной категории земель, регистратор отказал в регистрации права, что послужило основанием для подачи заявления в суд об обжаловании данного отказа. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций поддерживали позицию регистратора, указав, что отказ является правомерным в связи с тем, что на регистрацию не был предоставлен акт о переводе земельных участков из одной категории в другую. Высший Арбитражный Суд (далее – ВАС РФ) с такой позицией не согласился, подчеркнув, что ЗК РСФСР 1991 г. не содержал норм, регламентирующих процедуру перевода земель запаса в другую категорию, поэтому акт о предоставлении участка свидетельствует о его выбытии из земель запаса и изменении категории земель [13]. Из приведенной правовой позиции ВАС РФ следует, что участки, ранее относящиеся к иным категориям земель, но выбывшие из них на основании решения уполномоченного органа и включенные в земли запаса до принятия ФЗ о переводе земель, относятся к землям запаса.

Правовое регулирование отношений, связанных с переводом земель и земельных участков различных категорий в земли запаса характеризуется рядом противоречий. Так, согласно ст. 2 ФЗ № 172 к числу обязательных сведений, предоставляемых при переводе земель, относится обоснование перевода и в отношении перевода земель и земельных участков в состав земель запаса. Такими основаниями в силу ст. 7 могут быть: 1) консервация сельскохозяйственных земель; 2) перевод в земли запаса сельскохозяйственных земель, непригодных для ведения сельскохозяйст-

венного производства, то есть имеются в виду только участки сельскохозяйственного назначения. В соответствии со ст. 7 непригодные для сельскохозяйственной деятельности земли сельскохозяйственного назначения, находящиеся в публичной собственности, могут переводиться в земли запаса и в последующем предоставляться на иные цели посредством перевода из земель запаса в другие категории земель согласно ст. 13. Таким образом, исходя из норм ФЗ № 172 не совсем понятно, разрешается ли перевод находящихся в публичной собственности земель иных категорий (кроме сельскохозяйственных земель) в земли запаса.

В литературе справедливо обращалось внимание на проблемы отнесения к землям запаса неиспользуемых участков в малонаселенных пунктах и участков, в отношении которых прекращен правовой титул [4, с. 290 – 292]. Некоторые авторы, анализируя положения ст. 51 ЗК РФ, отмечали, что одним из последствий реквизиции участка и невозможности его последующего использования и возвращения собственнику может являться перевод участка в земли запаса [1]. Следует добавить, что вопрос об источниках пополнения земель запаса, в частности о возможности включения в состав указанной категории непригодных и неиспользуемых участков различных категорий урегулирован в действующем законодательстве нечетко. В статье 9 ФЗ № 172 имеется упоминание о том, что земли промышленности и иного специального назначения могут быть переведены в другую категорию без ограничений, кроме случаев, предусмотренных пп. 2 и 3 данной статьи, которые не могут ограничивать перевод земель указанной категории в запас, соответственно, на первый взгляд, препятствий для перевода нет. Но, с другой стороны, как уже отмечалось, ФЗ № 172 не предусматривает оснований перевода различных категорий земель в земли запаса, кроме как в отношении земель сельскохозяйственного назначения.

В земли запаса могут переводиться участки, непригодные для ведения сельскохозяйственного производства, но содержание термина «непригодные» в ст. 7 ФЗ № 172 не раскрывается. Если исходить из широкого толкования данного понятия, то имеются в виду все земельные участки, на которых невозможно осуществлять сельскохозяйственную деятельность, в том числе в силу природных особенностей, а также участки, подвергшиеся радиоактивному, химическому и иному заражению. В то же время в ФЗ № 172 непригодность для сельскохозяйственной деятельности и консервация, проводимая в связи с загрязнением участка, рассматриваются в качестве различных оснований для перевода, но в отношении одной и той же категории земель (сельскохозяйственного назначения).

Актуальным представляется рассмотрение вопроса о пополнении земель запаса за счет участков, подвергшихся заражению (загрязнению). В ФЗ о переводе земель консервация, осуществляемая в отношении зараженных земель, рассматривается в качестве основания перевода сельскохозяйственных земель в земли запаса. Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2004 г. № 112 (*далее* – Постановление № 112), которое согласно ст. 14 ЗК РФ регламентирует порядок использования подвергшихся радиоактивному, химическому и иному заражению земель, предусматри-

вает перевод данных земель в земли запаса и не содержит положений, ограничивающих такой перевод применительно к зараженным участкам различных категорий [11]. Наряду с загрязненными земельными участками, законодательство также предусматривает необходимость перевода в земли запаса участков, прилегающих к местам проведения ядерных взрывов в мирных целях. Такие положения предусмотрены в Постановлении Главного государственного санитарного врача РФ от 29 декабря 2010 г. № 183 «Об утверждении СанПиН 2.6.1.2819-10 «Обеспечение радиационной безопасности населения, проживающего в районах проведения (1965 – 1988 гг.) ядерных взрывов в мирных целях» [12]. Однако данный акт не предусматривает каких-либо специальных норм о переводе указанных участков в земли запаса, поэтому в отношении них можно сделать вывод о том, что на эти участки распространяются общие правила, предусмотренные для участков, загрязненных отравляющими веществами и микроорганизмами.

В статье 14 ЗК РФ определение порядка использования подвергшихся загрязнению земельных участков отнесено к компетенции Правительства. Отсюда следует, что условия перевода данных участков в земли запаса регламентируется Постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2004 г. № 112, согласно которому порядок действий в отношении указанных участков зависит от степени их заражения; в случае, если уровень загрязнения не позволяет обеспечить необходимое качество продукции и безопасности здоровья человека, такие земли согласно пп. 2, 4 постановления переводятся в земли запаса и на них устанавливаются охранные зоны.

Специфика положений ФЗ № 172 по сравнению с нормами Постановления № 112 заключается в том, что согласно данному закону изменение категории осуществляется по заявлению заинтересованного лица, то есть в добровольном порядке. При этом Постановление № 112 определяет, что перевод земельных участков в состав земель запаса может осуществляться как в заявительном порядке, так и принудительно по решению уполномоченных органов, что вполне обоснованно, поскольку данные действия связаны с защитой интересов граждан и недопущением производства продукции на зараженных землях.

Анализ норм Постановления № 112 показывает, что положения данного акта преимущественно направлены на консервацию нарушенных земельных участков, предполагающую их исключение из хозяйственного оборота; при этом не совсем четко прослеживается соотношение между нормами о консервации с нормами о переводе загрязненных участков в состав земель запаса. Согласно п. 2 Постановления № 112 загрязненные участки «переводятся в запас для консервации», отсюда следует, что процедуре консервации должен предшествовать их перевод в состав земель запаса, но в силу ФЗ № 172 основанием для перевода выступает консервация, то есть Постановление № 112 и ФЗ № 172 предусматривают проведение двух административных процедур: 1) перевод земель; 2) консервацию земель, но последовательность их осуществления в указанных актах прямо противоположная. Критически следует отнестись к тому, что Постановление № 112 практически не содержит норм об условиях перевода, нет также ссылок о том, что такие правила регламентируются ФЗ № 172.

Сравнительный анализ таких правовых институтов, как консервация земель и перевод загрязненных земельных участков в состав земель запаса, показывает, что с точки зрения защиты интересов граждан и охраны земли положения о консервации, предусмотренные Постановлением № 112, выглядят достаточно целостно без реализации процедуры перевода, поскольку консервация, наряду с исключением указанных земельных участков из оборота, сопровождается установлением охранных зон и ограничений прав на землю, в том числе на осуществление определенных видов деятельности. Соответственно не совсем понятно, для чего загрязненные участки включать в состав земель запаса, то есть проводить еще одну административную процедуру?

В отношении пополнения земель запаса за счет загрязненных земельных участков устранение пробельности действующего законодательства возможно несколькими способами, например, путем внесения в законодательство изменений, предусматривающих отказ от перевода указанных участков в земли запаса. Следующий подход заключается во внесении в ФЗ № 172 изменений, в соответствии с которыми консервация земель выступает основанием для перевода в земли запаса земельных участков любых категорий, подвергшихся заражению, что предполагает прохождение предусмотренной ФЗ № 172 процедуры перевода после осуществления мероприятий по консервации земель. Возможен и другой подход, состоящий в дополнении ФЗ № 172 положениями о том, что решение о консервации одновременно является актом о переводе соответствующего земельного участка в земли запаса; в этом случае правообладатели участка не будут вынуждены дополнительно проходить процедуру перевода, которая обязательна при внедрении первого подхода.

С проблематикой источников пополнения земель запаса связан вопрос о границах земель и земельных участков, относящихся к данной категории. По смыслу норм ЗК РФ категории земель отделяются друг от друга границами (ст.ст. 77, 84, 87). Правовое регулирование порядка установления границ отдельных категорий земель характеризуется некоторыми особенностями, заключающимися в том, что в отношении земель населенных пунктов, водного и лесного фондов законодательство предусматривает четкие соответствующие положения. При этом в законодательстве сложно найти нормы, регламентирующие требования к определению границ земель промышленности и иного специального назначения и сельскохозяйственных земель. Статья 7 ФЗ от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о регистрации недвижимости) содержит четкое положение о том, что границы земель населенных пунктов, водного и лесного фонда подлежат включению в ЕГРН, но в отношении земель запаса, как и земель промышленности и иного специального назначения и сельскохозяйственных земель, соответствующих норм не предусмотрено [10].

Открытым остается вопрос о местоположении границ земель запаса, в частности, каковы требования к порядку установления характерных точек границ и к системе их координат; подлежат ли внесению данные сведения в ЕГРН? Представляется, что координаты характерных точек границ земель различных категорий должны определяться в единой системе ко-

ординат, установленной для ЕГРН. Несмотря на отсутствие в ЗК РФ четкой соответствующей нормы, в отдельных положениях действующего законодательства можно найти подтверждение сделанному заключению. Например, согласно ст. 19 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (далее – ГрК РФ), который в соответствии со ст. 84 ЗК РФ регламентирует порядок установления границ населенных пунктов, координаты характерных точек местоположения этих границ определяются в системе, используемой для ведения ЕГРН [6]. Схожие нормы предусмотрены в законодательстве отношении границ земель водного и лесного фондов.

Структуру земель запаса можно себе представить следующим образом: 1) исторически сложившиеся территории (запаса), располагающиеся в Сибири, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке; 2) земельные массивы (запаса), сформированные до принятия ФЗ № 172 на основании актов органов местного самоуправления; 3) земельные участки, поступающие в земли запаса при переводе из других категорий земель.

Неоднозначным представляется вопрос об установлении границ и внесении сведения в ЕГРН в отношении земель запаса, указанных в пп. 1 и 2. С одной стороны, бесспорным является то обстоятельство, что в обозримой перспективе сведения о границах всех категорий земель необходимо внести в ЕГРН, поскольку эти сведения играют ключевую роль в отношениях, связанных с хозяйственным и юридическим оборотом земельных участков и с государственным управлением земельным фондом. При этом и оборот, и управление должны основываться на достоверных сведениях о соответствующих объектах. С другой стороны, нельзя не принимать во внимание экономическую целесообразность бюджетных расходов, которая применительно к рассматриваемым видам земель запаса (пп. 1 и 2), вызывает вопросы, так как не совсем понятно, к какому измеряемому результату данные расходы приведут, учитывая масштабы земельного фонда нашей страны. Кроме того, указанные границы будут иметь первичный и в какой-то степени промежуточный характер, поскольку назначение земель запаса состоит в их последующем выделении на различные нужды, что приведет к необходимости установления новых границ и несению дополнительных расходов. При этом в силу ст. 103 ЗК РФ участки, предоставляемые для использования из состава земель запаса, подлежат обязательному кадастровому учету, то есть сведения о границах данных участков будут внесены в ЕГРН.

Содержание правового режима земель запаса образуют нормы о назначении этих земель, праве собственности, порядке их использования и охраны. Дискуссионным представляется высказанное в литературе мнение о том, что у земель запаса отсутствует целевое назначение [4, с. 285 – 289, 292, 293]. Назначение земель данной категории можно охарактеризовать как земельный резерв¹, направления использования которого будут установлены в будущем.

¹ Нормы об отнесении земель и земельных участков к землям запаса следует отличать от такого правового института как резервирование земель и земельных участков для государственных или муниципальных нужд (ст. 70.1 ЗК РФ).

Актуальной представляется тематика права собственности на земли запаса. Статья 103 ЗК РФ предусматривает императивное положение о том, что земли запаса относятся к государственной или муниципальной собственности. Данное положение вызывает вопросы относительно целесообразности и необходимости перевода в земли запаса находящихся в частной собственности земельных участков, непригодных для сельскохозяйственного использования либо подвергшихся загрязнению. В частности, подлежат ли эти участки обязательному выкупу у частных лиц, и в каком порядке? Можно ли для этих случаев применять нормы ЗК РФ об условиях изъятия земельных участков для публичных нужд? По смыслу норм ст. 56.3 ЗК РФ перечень предусмотренных данной статьей оснований для изъятия земельных участков носит исчерпывающий характер и не предусматривает выкупа частных участков, переводимых в земли запаса. В литературе высказано мнение о том, что перевод в земли запаса участков, подвергшихся загрязнению, может носить срочный характер [2]. Эта точка зрения не была раскрыта автором и не совсем понятно, что в данном случае подразумевается, поскольку действующее законодательство не предусматривает возможности временного изменения целевого назначения земель.

По нашему мнению, положения ст. 103 ЗК РФ, закрепляющие исключительную принадлежность земель запаса к публичной собственности, представляются дискуссионными. В случае сохранения в законодательстве положения о переводе частных земельных участков в земли запаса, такой перевод нецелесообразно рассматривать в качестве основания выкупа для публичных нужд по следующим причинам. Установление категорий земель представляет собой один из элементов государственного управления и выступает способом определения правового режима земель и осуществляется в отношении всех без исключения земельных участков независимо от формы собственности. В соответствии со ст. 8 ЗК РФ изменение категории земельного участка, происходящее в связи с его переводом из одной категории в другую, не влечет смену субъекта права собственности, аналогичные положения предусмотрены в ФЗ № 172. В случае загрязнения земельного участка на нем недопустимо осуществлять производство продуктов питания, и одним из возможных способов достижения этой цели является изменение вида разрешенного использования участка посредством его перевода в земли запаса, но данное обстоятельство не свидетельствует о необходимости смены собственника участка.

Консервация земельного участка также не предполагает смену собственника. Согласно ст. 13 ЗК РФ к числу обязанностей правообладателя земельного участка относится воспроизводство его плодородия и защита от загрязнения химическими, радиоактивными и иными веществами. Восстановление плодородия земель (рекультивация) осуществляется за счет лиц, в результате деятельности которых произошло ухудшение качества земель. В соответствии со ст. 211 ГК РФ риск случайной гибели, повреждения или утраты имущества по общему правилу несет его собственник, следовательно, в случае если земельный участок оказался зараженным и утратил плодородие по причинам, независящим от собственника, именно на него следует относить риск снижения производительности и стоимости участка. Соответственно, для государства необоснованными

представляются расходы на выкуп указанных земельных участков и их восстановление.

Из сказанного следует, что отнесение к землям запаса загрязненных земельных участков или участков, непригодных для ведения сельскохозяйственного производства, нецелесообразно рассматривать в качестве основания для их изъятия, в связи с тем, что в данном случае не усматривается публичной потребности для выкупа и расходования бюджетных средства. На основании изложенного предлагается внести изменения в ст. 103 ЗК РФ, предусмотрев положение о том, что наряду с землями и земельными участками, находящимися в публичной собственности, к землям запаса могут быть отнесены частные земельные участки в порядке, предусмотренном федеральным законом.

Земельный кодекс РФ предусматривает два основания для использования земель запаса: первое заключается в необходимости перевода земельного участка запаса в другую категорию земель. В соответствии со вторым основанием в случаях, предусмотренных федеральным законом, участки запаса могут использоваться для определенных видов деятельности без их перевода в другую категорию (ст. 103 ЗК РФ).

Особенности перевода земельного участка запаса в другую категорию земель предусмотрены в ст. 13 ФЗ № 172, где говорится о том, что переводимый участок должен быть сформирован, то есть поставлен на кадастровый учет. Согласно указанной статье процедура перевода предполагает принятие акта о переводе, то есть речь идет о стандартном порядке перевода, определенном данным Законом. Каких-либо дополнительных условий и ограничений на перевод ст. 13 ФЗ о переводе земель не предусматривает, поэтому можно предположить, что следует руководствоваться общими основаниями для отказа, урегулированными ст. 4 ФЗ № 172.

В литературе отмечалось, что земли запаса могут быть переведены в другие категории земель без ограничений, кроме необходимости соблюдения общих положений земельного законодательства об охране и рациональном использовании [4, с. 285 – 289, 292, 293]. В судебной практике наблюдается несколько иной подход. В частности, в отдельных судебных актах встречаются упоминания о том, что органами прокуратуры обжалуются акты о переводе земель запаса в другую категорию по причине того, что в решении о переводе не указано основание изменения категории земельного участка, что является нарушением норм ст. 3 ФЗ № 172, и такая позиция прокуратуры квалифицируется судом как законная [15].

Анализ правоприменительной практики показывает, что при переводе земельных участков из состава земель запаса в другую категорию необходимо руководствоваться широким перечнем статей ФЗ № 172, а также иными актами законодательства. Так, при рассмотрении дела суд установил, что земельный участок запаса был поставлен на кадастровый учет с присвоением сведений о категории земель – земли запаса. Впоследствии на основании Постановления Правительства субъекта РФ указанный участок был переведен в земли особо охраняемых территорий и объектов, но с таким решением не согласился прокурор и обжаловал его в суд [16]. Рассматривая спор, суд указал, что в силу ст. 4 федеральным законом могут быть установлены ограничения на перевод. При этом в отношении зе-

мельных участков, переводимых в земли особо охраняемых территорий, ст. 10 ФЗ о переводе земель предусматривает условие для перевода – создание особо охраняемых территорий или туристско-рекреационных особых экономических зон. Соответственно акту о переводе земельного участка из состава земель запаса должно предшествовать принятие решения о создании указанной особо охраняемой территории или зоны. В связи с тем, что такого решения принято не было, Постановление субъекта РФ о переводе признано недействительным.

Согласно ст. 103 ЗК РФ в случаях, перечень которых определяется федеральным законом, земли запаса разрешается использовать для осуществления отдельных видов деятельности, например, для недропользования. Данная норма вызывала справедливую критику в литературе, поскольку речь идет об использовании земельных участков запаса без их перевода в другую категорию [5, с. 178].

В статье 103 ЗК РФ также подразумевается возможность использования земель запаса, включенных в состав охотничьих угодий, но регулирование этих отношений характеризуется рядом противоречий. Согласно ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в границы охотничьих угодий могут быть включены только те земли и земельные участки, правовой режим которых разрешает виды деятельности в сфере охотничьего хозяйства [9]. Анализ статьи 103 ЗК РФ показывает, что режим земель запаса не предусматривает осуществления на них никакой деятельности, кроме недропользования. В судебной практике отмечается, что в состав охотничьих угодий не могут произвольно включаться земельные участки различных категорий земель, при этом на примере участка сельскохозяйственного назначения подчеркивается, что данная категория земель не предусматривает возможность осуществления на них видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства [17]. Из сказанного можно сделать вывод о том, что деятельность в сфере охотничьего хозяйства допустимо осуществлять на земельном участке, если это прямо предусмотрено нормами о режиме соответствующей категории земель, как это сделано, например, в ст. 36 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ [7].

Разрешение противоречий в регулировании использования земель запаса для осуществления деятельности в сфере охотничьего хозяйства должно осуществляться путем внесения в ФЗ № 172 изменений, предусматривающих, что для указанных целей земельные участки запаса могут быть переведены в земли лесного фонда или земли особо охраняемых территорий, при этом дополнительно необходимо принять положения, определяющие критерии выбора соответствующих участков запаса для перевода и осуществления указанного вида деятельности.

Правовой неопределенностью характеризуются нормы об охране земель запаса. Это связано с тем, что в отношении данной категории не установлено целевое назначение. Очевидно, что на земли запаса подлежат распространению общие нормы об охране земель, предусмотренные ст.ст. 12, 13 ЗК РФ, о недопустимости загрязнения, истощения и деградации земель. Поскольку федеральным законом могут быть определены ви-

ды деятельности, разрешаемые на земельных участка запаса, мероприятия по охране земель могут осуществляться в соответствии с устанавливаемыми в этих случаях видами разрешенного использования. Соответственно иные варианты землепользования следует квалифицировать как нецелевые и незаконные.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить следующее. Наличие в законодательстве РФ положений о землях запаса обусловлено большой территориальной протяженностью нашего государства и существованием пространств со сложными климатическими условиями, в результате чего определенный объем земельных ресурсов остается не вовлеченным в социально-экономическую жизнь общества. Данные земельные ресурсы по общему правилу не используются и в отношении них не определено целевое назначение, но правовая регламентация их режима и порядка вовлечения в оборот представляется необходимой и обосновывает наличие в законодательстве норм о землях запаса. Развитие законодательства о землях запаса требует дополнительных научных исследований, которые рекомендуется сосредоточить на следующих направлениях: 1) основания и условиями перевода в земли запаса земель и земельных участков различных категорий; 2) местоположение границ земель запаса и необходимость внесения этих сведений в ЕГРН; 3) целесообразность отнесения к землям запаса участков, находящихся в частной собственности; 4) условия использования земельных участков запаса без перевода в другую категорию земель.

Список литературы

1. **Гражданское право:** учебник: В 3-х томах / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. Н. Алферова [и др.]; под ред. проф. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. Т. 1. 1008 с.
2. **Аверьянова Н. Н.** Правовой режим земель запаса // В кн.: Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с.
3. **Комментарий к Земельному кодексу** Российской Федерации: (постатейный) / С. А. Боголюбов, А. И. Бутовецкий, Е. Л. Ковалева [и др.]; под ред. С. А. Боголюбова, Е. Л. Мининой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 780 с.
4. **Земельное право России:** учебник / Г. А. Волков, С. Р. Багаутдинова, Л. Е. Бандорин [и др.]; под ред. Г. А. Волкова. М.: Проспект, 2023. 680 с.
5. **Игнатьева И. А.** Земельный участок для недропользования: ретроспектива и актуальное правовое регулирование // Российский юридический журнал. 2016. № 2(107). С. 177 – 185.
6. **Градостроительный кодекс** Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12138258/> (дата обращения: 25.03.2024).
7. **Лесной кодекс** Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12150845/> (дата обращения: 25.03.2024).
8. **О переводе земель** или земельных участков из одной категории в другую: Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12138154/> (дата обращения: 25.03.2024).

9. **Об охоте и о сохранении** охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12168564/> (дата обращения: 25.03.2024).

10. **О государственной регистрации недвижимости**: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/71129192/> (дата обращения: 25.03.2024).

11. **Об использовании земель**, подвергшихся радиоактивному и химическому загрязнению, проведении на них мелиоративных и культур технических работ, установлении охранных зон и сохранении находящихся на этих землях объектов: Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2004 г. № 112 // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 марта 2004 г. № 10. Ст. 866.

12. **Об утверждении СанПиН 2.6.1.2819-10** «Обеспечение радиационной безопасности населения, проживающего в районах проведения (1965 – 1988 гг.) ядерных взрывов в мирных целях»: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 29 декабря 2010 г. № 183. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902256364> (дата обращения: 25.03.2024).

13. **Постановление Президиума** Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 5558/14. URL: <https://base.garant.ru/70709310/> (дата обращения: 25.03.2024).

14. **Определение СК по гражданским делам** Восьмого кассационного суда (Кемеровская область) общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. по делу № 8Г-17647/2022[88-17788/2022]. URL: <https://actofact.ru/case-42KJ0008-8g-17647-2022-88-17788-2022-2022-08-16-0-2/> (дата обращения: 25.03.2024).

15. **Постановление Арбитражного суда** Западно-Сибирского округа от 18 мая 2023 г. № Ф04-1265/23 по делу № А02-1050/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=197022#w38wC8U8gw3I3qhJ2> (дата обращения: 25.03.2024).

16. **Апелляционное определение СК** по административным делам Верховного Суда РФ от 3 октября 2018 г. № 66-АПГ18-29. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28032018-n-66-apg18-2/> (дата обращения: 25.03.2024).

17. **Постановление Арбитражного суда** Поволжского округа от 8 июля 2022 г. № Ф06-20184/22 по делу № А57-15660/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/C9wVIGSuzZG/> (дата обращения: 25.03.2024).

References

1. Abramova Ye.N., Averchenko N.N., Alferova Yu.N. [et al.]; Sergeyev A.P. (Ed.). *Grazhdanskoye pravo: uchebnik* [Civil law: textbook], In 3 Vols. Moscow: Prospekt, 2018, vol. 1, 1008 p. (In Russ.)

2. Aver'yanova N.N.; Anisimov A.P. [Ed.], In book: *Aktual'nyye problemy teorii zemel'nogo prava Rossii: monografiya* [Current problems of the theory of land law in Russia: monograph], Moscow: Yustitsinform, 2020, 800 p. (In Russ.)

3. Bogolyubov S.A., Butovetskiy A.I., Kovaleva Ye.L. [et al.]; Bogolyubov S.A., Minina Ye.L. (Eds.). *Kommentariy k Zemel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: (postateyny)* [Commentary on the Land Code of the Russian Federation: (item by article)], Moscow: Prospekt, 2017, 780 p. (In Russ.)

4. Volkov G.A., Bagautdinova S.R., Bandorin L.Ye. [et al.]; Volkov G.A. (Ed.). *Zemel'noye pravo Rossii: uchebnik* [Land law of Russia: textbook], Moscow: Prospekt, 2023, 680 p. (In Russ.)

5. Ignat'yeva I.A. [Land plot for subsoil use: retrospectives and current legal regulation], *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Legal Journal], 2016, no. 2(107), pp. 177-185. (In Russ., abstract in Eng.)

6. **Available at:** <https://base.garant.ru/12138258/> (accessed 25 March 2024).
7. **Available at:** <https://base.garant.ru/12150845/> (accessed 25 March 2024).
8. **Available at:** <https://base.garant.ru/12138154/> (accessed 25 March 2024).
9. **Available at:** <https://base.garant.ru/12168564/> (accessed 25 March 2024).
10. **Available at:** <https://base.garant.ru/71129192/> (accessed 25 March 2024).
11. **[On the use of lands subjected** to radioactive and chemical contamination, carrying out reclamation and cultural works on them, establishing protective zones and preserving objects located on these lands: Decree of the Government of the Russian Federation of February 27, 2004 No. 112], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 8 March 2004 г., no. 10. art. 866. (In Russ.)
12. **Available at:** <https://docs.cntd.ru/document/902256364> (accessed 25 March 2024).
13. **Available at:** <https://base.garant.ru/70709310/> (accessed 25 March 2024).
14. **Available at:** <https://actofact.ru/case-42KJ0008-8g-17647-2022-88-17788-2022-2022-08-16-0-2/> (accessed 25 March 2024).
15. **Available at:** <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=197022#w38wC8U8gw3I3qhJ2> (accessed 25 March 2024).
16. **Available at:** <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28032018-n-66-apg18-2/> (accessed 25 March 2024).
17. **Available at:** <https://sudact.ru/arbitral/doc/C9wVIGSuzZG/> (accessed 25 March 2024).

Concept, Composition, Purpose and Legal Status of Reserve Lands

N. N. Melnikov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Head of Department of Civil Law and Procedure,
Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia;
Leading Researcher, Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
rurcredit@yandex.ru

This article examines the problems related to the concept, composition, purpose and legal status of reserve lands. The author draws attention to a number of controversial issues, including the analysis of the grounds and conditions for transferring lands and land plots of various categories to reserve lands; the problems associated with determining the location of the boundaries of reserve lands and the need to enter this information into the Unified State Register of Taxpayers; the issues of the expediency of assigning privately owned plots to reserve lands are examined. The paper also analyzes the conditions for the use of land plots of the reserve without transferring to another category of land.

Keywords: reserve lands; category of lands; land plot; unified state register of real estate; transfer of lands and land plots from one category to another; conservation of lands.

© Н. Н. Мельников, 2024

Статья поступила в редакцию 29.11.2023

При цитировании использовать:

Мельников Н. Н. Понятие, состав, назначение и правовой режим земель запаса // *Право: история и современность.* 2024. Т. 8, № 1. С. 103 – 114. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.103-114